
ЛЕКАРЬ
В МИРЕ
ЗОМБИ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Сергей Орлов
Лекарь в мире Зомби

https://litres.ru/74928044
SelfPub; 2026

Аннотация

Взрыв разорвал меня на части вместе с ордой зомби, но у смерти оказалось хреновое чувство юмора — я очнулся в прошлом, за несколько часов до начала апокалипсиса. Пять лет выживания в аду не исчезли из памяти: я помню каждую деталь того, как мир превратился в кладбище, где мёртвые охотятся на живых, а психоники с нечеловеческими способностями стали новыми хозяевами мира.

Знание будущего должно было стать моим козырем, но реальность преподнесла свои сюрпризы. Зомби появляются на несколько часов раньше и действуют организованнее, чем в прошлый раз. Психонические силы проснутся лишь через пару дней, до тех пор придётся полагаться на опыт и звериные инстинкты.

Второй раунд в зомби-апокалипсисе начался. И он явно будет жёстче первого.

Содержание

Глава 1. Охота на Кукловода 5
Глава 2. Обратно, в прошлое 23
Глава 3. Первый случай 40
Глава 4. Зацепка 58
Глава 5. В поисках оружия 75
Глава 6. Голый забег 96
Глава 7. Прорыв и первый Отожранный 116
Глава 8. Дальнейшие планы 150
Глава 9. Тихий уголок 163
Интерлюдия. Немного о происходящем в городе 188
Глава 10. Расплата за трусость 218
Глава 11. Вспомнить старые навыки 240
Г 256
Конец ознакомительного фрагмента. 257

Сергей Орлов
Лекарь в мире Зомби

Глава 1. Охота на Кукловода

Зубы сводит от холода. Промозглый ветер прорывается сквозь потрёпанную куртку и пробирает до костей. Лежу в грязи у дороги, считаю секунды и проклинаю свою судьбу. Пальцы немеют, но отпускать рукоять пистолета нельзя — одно неверное движение, и через минуту стану жратвой для зомби или трупом с дыркой в голове. Сырая земля пахнет гнилью и кровью. Этот запах никогда не исчезает — запах нового мира.

Рядом застыл Ваня. Его глаза — два куска льда, в них ничего, кроме жажды убийства. Такой взгляд бывает только у тех, кому нечего терять. Его пальцы нервно поглаживают спусковой крючок, а на виске пульсирует вена — единственный признак, что этот человек ещё жив, а не превратился в неживую машину для убийства.

— Сейчас появится эта мразь, — шепчет он, перезаряжая свой Глок. Металлический щелчок затвора звучит как приговор. — А потом я вырву ему хребет. Медленно… чтобы эта сука прочувствовал перелом каждого позвонка.

Ванина ненависть почти осязаема — густая и тяжёлая, как смола. Ещё бы, два месяца назад Рогов, лидер банды «Немертвых», забрал его Катю. Насиловал три дня, потом убил и превратил в ходячий труп. А после привязал к воротам базы и заставил Ваню смотреть на неё целые сутки. Я

помню, как нашёл его там — с потухшими глазами, шепчущего что-то своей мёртвой жене, чьё тело уже начало разлагаться.

Жестоко? Добро пожаловать в наш новый мир. Пять лет назад, когда вирус мутировал и подарил некоторым выжившим психонические способности, всё полетело к чертям. Старый порядок рухнул за считанные недели. Мир захватили мертвецы и психоники. И вторые, в основном, захватили власть над выжившими.

Кто-то стал Танком с неуязвимой шкурой, способной выдержать прямой выстрел из гранатомёта и даже не поморщиться. Кто-то — Телекином вроде Вани, способным разорвать человека на части силой мысли или сплющить стальную дверь одним движением пальца. А ублюдок Рогов превратился в Кукловода — редкий дар ментального контроля. Один взгляд в глаза — и ты больше не хозяин своего тела. Твои руки душат твоих же друзей, а ты смотришь на это через мутное стекло, не в силах что-либо изменить.

Я же стал чёртовым Лекарем. Иронично для бывшего гуманитария, правда? Когда начался апокалипсис, я был всего лишь первокурсником филфака, зубрил античную литературу и мечтал стать журналистом или писателем. Теперь вместо стихов Гомера я убиваю зомбаков, а вместо статей для студенческой газеты лечу психоников, после не шибко удачных рейдов. И заживляю раны голыми руками, используя энергетические импульсы.

Ни разу до этого кошмара не держал в руках даже медицинский скальпель. В первый год пытался помогать выжившим своими новыми способностями, но без базовых медицинских знаний часто проваливался. Помню, как пришлось ампутировать ногу ребёнку, укушенному зомби. Мы тогда ещё верили, что ампутация поможет. Не помогла.

Рация в ухе трещит, сквозь помехи пробивается голос Самойлова.

— Четыре тачки приближаются, — звучит так, будто он жуёт гравий. — План в силе. Повторяю: ждём, пока они выйдут из поселения, и бьём на дороге.

Наконец, к воротам «Сосновки» подъезжают четыре чёрных джипа. Хромированные бамперы измазаны засохшей кровью и грязью, на боках видны следы от пуль и царапины — боевые шрамы. Из головной машины высовывается бритая голова Паука — правой руки Рогова. Его лицо покрыто татуировкой в виде паутины, которая начинается от глаз и расходится по всему черепу. Мерзкое зрелище, усугубляемое неестественно бледной кожей.

— Открывайте, мать вашу! — орёт он, лупя пистолетом по крыше. Звук разносится эхом по пустырю. — Хозяин голодный!

Ворота открываются мгновенно, как по волшебству. Эти трусы из «Сосновки» предпочли сотрудничать с бандитами, регулярно отдавая им долю припасов и женщин. Сегодня это закончится. Либо «Немертвые» перестанут суще-

ствовать, либо мы перестанем дышать. Третьего не дано.

Ждём почти два часа, затаившись в кустах. Пот заливает глаза, хотя на улице холод собачий. От напряжения сводит мышцы, приходится периодически менять положение, чтобы не затекли ноги. Тело гудит от адреналина, как высоковольтный провод.

Я активирую интерфейс псионика — полупрозрачное меню перед глазами, видимое только мне. Это как дополненная реальность, только вместо каких-нибудь покемонов — твои способности отнимать или спасать жизни. Проверяю навыки: «Лечение», «Силовой удар», «Силовой щит» и новая «Силовая бомба». Для боя — кот наплакал, все-таки у меня не боевой класс, но выбора нет.

Вот они! Ворота открываются со скрипом несмазанных петель, и кортеж выезжает на дорогу. Охранники расслаблены, часть явно пьяна — наши информаторы не подвели. Через открытое окно второй машины видно Рогова. Высокий, с болезненно-бледной кожей, в чёрной коже. Длинные пальцы с чёрными ногтями, словно когти хищника, поглаживают бедро сидящей рядом девушки. Лицо Кукловода неестественно вытянутое, глаза — бесцветные, как у мертвеца, но в них пульсирует гипнотический огонь. Рядом с ним напуганная блондинка, еле прикрытая порванной одеждой. Её глаза пусты — типичный взгляд жертвы, смирившейся со своей участью.

Машины останавливаются в паре сотен метров от ворот.

Воздух наполняется вонью бензина и немытых тел. Рогов выходит, потягиваясь, как сытый кот. Его движения плавные, почти змеиные. Он вытаскивает следом девушку, держа её за волосы, как куклу.

— Смотрите, какую цыпочку я сегодня оприходую! — ржёт он, срывая с неё остатки одежды одним движением. Ткань трещит, обнажая белую кожу с синяками. Бандиты свистят и гогочут как свиньи, отпуская сальные шуточки. Один из них даже начинает пускать слюни, буквально. — Может, если будет послушной, позволю вам всем попробовать… потом.

Кровь стучит в висках. Ваня дёргается, но я хватаю его за плечо. Чувствую, как под моей рукой перекатываются напряжённые мышцы.

— Подожди сигнала, сукин сын, иначе всё похеришь!

С другой стороны дороги слышен крик кукушки — три раза. Это главная группа. Трое Танков готовы рвануть: Борода, Мелкий и Ксюша. Их энергетические щиты, как голубое пламя, способны выдержать первый удар вражеских бойцов. Я замечаю их силуэты на краю леса — массивные фигуры, готовые к броску, как хищники перед прыжком.

Второй сигнал — и воздух взрывается треском выстрелов. Три головы охранников лопаются как перезрелые арбузы, забрызгивая асфальт кровью и мозгами. Реакция — молниеносная. Из леса вылетают наши Танки, голубое поле щитов мерцает вокруг них, отбрасывая пули как капли дождя.

Борода — здоровый двухметровый детина с окладистой чёрной бородой — первым долетает до машины Рогова и с разгона таранит её. Удар такой силы, что внедорожник весом в две тонны подлетает, дважды переворачивается в воздухе и грохается на крышу, скрежеща металлом о бетон. Остальные бандиты наконец приходят в себя и открывают беспорядочный огонь.

Ксюша, стройная девушка с короткой стрижкой, принимает на себя основной огонь. Внезапно из окна одного из джипов высовывается тощий бледный пацан с ирокезом — Глушитель, личный телохранитель Рогова. Редкий псионик, способный временно блокировать чужие способности. Его руки светятся красным, когда он направляет их на Ксюшу. Её щит мигает и внезапно гаснет, оставляя девушку беззащитной. Следом автоматная очередь прошивает её тело от живота до груди. Кровь брызжет фонтаном, окрашивая асфальт в алый, а девушка падает, дёргаясь в агонии.

— Твою мать! — рычит Ваня, стискивая кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони.

Мелкий и Борода не останавливаются. Они рвутся к перевёрнутой машине, оставляя за собой следы дымящегося асфальта — их щиты так сильно разогрелись, что плавят дорожное покрытие. Нужно было убрать Рогова до прихода подкрепления, иначе наша миссия пойдет по пизде.

Борода добегает первым, отрывает дверь голыми руками, как консервную банку. Металл скручивается и отлетает в

сторону, ударяясь о землю с лязгом. Он заглядывает внутрь салона и вдруг каменеет. Его тело дёргается, словно от электрического разряда, распрямляется, а на лице появляется тупая ухмылка — гримаса марионетки.

— Чёрт! Рогов взял его! — ору я, уже понимая, что сейчас будет. Мы предусматривали такой вариант, но надеялись, что до этого не дойдёт.

Борода, теперь марионетка в руках Кукловода, хватает подбежавшего Мелкого за шею. Его огромные пальцы смыкаются на горле товарища, как тиски. Одно движение — и голова парня отделяется от тела с влажным хрустом рвущихся сухожилий и позвонков. Фонтан тёмно-алой крови бьёт в небо на добрых два метра, заливая лицо Бороды. Тело Мелкого дёргается в конвульсиях, руки бессмысленно цепляются за воздух, и падает на асфальт, дёргаясь в последних судорогах.

Борода спокойно нагибается и достаёт из разбитой машины Рогова — тот выглядит помятым, но живым. Кукловод что-то шепчет на ухо своему новому рабу, и тот закрывает его своим телом, создавая живой щит.

— Ваня, давай! — кричу я, выпрыгивая из кустов. Ветки хлещут по лицу, оставляя кровавые царапины.

Пули свистят мимо ушей, взрывая землю фонтанчиками пыли и камней. Активирую «Энергетический щит» — вокруг нас возникает синеватое силовое поле, похожее на мыльный пузырь. Оно выглядит хрупким, но способно вы-

держать до пятидесяти пуль, прежде чем лопнуть. Внутри щита воздух наэлектризован, волосы встают дыбом, на языке металлический привкус.

Ваня не теряет времени. Выбрасывает руку вперёд, концентрируясь на Рогове. От напряжения вены на его шее вздуваются, а глаза наливаются кровью. Тело главаря «немертвых» дёргается, как тряпичная кукла, и взлетает на метр над землёй, но Борода, управляемый своим новым хозяином, прыгает с нечеловеческой ловкостью и хватает Рогова за ногу, дёргая вниз.

— Сука! — ревёт Ваня, переключаясь на ближайшего стрелка, который пытается зайти нам во фланг.

Бандит взмывает вверх, словно подброшенный невидимой рукой. На его лице застывает удивление и животный ужас. А потом, с силой цунами, Ваня обрушивает его на асфальт. Удар такой мощи, что тело входит в бетон на несколько сантиметров. Череп бандита лопается, как спелый арбуз, мозги и осколки костей разлетаются на метры вокруг, смешиваясь с кровью и грязью.

Из леса появляется старик Горкин, наша последняя надежда. Бывший военный инженер, а теперь один из немногих Ищеек — псиоников, способных обнаруживать других одарённых на расстоянии. В бою от них обычно толку как от козла молока, но у Горкина есть козырь в рукаве — переделанный гранатомёт времён афганской войны. Старик целится с невероятной точностью, несмотря на трясущиеся руки,

и выпускает гранату прямо под ноги Бороде.

Взрыв! Оранжево-чёрный шар огня расцветает как адский цветок. Борода и Рогов исчезают в облаке раскалённых газов и осколков. Взрывная волна сносит окружающих бандитов, их тела отбрасывает на десятки метров, ломая кости об асфальт и машины. Когда дым рассеивается, мы видим, что Танка подбросило вверх вместе с Роговым. Щит Бороды выдерживает, окутывая его голубоватым коконом, но от удара он теряет равновесие и выпускает своего хозяина из рук.

— Он твой! — кричу я Ване, одновременно посылая «Энергетический удар» в ближайшего ублюдка, который пытается поднять автомат. Энергия собирается в моей ладони голубым светящимся шаром и выстреливает, создавая жгут плазмы, прошивающий грудь бандита насквозь. Удар оставляет дымящуюся дыру размером с кулак, сквозь которую видно дорогу позади. Запах палёного мяса наполняет воздух.

Ваня хватает Рогова телекинезом. Кукловод беспомощно зависает в двух метрах над землёй, дёргаясь как насаженный на булавку жук. Его лицо, обычно надменное и холодное, перекашивает гримаса ярости. Глаза наливаются кровью от натуги — он пытается применить свой дар, чтобы захватить контроль над Ваней, но тот неотрывно смотрит на его грудь, избегая прямого контакта взглядов.

— Смотри мне в глаза, трус! — шипит Кукловод, брызгая слюной. Капли зависают в воздухе, образуя причудливый

ореол вокруг его искажённого лица.

— Это за Катю, ублюдок, — произносит Ваня чужим, механическим голосом.

Он медленно сжимает кулак, и тело Рогова скручивается, как бумажка в огне. Кости хрустят одна за другой, как сухие ветки, ломаясь в самых неожиданных местах. Из ушей, глаз и рта Кукловода хлещет кровь, заливая его чёрную кожанку. Он кричит — высоким, пронзительным визгом, от которого стынет кровь.

Но мы не успеваем насладиться победой. Пуля из винтовки снайпера, прорвав ослабленный щит, прошивает плечо Вани. Брызги крови и куски плоти разлетаются в стороны. Он спотыкается, но, закусив губу до крови, удерживает телекинетическую хватку на Рогове.

— Держись! — ору я, активируя «Лечение». Моя правая рука начинает светиться голубым пульсирующим светом, словно в ней заключена маленькая звезда. Я прижимаю её к ране Вани, и энергия втекает в его тело, регенерируя ткани. Плоть срастается на глазах, кровотечение останавливается, но я чувствую, как стремительно тают мои силы.

— Сзади! — кричит вдруг Ваня, отбрасывая меня в сторону мощным телекинетическим толчком.

Борода, всё ещё под контролем умирающего Рогова, бросается на нас, как разъярённый бык. Его глаза полностью белые, без зрачков, изо рта течёт пена. Я едва успеваю уклониться, перекатываясь по земле, но Танк хватает Ваню за но-

гу своей огромной лапищей и с нечеловеческой силой бросает его в ближайшую машину. Удар такой силы, что металл корпуса мнётся, принимая форму человеческого тела.

— Ваня! — кричу я, уже понимая, что никакое лечение не поможет от таких повреждений.

Тело друга безвольно сползает по искорёженному металлу на землю, оставляя кровавый след. Его глаза открыты, но в них уже появляется мутная поволока смерти. Борода разворачивается ко мне, готовясь к новой атаке, но вдруг его лицо проясняется — морщины разглаживаются, белки глаз возвращают свой нормальный цвет. Рогов мёртв, и его контроль спал.

— Что… что я сделал? — В глазах Бороды ужас и непонимание, когда он видит искалеченное тело Вани.

Времени объяснять нет. Со стороны моста слышен рёв десятков моторов — к нам мчится подкрепление «Немертвых». Чёрная лента из джипов и мотоциклов извивается по дороге, приближаясь с каждой секундой. У нас минута, не больше.

— Бежим! — ору я, подхватывая Ваню. К моему удивлению, он ещё жив, но без сознания. Пульс слабый, дыхание хриплое и прерывистое.

Борода перехватывает тело друга, закидывая его на плечо, как мешок с картошкой. Кровь Вани пропитывает куртку Танка, но тот не обращает внимания.

— В лес, быстро! — командует он, кивая на восточную

опушку.

Мы бежим, под ногами хлюпает раскисшая от недавнего дождя грязь. Чавкающие звуки наших шагов заглушаются рёвом моторов и выстрелами позади. «Немертвые» не простят убийство своего лидера. Они выследят нас любой ценой, даже если придётся прочесать каждый метр леса.

Через километр бега Ваня приходит в себя. Стонет, кашляет кровью. Мы останавливаемся у поваленного дерева, и я успеваю залечить его самые серьёзные внутренние повреждения, но сил почти не остаётся. В глазах темнеет от истощения, энергия на исходе.

— Рогов? — первое, что он спрашивает, сплёвывая сгустки крови.

— Труп, — отвечаю я, утирая пот со лба. — Ты его уделал. Превратил в кровавую лужу.

Крошечная улыбка касается его губ, но исчезает мгновенно, словно стёртая невидимой рукой.

— Катю все равно не вернуть, — произносит он, глядя в серое небо.

— Зато они больше никого не возьмут, — говорю я, помогая ему подняться. — Надо двигаться. Скоро здесь будут Ищейки.

Продвигаемся лесом ещё пару километров, стараясь идти против ветра, чтобы сбить со следа собак. Наконец выходим к заброшенному зданию — пятиэтажный бетонный параллелепипед, бывший НИИ микробиологии. Окна выбиты,

стены покрыты мхом и граффити. Идеальное убежище — с бункером в подвале, который должен защитить от сенсорных способностей Ищейки.

Пробираемся внутрь через разбитый главный вход. Коридоры устланы опавшими листьями и мусором, отовсюду несёт сыростью и гниющими телами. Тут явно бывали мертвяки, но сейчас помещение пусто — слишком далеко от людских поселений, нечем поживиться.

Спускаемся в подвал по бетонной лестнице, каждый шаг отдаётся гулким эхом. В конце коридора — массивная бронированная дверь бункера. Но когда мы подходим к ней, обнаруживаем, что она наглухо заклинена. Ржавый замок не поддаётся даже сверхчеловеческой силе Бороды.

— Дерьмо! — он бьёт кулаком по металлу, оставляя вмятину. — Без вариантов, не открыть. Эта херня рассчитана на ядерный взрыв.

Снаружи уже слышны первые крики и выстрелы. К зданию приближаются как бандиты, так и мертвяки, привлечённые шумом боя. Их гнилостное рычание эхом разносится по пустым коридорам, заставляя волосы вставать дыбом.

— Наверх! — командует Борода, поддерживая ослабевшего Ваню. — Попробуем пересидеть на верхних этажах. Там есть пожарная лестница на крышу. Если что — спустимся с другой стороны.

Поднимаемся по полуразрушенной лестнице, стараясь не наступать на прогнившие участки. Бетонная крошка сыплет-

ся под ногами, каждый шаг сопровождается скрипом и стонами конструкций. Добираемся до третьего этажа, забиваемся в угловую комнату с единственной дверью. Ваня без сил падает у стены, хрипло дыша. Борода и я быстро баррикадируем вход, сдвигая тяжёлые металлические столы и шкафы с документами.

— Это ненадолго задержит преследователей, — говорит Борода, вытирая пот со лба. Его огромные ручищи, способные гнуть арматуру, мелко дрожат от усталости. — Что дальше?

— А то сам не знаешь, — усмехается Ваня, откидывая голову назад и прикрывая глаза. Его лицо бледное, с синюшным оттенком. — Билет в один конец. Они нас всё равно найдут, выследят, как бешеных собак. И лучше так, чем позволить им добраться до наших.

Он прав. Все четырнадцать человек, ушедшие сегодня на охоту за Роговым, знали, что это дорога в один конец. Даже если мы уцелеем и скроемся, Ищейки «Немертвых» рано или поздно нас найдут. А когда найдут — под удар попадут все, кто нас укрывал, помогал, лечил. Целые поселения сотрут в порошок за пособничество.

— Но Рогов мёртв, — говорю я, опускаясь на корточки рядом с Ваней. — Это того стоило.

Снизу слышится рычание зомби, треск выламываемых дверей. Звон разбитого стекла эхом разносится по пустому зданию. Они близко, очень близко. Я проверяю свой арсе-

нал: энергии хватит на один хороший щит или…

— У меня есть план, — говорю я, доставая из внутреннего кармана смятую пачку сигарет. — Будет кто?

Ваня берёт сигарету, я помогаю ему прикурить от потрёпанной зажигалки. Борода отказывается — завязал в прошлой жизни, когда ещё был капитаном пожарной части и ежедневно вытаскивал из огня тех, кто заснул с сигаретой.

— Я задержу их, — говорю спокойно, выдыхая дым кольцами. Никотин бьёт в голову, слегка проясняя мысли. — Вы уходите через пожарную лестницу с восточной стороны.

— Нет, — качает головой Ваня, морщась от боли. Сигарета дрожит в его пальцах, пепел падает на окровавленную куртку. — Ты не справишься один. Они там как муравьи.

— А у меня есть выбор? — усмехаюсь я. — Ты ранен и еле стоишь на ногах. Борода тебя на себе тащил всю дорогу. Кому-то надо их задержать, и это буду я.

Борода молча смотрит в мои глаза. Его взгляд — тяжёлый, как свинец. Он понимает — другого выхода нет. Если мы побежим все вместе, нас догонят через пять минут. Ваня слишком слаб. А в одиночку у Бороды есть шанс уйти далеко и быстро, даже с раненым на плечах.

— Открыл недавно новый навык, — подмигиваю я. — «Силовая бомба». Никогда не применял, но, судя по описанию, это что-то типа ядерного гриба, только в миниатюре. Снесёт половину здания. И всех, кто находится внутри.

Ваня смотрит на меня долгим взглядом. В его глазах

странная смесь эмоций — благодарность, вина, скорбь и что-то ещё… трудно определить.

— Ты чокнутый ублюдок, — он протягивает руку. На ладони засохшая кровь, его собственная и чужая. — Увидимся в аду, док.

— Раньше, чем ты думаешь, — сжимаю его ладонь. — А теперь двигайте. У вас две минуты форы, не больше. Дальше начнётся такой фейерверк, что мало не покажется.

Борода помогает Ване подняться. Его огромная фигура на фоне окна похожа на древнего великана из скандинавских мифов. Танк прячет эмоции за бородой, но я вижу, как блестят его глаза.

— Спасибо, — только и говорит он, закидывая Ваню на плечо. — За всё.

Они уходят. Дверь пожарного выхода скрипит, закрываясь за ними. Я остаюсь один в пустой комнате, наполненной запахом пыли, плесени и смерти. Открываю окно, впуская холодный ветер. Он треплет мои волосы, приносит запах гари и разложения. Снизу уже слышно, как зомби штурмуют лестницу. Их мёртвые конечности скребут по бетону, создавая какофонию звуков, от которой стынет кровь.

Их много, слишком много. А вдалеке — живые бандиты из клана «Немертвых». Они кричат, подбадривают друг друга. Жаждут мести за своего хозяина.

Я активирую интерфейс псионика, вывожу на панель «Силовую бомбу». Её иконка пульсирует зловещим голубым све-

том, манит и пугает одновременно. Инструкции сухие и лаконичные: «Высвобождает всю психическую энергию пользователя в форме разрушительного взрыва. Радиус поражения зависит от уровня навыка и текущего запаса энергии. ВНИМАНИЕ: неизбежно приводит к гибели пользователя».

Что ж, я и не рассчитывал дожить до пенсии в этом мире.

Свечение охватывает мои руки, растекается по телу. Такой прилив сил я не чувствовал никогда — словно каждая клетка наполняется чистым адреналином. Кожа светится изнутри, вены на руках пульсируют голубыми молниями. В воздухе пахнет озоном.

Дверь трещит под напором мертвяков. Первые гнилые пальцы просовываются в щели между досками баррикады. Скоро она не выдержит.

Я докуриваю сигарету и бросаю окурок на пол. За окном вижу, как две фигуры перебегают через пустырь к лесу. Борода несёт Ваню, двигаясь с нечеловеческой скоростью. Успели. Теперь моя очередь.

Дверь с грохотом разлетается на куски, и в комнату хлынет волна разлагающихся тел. В первых рядах — недавно обращённые бойцы Рогова, в их глазах ещё теплится остаток человеческого сознания, заключённого в гниющую темницу. Среди них — та самая девушка-блондинка, которую Рогов приволок из «Сосновки». Её некогда красивое лицо исказилось в жуткой гримасе, но фигура всё ещё узнаваема. Вот она, цена нашей победы.

— Ну что, мертвечина, потанцуем? — улыбаюсь я, концентрируя всю оставшуюся энергию.

Комната наполняется ослепительным голубым светом. Я чувствую, как меня буквально разрывает от скопившейся энергии — она рвётся наружу, как вода из прорванной плотины. Кожа трескается, из трещин сочится кровь вперемешку с голубым сиянием.

— За Катю, — шепчу я. — За всех, кого вы забрали.

Активирую «Силовую бомбу». Тело пронзает чудовищная боль, словно каждый атом взрывается изнутри. Последнее, что я вижу, — приближающиеся ко мне лица зомби, искажённые вечным голодом.

А потом всё исчезает в ослепляющей голубой вспышке.

Глава 2. Обратно, в прошлое

Взрыв. Ослепительная вспышка. А потом — ничего. Пустота поглотила меня, чтобы через мгновение выплюнуть в какой-то кошмарно знакомый мир. Я всё ещё чувствовал фантомную боль разрывающегося на части тела, но когда открыл глаза, то не по-детски так охренел.

Вместо заполненного мертвецами разрушенного НИИ, я находился в чистой аудитории, залитой утренним светом. Вместо запаха тлена и крови, чувствовались оттенки дешёвого кофе и цветочных духов. А вместо предсмертных криков нежити — монотонный голос, бубнящий что-то о грёбаном Гомере.

— …эпоха архаики в древнегреческой литературе представлена прежде всего гомеровским эпосом. Именно «Илиада» и «Одиссея» стали фундаментом…

Я ошарашенно осмотрелся по сторонам и почувствовал, как холодеет затылок. Передо мной была старая деревянная парта, изрезанный надписями и рисунками нескольких поколений студентов. А на нём — конспект, исписанный моим, сука, почерком.

Вокруг — молодые, а главное живые лица. Никаких гниющих тел, никаких обезображенных гримас вечного голода. Лишь обычные студенты. Одни внимательно слушали, другие переписывались в телефонах, третьи тихо дремали, по-

ложив голову на сумку.

Невозможно. Это всё нереально. Я же только что… умер?

У кафедры стояла Старухина Елена Викторовна, наша профессор античной литературы. Та самая, которую я в прошлой… то есть будущей жизни видел последний раз с перегрызенным горлом и выпущенными кишками, когда зомби полностью и бесповоротно захватили университет. Она что-то говорила о стилистических особенностях гомеровских сравнений, а я не мог оторвать взгляд от её шеи. Целой. Без малейших следов зубов.

— Волков, вы почему такой бледный? — её голос заставил меня вздрогнуть. — Вам нехорошо?

Я сглотнул ком в горле. Как ответить? Сказать, что я только что взорвал себя вместе с ордой зомби, чтобы спасти своих друзей-псиоников от банды «Немертвых»? Что последние пять лет выживал в постапокалиптическом кошмаре, где мёртвые пожирают живых, а большинство живых забыли, что такое быть людьми? Боюсь, меня тут же примут за сумасшедшего.

— Всё нормально, просто… недосып, — выдавил я из себя.

— Берегите здоровье, молодой человек, — кивнула она и вернулась к лекции.

Я посмотрел на свои руки. Чистые. Без шрамов и ожогов от псионической энергии, которые я получил за пять лет апокалипсиса. Но мозоли никуда не делись — жесткие, твердые

наросты от многочасовых тренировок с оружием и ударной техники. Странно.

Может, свихнулся напрочь? Или это какой-то загробный мир, издевательски напоминающий мою когда-то потерянную жизнь? Хотя какой, нахрен, загробный мир — в аду я уже побывал.

Взгляд сам собой метнулся в окно. Обычный майский день. Солнечный, но прохладный. На часах — 10:47. В памяти вспыхнуло острым осколком: семинар по античной литературе, вторник, 11 мая. Тот самый вторник. День, когда всё пошло по… всем известному месту.

Ощущение сюрреализма нарастало, когда я почувствовал лёгкое прикосновение к плечу. Повернул голову и увидел её. Нику. Живую, блядь, Нику с её неизменной кривоватой улыбкой и серьгой в левой брови. Пять лет назад я нашёл её обезглавленное тело в общежитии. Девчонку, которая приютила меня в первую ночь хаоса, разорвали на куски мертвяки из соседнего блока.

— Придёшь сегодня? — шёпотом спросила она, наклоняясь так близко, что её волосы коснулись моей щеки. От неё пахло ванилью и ментоловыми сигаретами. — Я нашла нормальную озвучку «Багрового пика» Дель Торо, можем посмотреть вечером.

Сердце ухнуло куда-то вниз, как на американских горках. Этот разговор намертво врезался в память. В той жизни я сказал «да» и появился в общаге, когда там уже разыгрался

кровавый ад. К тому моменту все понимали, что творится что-то по-настоящему страшное — новости о нападениях и безумном поведении людей распространялись со скоростью лесного пожара. Вломившись в её комнату, застал только последствия бойни: Ника лежала на полу в луже крови, в одном белье — видимо, меняла одежду, когда на неё напали эти твари.

Несколько зомби, прорвавшихся из соседнего блока, уже заканчивали своё кровавое пиршество. Её тело было разорвано на части, кишки размазаны по полу, а голова откатилась под кровать с застывшим выражением ужаса на лице. Я отступил, закрыв рот рукой, и блевал потом до желчи в коридоре. Хотя за пять лет после этого я насмотрелся на вещи и пострашнее.

Всё это пронеслось в голове за долю секунды. Рука сама потянулась к её лицу. Кончики пальцев коснулись тёплой щеки — живой, настоящей. Не труп. Не гниющая плоть.

Ника вздрогнула от неожиданности, а потом хихикнула.

— Это что ещё за нежности? — она игриво отстранилась. — Подожди до вечера, Ромео. Если, конечно, не передумаешь.

Я продолжал смотреть на неё как на призрака, не в силах выдавить ни слова.

— Макар? Ты вообще здесь? — она щёлкнула пальцами перед моим лицом.

— Да… да, здесь, — ответил я машинально, чувствуя, как

холодный пот стекал по спине. — Приду. Обязательно.

— Круто! Тогда в восемь, — улыбнулась она, откидывая прядь тёмных волос. — И захвати что-нибудь пожрать, а то у меня только кофе, да бич-пакеты.

Бич-пакеты. Символично. К концу второго года после начала апокалипсиса мир превратился в настоящий ад. В одну из особенно суровых зим, когда голод выкашивал выживших не хуже зомби, мне пришлось убить человека. Он пытался отнять последние запасы еды у нашей группы — небольшую коробку с просроченной лапшой. Я защищал не только себя, но и раненых товарищей. Удар охотничьим ножом оказался смертельным — он захлебнулся собственной кровью. Потом мы ели эту чёртову лапшу у костра, и я думал, что, возможно, проще было бы сдохнуть в первые дни, чем постепенно терять человечность.

Зазвенел звонок. Студенты вокруг оживились и начали собирать вещи. Я смотрел на них как в замедленной съемке. Большинство из этих людей были мертвы уже через неделю. Кого-то я лично добивал выстрелом в голову, когда они превращались в ходячих, другие выжили и стали хуже зомби — бандиты, мародёры, насильники. Новый мир быстро стирал границы между людьми и животными.

— Волков, задержитесь после занятия, — окликнула меня Старухина, но я уже проталкивался к выходу, расталкивая однокурсников.

Воздух — вот что требовалось прямо сейчас. Мозг от-

казывался осмыслить происходящую хрень. Сон это? Предсмертный бред? Или меня каким-то хером действительно зашвырнуло на пять лет в прошлое, в самое начало конца света?

В коридоре меня сцапал за локоть Лёшка Соболев — щуплый очкарик с вечно торчащими во все стороны волосами. Кто бы мог подумать, что этот тихоня-ботаник через пару месяцев станет совершенно другим человеком. Когда вирус мутировал, пробуждая у выживших психические способности, именно Лёха изменился одним из первых. Застенчивый книжный червь буквально за недели превратился в хладнокровного Телекина, способного одним движением пальца превратить человека в кровавое месиво.

Власть стала для него наркотиком. Он упивался страхом окружающих, устраивал публичные казни для тех, кто ему не нравился. Я помню, как он смеялся, заставляя людей выбирать, какую конечность себе отрезать. А в нашем последнем бою, когда я наконец решился остановить его, он уже был далеко за гранью человечности.

Я оставил его умирать со сломанным позвоночником. Странно видеть его сейчас — с этими наивными глазами за толстыми стёклами очков, не подозревающего, в какое чудовище он совсем скоро превратится.

— М-макар, — он нервно поправил очки, неловко переминаясь с ноги на ногу, — т-ты видел это? — Он осторожно протянул мне свой айфон, словно боясь, что я его отберу.

— В «Галерее» какая-то женщина н-напала на людей. Один парень умер от укуса, представляешь? Прям как в фильмах про зомби…

Голос дрожал от возбуждения, а в глазах мелькало жутковатое восхищение — первый тревожный знак будущих перемен.

В горле встал комок. Видео на экране Лёхиного айфона я уже видел пять лет назад. Именно с него всё и началось. Тогда мы просто ржали над «пикаперами, которые нарвались на бешеную наркоманку», но сейчас… сейчас мне было совершенно не до смеха. В первую очередь потому, что это была не наркоманка, а первый зарегистрированный случай вируса, который через два месяца выкосит 90% населения России, а через полгода превратит планету в кладбище.

На экране дрожала любительская съёмка из торгового центра «Галерея». За кадром слышались развязные голоса: «Смотри-ка, пикаперы нарвались!» и «Давай, снимай, это в сеть пойдёт!»

Группа парней в одинаковых футболках с надписью «Альфа-самец» окружила бледную женщину у фонтана. Она двигалась рвано, неестественно, как марионетка в руках пьяного кукловода. Кожа отливала серым, а взгляд был совершенно пустым.

«Эй, милая, улыбнись! Ты самая красивая мамочка в этом торговом центре!» — донеслось с видео под ржание парней.

Дальнейшее случилось молниеносно. Женщина выверну-

ла шею под невозможным углом и с утробным рыком бросилась на ближайшего пикапера. Зубы вонзились в горло, рванули плоть. Фонтан крови окрасил мраморный пол, парень рухнул, хрипя и зажимая разорванную артерию.

«Бля, что происходит?!» — завопил оператор, изображение заметалось из стороны в сторону.

Их тренер, здоровяк в майке с надписью «Гуру», кинулся на помощь. «Сука, отпусти его!» — он схватил женщину за волосы, пытаясь оттащить. Та извернулась змеёй и впилась зубами в его предплечье. Качок заорал, когда зубы прошли сквозь кожу до самых мышц.

«Охрана! Охрана!» — разносилось вокруг. Камера выхватывала перекошенные ужасом лица зевак.

Прибежавшие охранники попытались скрутить женщину, но она билась в их руках с нечеловеческой силой, разбрызгивая пену и кровь. Электрошокер не произвёл никакого эффекта — женщина даже не вздрогнула от разряда.

«Какого хрена! Почему не действует?!» — охранник отшвырнул бесполезный прибор.

Четверо крепких мужиков навалились всем весом, прижимая её к полу, но она продолжала извиваться и щёлкать зубами с голодной яростью. Кое-как связали руки брючными ремнями и скрутили ноги чьей-то курткой, но даже спутанную, её боялись касаться.

Финальные кадры демонстрировали масштаб трагедии: мраморный пол торгового центра превратился в кровавое

озеро; Пикапер лежал неподвижно, из рваной раны на шее толчками выплёскивалась кровь; Вокруг суетились друзья — один зажимал рану, другой имитировал искусственное дыхание, третий истерично орал в телефон, вызывая скорую.

Поодаль сидел тренер-качок, в шоке разглядывая руку с отпечатками зубов до самой кости. Толпа зевак росла — одни снимали на телефоны, другие кричали: «Скорую, быстрее!», «Господи, она его убила!», «Там ещё раненый!»

Перед тем как видео оборвалось, в кадр попали медики в синей форме, пробирающиеся с носилками сквозь толпу зевак.

— Э-это ж-жуть какая-то, правда? — Лёха нервно убрал телефон, поправляя очки дрожащими пальцами. — Как в фильмах ужасов… Т-ты думаешь, это из-за наркотиков?

Я смотрел на него, не в силах выдавить ни слова. Через несколько часов первый заражённый появится в нашем учебном корпусе. Вахтёр Степаныч, хронический алкоголик, которого покусает его собственный брат. К вечеру их будет уже тысячи. К утру — десятки тысяч. Через неделю Москва падёт. Через месяц правительство перестанет существовать.

— М-макар? — Лёха неуверенно коснулся моего рукава. — Ты как-то странно на меня смотришь. Что-то случилось?

— Ты мне веришь? — схватил я его за плечи, впиваясь пальцами.

— Ой! Б-больно! — он съёжился, пытаясь высвободиться. — О чём ты?

— Если я скажу, что знаю, что произойдёт сегодня вечером. Что произойдёт завтра, через неделю, через месяц. Ты поверишь?

Лёха смотрел на меня, как на психа. И я его понимал. Этот домашний мальчик ещё не стал тем хладнокровным убийцей, который через пару месяцев будет разрывать людей силой мысли ради горсти консервов или канистры бензина.

— Т-ты что такое говоришь? — он отстранился, нервно поправляя очки. — Ты какие-то т-таблетки принял? Или… или это шутка такая?

Блядь, и что я должен ему ответить? «Привет, Лёха, я из будущего, где ты превратился в монстра, а я тебя убил»? Или рассказать про зомби-апокалипсис, который начнется сегодня вечером? Проще сразу санитаров вызвать и упечь себя в дурку.

Но времени на сомнения не было. Если всё повторится, то к закату от привычного мира останутся только воспоминания. Апокалипсис не остановить — это понимал даже с опытом из будущего. Один человек против мирового пиздеца? Бессмысленно. Но вот спасти своих… сестренку, Нику, еще пару друзей — это реально. Только действовать нужно немедленно.

— Забей, — сказал я наконец. — Просто плохой сон приснился. Слишком реалистичный.

Лёха заметно расслабился.

— С-слушай, может тебе меньше учиться надо? — он по-

пытался пошутить, но голос все ещё дрожал. — К-кстати, ты сегодня на эти свои… ну, бои идёшь? Я бы мог… эм… если ты не против… п-посмотреть. Только не участвовать! Просто посмотреть.

Боёвка. Подпольный бойцовский клуб в заброшенном цеху на окраине города. Моя грёбаная отдушина — место, где кулаки говорили громче слов, а кровь и пот смывали всю накопившуюся хрень из головы. Как же, блядь, странно — в мире после апокалипсиса я вспоминал об этих боях почти с нежностью. Там хотя бы были правила, свой кодекс чести и границы, за которые никто не лез.

А когда мир превратился в выгребную яму, эти кровавые забавы казались детскими играми в песочнице по сравнению с тем дерьмом, через которое пришлось пройти, чтобы просто дожить до следующего утра. Никогда не думал, что буду тосковать по временам, когда мог просто разбить кому-то морду, зная, что на следующий день этот человек будет жив, а не превратится в ходячий труп.

— Нет, — отрезал я. — Сегодня никаких боёв. И тебе не советую даже близко подходить к тому месту.

— Д-да ладно, я просто хотел п-посмотреть! — Лёха попытался изобразить браваду, но голос дрогнул. — Интересно же, как ты там… ну… дерёшься. И вообще…

Я уже не слушал его лепет. Голова гудела от мыслей и планов. Часы на стене показывали 11:15 — меньше двух часов до начала ада. Сценарий был выжжен в памяти: после полу-

дня всё пойдёт по наклонной, а к вечеру город захлебнётся в крови и панике. Нужно успеть подготовиться.

Какие у меня есть варианты? Предупредить всех? Ага, и кто поверит студенту-первокурснику, несущему бред про зомби-апокалипсис? Спасти близких — вот что реально. Накупить запасов. Найти оружие. Свалить из города… Хотя куда бежать? Через неделю безопасных мест не останется.

Психонических способностей у меня пока нет — появятся только через пару дней после мутации вируса. Но есть кое-что поважнее — точное знание будущего. Каждая деталь, каждый поворот событий, словно уже написанный сценарий. Плюс пять лет опыта выживания в аду, который в мирной жизни не купишь за все деньги мира. Такая фора дорогого стоит.

— …короче, я подойду к шести, лады? — голос Лёхи выдернул меня из размышлений.

Я внимательно посмотрел на щуплого очкарика. Если я всё сделаю правильно, может, удастся удержать его от того безумия, в которое он сорвался в прошлый раз. А ведь Телекин такой мощи, каким он станет через пару месяцев, в команде — это почти гарантия выживания. Только бы не дать ему сорваться с катушек.

— Слушай, — я положил руку ему на плечо, стараясь говорить спокойно, — сегодня никаких боёв не будет. И тебе нужно держаться подальше от универа. Вообще от мест, где много людей.

— Ч-что? Почему? — он уставился на меня, растерянно моргая за стёклами очков.

— Просто поверь мне. Сегодня вечером всё полетит к чертям. Начнётся такой пиздец, какой ты даже в кошмарах не видел.

Лёха нервно хмыкнул.

— Это из-за т-того т-тупого видео, что-ли? Да б-брось, там наверняка к-какая-то б-бешеная наркоманка. Н-ничего серь-серьёзного.

Я взял его за плечи и сжал. Крепко, до боли. Он поморщился.

— М-макар, ты ч-чего?

— Это не наркоманка, — я почти шипел, подавшись вперёд. — Это первый. Первый, мать его, заражённый. Понимаешь? К вечеру их будет уже не один десяток. Сначала они нормальные, только рана от укуса не заживает и температура растёт. Потом начинаются судороги, лихорадка, бред. А затем самое страшное — они умирают и спустя некоторое время восстают. Не живые, но и не совсем мёртвые. И когда они поднимаются снова — они дико, невероятно голодны. Готовы рвать на части всё живое.

Я отпустил его и увидел в глазах уже не просто недоверие, а настоящий испуг. Он смотрел на меня, как на психа. Как на человека, опасно оторванного от реальности.

— Ты что, «Ходячих мертвецов» пересмотрел? — он попытался отшутиться, но голос дрожал.

— Я вообще нахрен забыл, что такое сериалы, — отрезал я. — Когда вокруг настоящие трупы жрут твоих друзей, както не до развлекательного контента.

— Ч-что ты такое г-говоришь? — Лёха побледнел, отшатнувшись и чуть не уронив очки.

— То, что я уже, блядь, прожил эти пять лет, — процедил я сквозь зубы, схватив его за грудки. — Я видел, как это здание превращается в бойню. Как внутренности наших одногруппников волокут по коридору. Как профессора Старухину разрывают на части в её кабинете. И я, сука, не собираюсь снова на это смотреть!

Повисла пауза. Лёха смотрел на меня расширенными от ужаса глазами, губы дрожали. Его руки нервно теребили лямку рюкзака, а очки сползли на кончик носа.

— М-макар, т-тебе нужна п-помощь, — пролепетал он, пятясь назад. — Это к-какой-то п-психоз… или т-ты что-то п-принял? Может… м-может скорую в-вызвать?

Он не верил. Конечно, не верил. Как поверить во весь этот бред? Я мысленно прикинул план. Что сейчас важнее всего? Найти оружие. Собрать запасы. Подготовиться.

— Ладно, забудь, — отмахнулся я. — Просто… будь осторожен сегодня, хорошо? И держись подальше от странных людей. Особенно с признаками болезни.

— А к-как же наша в-встреча в-вечером? — он всё ещё смотрел на меня с испугом, держась на расстоянии.

— Никаких тусовок, — отрезал я. — Сегодня я иду к Ни-

ке. Восьмой блок, комната 832. Тебе даже общагу покидать не придётся. К шести. Не опаздывай, если хочешь дожить до завтра.

Оставив его в ступоре, я вылетел из корпуса. Майский воздух хлестнул по лицу — еще чистый, без вони разложения и гари. Люди вокруг, как стадо баранов, не подозревали, что бойня вот-вот начнется, а их привычный мир рассыплется в труху за считанные часы.

Что-то кольнуло в груди. Вита! Вита, черт возьми! Как я мог забыть про собственную сестру-близнеца? В прошлой жизни я так и не нашел ее. Обшарил каждую щель в городе, каждое убежище выживших — все без толку. Скорее всего, она просто стала одной из них — шаталась по улицам, как ходячий труп, с голодным взглядом и кровью на губах.

Но сейчас она жива. Где-то здесь, в этом же универе, только на экономическом. Должна быть на макроэкономике или бухучете — пары у экономистов во втором корпусе. Корпит над цифрами и графиками, не подозревая, что через пару часов деньги превратятся в бесполезную бумагу.

Пальцы сами набрали номер. Гудки растягивались, как резина.

— Ал-ло… — еле слышно, с надрывом.

— Вита! Ты на лекции? Оставайся на месте, я сейчас за тобой приду! Никуда не выходи из аудитории, ясно? Дождись меня!

Странный звук оборвал мои слова — судорожный вздох,

переходящий в сдавленный кашель.

— Макар… помоги… — её голос дрожал. — Я не… не понимаю… он… он просто набросился… мне страшно!

Что-то тяжелое ударилось о стену или дверь — глухой, тревожный звук.

— Вита! Где ты? ВИТА!

В трубке грохот падения. Телефон ударился об пол, но связь не оборвалась. Словно я был там, рядом с ней.

— Нет-нет-нет! — её сдавленный шепот, переходящий в панический вскрик.

Торопливые шаги, скрежет отодвигаемой мебели. Тяжелое, рваное дыхание. Звук, с которым отпирают замок дрожащими руками. Скрип петель.

А затем — пронзительный крик Виты, обрывающийся так резко, будто кто-то перерезал ей горло. Быстрый топот удаляющихся шагов.

Тишина. Одна секунда. Две.

И новые шаги в комнате. Не её — тяжелые, шаркающие. Неритмичные. Мертвые.

Я врос в асфальт, телефон впаялся в ухо. Слышал, как оно дышит — с влажным бульканьем, будто через слизь и кровь. Как клацают зубы — неровно, судорожно. Как что-то капает на пол — кап, кап, кап. Жидкость. Густая. Скорее всего, красная.

Существо заметило телефон. Шаги приблизились, хрипение стало громче. Тварь задела аппарат — я услышал, как

пластик скользит по полу. Потом — влажное дыхание, прямо над микрофоном. Частое, жадное. Голодное.

Что-то щелкнуло — зубы? Когти? А затем раздался оглушительный хруст, словно челюсти сомкнулись на корпусе телефона.

Связь оборвалась.

Глава 3. Первый случай

Я выругался так грязно, что проходившая мимо преподавательница английского отшатнулась, словно увидела перед собой бешеного пса. А на её лице застыла гримаса оскорблённой интеллигенции.

Ебать, какие мы нежные. Через несколько часов от её фальшивой морали не останется и следа — только оторванная челюсть и вечно голодное нутро, жаждущее человечины.

Рванул на третий этаж, перемахивая через ступеньки по четыре зараз. Адреналин хлестал по венам, как высоковольтный разряд. Врезался в группку первокурсниц, невольно задев плечом одну из них. Девушка потеряла равновесие и упала, испуганно вскрикнув.

— Осторожнее, придурок! — донеслось мне в спину.

Даже не обернулся. Извинения сейчас бесполезны. Все эти люди — ходячие мертвецы. Просто ещё не знают об этом.

Рывком распахнул дверь в аудиторию 306. Петли жалобно скрипнули от такого обращения, дверная ручка с грохотом ударилась о стену. Сонная тишина лекции мгновенно разорвалась. Десятки голов синхронно повернулись в мою сторону, как в дешёвом хорроре.

— ВИТАЛИНА ВОЛКОВА! — проорал я, чувствуя, как от напряжения вздулись вены на шее. — ГДЕ ОНА?!

Профессор, тощий хрыч с залысинами и в потёртом пи-

джаке, застыл с открытым ртом. Указка в его дрожащих пальцах выглядела как последнее оружие умирающей цивилизации.

— Вы… вы что себе позволяете?! — прохрипел он, брызгая слюной. — Немедленно покиньте ауди…

— Захлопнись, блядь! — рявкнул я так, что у мужика подкосились ноги. — Где Виталина Волкова? Она сегодня была на занятиях?

Каждое слово — как выстрел в упор. Аудитория замерла, воздух загустел от напряжения. Я кожей чувствовал, как меня сканируют десятки испуганных глаз. Глупцы. Им бы уже сумки хватать и к выходу рваться, а они таращатся, как на представлении.

— Нет, — наконец выдавила крашеная блондинка с четвертого ряда, указывая на пустующую парту у окна. В её глазах плескался неприкрытый страх. — А ты кто такой вообще?

Я пересёк аудиторию в три широких шага, приближаясь к блондинке. Она была из тех девушек, которым никогда не приходилось прилагать усилия, чтобы привлечь внимание — точёные черты лица, внимательные глаза, идеальные губы. Местная королева красоты, привыкшая повелевать мужскими взглядами.

— Я её брат, — сказал я, стараясь смягчить тон. Слишком резкие движения только спугнут потенциальный источник информации. — Когда ты видела её в последний раз?

Блондинка окинула меня заинтересованным взглядом. Её глаза слегка сузились, а в уголках губ появилась едва заметная улыбка. Она инстинктивно подалась вперёд, приняв более открытую позу. Тонкая блузка разошлась, обнажая глубокий вырез и краешек кружевного бюстгальтера — отработанный приём, который обычно приковывал мужские взгляды намертво.

— Вчера вечером, в библиотеке, — сказала она, понизив голос почти до интимного шёпота. — Я могу рассказать подробнее… может, за кофе?

Я скользнул по её декольте равнодушным взглядом и просто отвернулся, словно передо мной была витрина с неинтересным товаром.

— Не до тебя сейчас, — бросил я сухо, даже не удостоив её полным ответом.

На её лице отразилось чистое, незамутнённое изумление. Краска бросилась в щёки, губы приоткрылись в немом возмущении. Судя по реакции, её впервые в жизни так бесцеремонно проигнорировали.

Тем временем миниатюрная девчонка с короткой стрижкой поднялась со своего места, привлекая моё внимание. Взгляд цепкий, умный — такие обычно дольше выживают в первые дни.

— Я видела Виту сегодня утром, — сказала она, не тратя время на лишние слова. — Возле главного входа с каким-то парнем. Высокий такой, бледный, в чёрной коже. Они спо-

рили.

Я мгновенно развернулся к ней.

— Это студент? Кто-то из наших? — мой мозг лихорадочно перебирал варианты.

— Не похож на студента, — покачала она головой. — Старше намного. И машина у него крутая была — чёрный джип, новый, блестящий. Я в марках не разбираюсь, но точно дорогущий.

Я подошёл ближе, стараясь держаться в стороне от профессора, который всё ещё трясся от возмущения.

— Имя этого парня знаешь? — спросил я, пытаясь держать себя в руках. — Что-нибудь ещё заметила? О чём они спорили?

— Не-а, — она покачала головой. — Я с твоей сестрой не особо общаюсь. Она только сказала, что это её новый парень, и что я лезу не в своё дело.

— Она хоть намекнула, куда они едут? — я оглядел аудиторию, понимая, что время на исходе.

— Нет, — девчонка пожала плечами. — Слушай, ты зря так переживаешь из-за её парня. Вита — взрослая девушка, сама разберётся с личной жизнью.

Я сжал зубы так, что заныла челюсть. В голове крутились десятки страшных сценариев, и ни один не сулил ничего хорошего. Повернулся к аудитории.

— Слушайте внимательно, — произнёс я, окидывая взглядом всех присутствующих. — В городе начинается эпи-

демия. Какая-то дрянь превращает людей в агрессивных психов. Через несколько часов будет полный хаос. Собирайте вещи и уезжайте из города как можно скорее. В центре оставаться нельзя — здесь будет самая бойня.

По аудитории пронёсся недоверчивый шёпот. Кто-то хихикнул, решив, что это розыгрыш.

— Он псих! — выкрикнул парень с задних рядов.

Я заметил, как блондинка украдкой достала телефон и начала что-то быстро набирать в мессенджере, а миниатюрная девушка с короткой стрижкой, напротив, задумчиво нахмурилась, словно мои слова зацепили что-то в её памяти. Она поймала мой взгляд и едва заметно кивнула, а затем начала собирать вещи в сумку.

Профессор, наконец отошедший от ступора, подскочил ко мне с перекошенным от ярости лицом.

— Если вы сейчас же не покинете аудиторию, — прошипел он, подрагивая от злости, — я вызову охрану!

Я взглянул на него с холодным безразличием. Угроза вызвать охрану в момент, когда мир буквально рушится за окнами, казалась настолько нелепой, что я даже не нашел сил ответить. Какая, к черту, охрана, когда через пару часов эти самые охранники будут жрать друг друга? Абсурд.

Молча развернувшись, я направился к выходу. Уже у самых дверей остановился и бросил через плечо:

— Если она появится или позвонит, скажите, что ее срочно ищет брат. Это вопрос жизни и смерти. И зря вы мне не

верите, — добавил я тише. — Вспомните об этом разговоре, когда все начнётся.

Выходя, я заметил, что миниатюрная девушка тоже направляется к двери, игнорируя возмущённые возгласы профессора.

— Подожди, — она догнала меня в коридоре. — Ты серьёзно? Насчёт эпидемии?

Я не успел ответить. Из-за поворота коридора донеслись взрывы хохота и пронзительный женский крик:

— Отпустите меня! Что вы делаете?!

— Сейчас увидишь, насколько я серьезен, — бросил я девчонке с короткой стрижкой и рванул на звук.

За углом собралась толпа студентов. Они гоготали, толкали друг друга, вытягивали шеи и снимали происходящее на телефоны. В центре этого живого кольца происходило что-то, что вызывало у них бурное веселье.

— Старый извращенец совсем крышей поехал! — крикнул кто-то.

— Да снимай же, чего стоишь! Это такой кринж!

Проталкиваясь сквозь ржущую толпу, я уже понимал, что происходит. Инстинкт выживания вопил об опасности. Наконец прорвался вперед и увидел.

Профессор Михайлов — сухощавый старик с седой бородой, всегда чопорный и строгий — тянулся дрожащими руками к рыжеволосой студентке. Девушка с модельной внешностью, в облегающей блузке и короткой юбке, пыталась

увернуться, отталкивая его.

— Какого черта?! Отпустите меня сейчас же! — кричала она, с отвращением и страхом отталкивая его руки, всё ещё не понимая, что перед ней уже не человек.

Михайлов не отвечал. Его глаза были мутными, с расширенными зрачками, а по подбородку стекала тонкая струйка пены. Движения казались странно дёрганными, будто им управляли через плохую радиосвязь.

Девушка сделала шаг назад, но её спина упёрлась в стену. Старик молниеносно бросился вперёд. Она увернулась от его оскаленного рта, но его пальцы с нечеловеческой силой вцепились в её блузку.

В следующее мгновение ткань затрещала, а пуговицы разлетелись, словно пули. Одним рывком он разорвал не только блузку, но и лифчик. Округлая, идеальной формы грудь с напряжёнными от страха сосками оказалась полностью обнажена перед ошалевшей толпой.

— Нет! — вскрикнула она, инстинктивно прикрывая грудь руками, но старик уже схватил её запястья, не давая закрыться. Она извивалась в его хватке, что только усиливало зрелищность момента — её обнажённая кожа покрылась мурашками, щёки залил яркий румянец, а дыхание стало прерывистым от страха и унижения.

Студенты взревели, как на стадионе. Телефоны снимали всё крупным планом. Кто-то даже присвистнул. Другие аплодировали, думая, что старый препод просто напился и тво-

рит какую-то дичь.

Только я осознавал всю смертельную опасность. Только я понимал, что его интересовало вовсе не тело девушки, а её плоть и кровь. Его мутный взгляд сфокусировался на пульсирующей вене на шее — идеальной мишени для первого укуса.

— Уходите все! — крикнул я, бросаясь вперед. — Немедленно!

Но было поздно. Михайлов с нечеловеческой скоростью метнулся вперед и вцепился зубами в шею девушки. Брызнула кровь, заливая её обнаженную грудь. Крик перешел в бульканье. Толпа застыла в шоке, до сих пор не осознавая, что вообще произошло.

Я действовал на автопилоте. Схватил за плечо ближайшую девушку — студентку с аккуратной прической — и выдернул из ее волос длинную металлическую шпильку. Она вскрикнула от неожиданности, но мне было плевать.

Михайлов уже рвал плоть девушки, которая медленно оседала на пол, захлебываясь собственной кровью. Толпа наконец осознала происходящее. Начались крики, паника.

Я подскочил к старику сзади, схватил его за седые волосы и резко дернул голову назад. Его мутный глаз оказался прямо передо мной. Без колебаний вонзил шпильку в глазницу на всю длину. Металл прошел сквозь глазное яблоко с влажным хлюпом и уперся в заднюю стенку черепа. Тело дернулось, но не упало — эти твари живучие, я знал это лучше всех.

Провернул шпильку, как отвертку, разворошив мозги. Из глазницы потекла темная жижа вперемешку с кровью, но самое страшное было впереди.

Девушка, уже потерявшая сознание от кровопотери, начала дергаться в конвульсиях. Процесс превращения начался. У меня было секунд тридцать, не больше.

— Все вон отсюда! — заорал я толпе, которая в ужасе наблюдала за происходящим. — Бегите!

Не раздумывая, я схватил дергающееся тело девушки — лёгкое, несмотря на высокий рост — и рванул к ближайшему окну.

— Помогите ей! Вызовите скорую! — кричали студенты, толпясь вокруг лужи крови.

— Что ты делаешь?! Она же ранена! — одногруппница сестры попыталась преградить мне путь, но я просто снес её плечом.

Одной рукой распахнул старую оконную раму. Створки с визгом разошлись, впуская теплый майский воздух.

— Ты ебанулся?! — истерично завопил какой-то здоровенный парень из старшекурсников, бросаясь ко мне. — Отпусти ее!

Он попытался схватить меня за руку, но я развернулся и с размаху врезал ему локтем в челюсть. Послышался хруст сломанной кости, а сам парень отлетел к противоположной стене и рухнул без сознания.

— Убийца! — кто-то закричал в толпе.

— Он спятил! Остановите его!

Но время уже истекало. Девушка начала хрипеть, её глаза мутнели. Ещё несколько секунд — и она превратится в одну из них. Поэтому я без колебаний выбросил девушку из окна третьего этажа.

Тело с мокрым хлопком ударилось об асфальт внизу. Кости хрустнули, как сухие ветки. Голова раскололась о бордюр, забрызгав серым веществом ближайшую клумбу. На этот раз никакого превращения.

Толпа застыла в немом шоке. Кто-то кинулся к окну, высовываясь наружу и блюя от увиденного.

В голове пронеслась мысль: что-то пошло не так. В прошлый раз первый зараженный появился только к двум часа дня— пьяный вахтер Степаныч. А сейчас уже полдень, и заражение уже началось. На несколько часов раньше. Почему? Что изменилось?

Внизу к телу девушки приближалась знакомая сутулая фигура — вахтер Степаныч. Он шел неровной походкой, волоча за собой правую ногу. На его грязной куртке темнели свежие пятна крови. Несколько прохожих побежали к нему, видимо, решив, что он тоже ранен.

— Боже, там дядька весь в крови! — закричала какая-то блондинка, указывая в окно дрожащим пальцем.

А потом Степаныч набросился на ближайшего студента. С улицы донеслись крики — истошные вопли перемежались с рычанием и звуками рвущейся плоти.

Паника накрыла всех волной. Люди бросились к единственному выходу из аудитории, сталкиваясь в дверном проеме. В коридоре уже слышались топот и крики — весь этаж охватил хаос.

Я схватил за руку девушку с короткой стрижкой, которая металась возле стены с расширенными от ужаса глазами. Она была одной из немногих, кто не рванул к выходу вместе со всеми.

— Тебе придется пойти со мной, если хочешь выжить, — сказал я ей.

В коридоре творился полный пиздец. Студенты толпились у лестницы, пытаясь протиснуться вниз. Давка становилась всё опаснее — кто-то уже упал, его топтали. Бесполезно было что-то кричать — в панике люди превращаются в стадо.

С нижних этажей донеслись новые крики — не просто паники, а боли и предсмертного ужаса. Значит, зараза уже распространялась по зданию. В прошлой жизни у нас была хотя бы пара часов форы, теперь счёт шёл на минуты.

— Нужно найти другой выход, — сказал я девушке. — На крышу, потом по пожарной лестнице.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В глазах стояли слёзы, но держалась неплохо — не билась в истерике.

— Как тебя зовут? — спросил я, таща её в противоположную от давки сторону.

— Ксюша, — выдавила она пересохшими губами.

Мы повернули за угол и увидели, что дверь на техэтаж

заблокирована упавшим шкафом. Рядом с ним корчился в конвульсиях студент — совсем пацан, первый или второй курс, не старше. Уже начиналась трансформация.

Я схватил красный огнетушитель с настенного крепления. Тяжелый металлический баллон весил килограммов пять — самое то для удара по черепу.

— Отвернись, — скомандовал я Ксюше.

Не дожидаясь, пока она послушается, подошёл к пацану и с размаху опустил огнетушитель на его голову. Хруст костей. Второй удар — череп треснул, как яичная скорлупа, мозги и кровь брызнули на стену. Ксюша сдавленно охнула, но не закричала. Молодец.

— Шкаф надо двигать, — сказал я, вытирая окровавленное дно огнетушителя о штанину студента.

Ксюша, бледная как смерть, кивнула и подошла, стараясь не смотреть на растекающуюся по полу кровь.

Вместе налегли на шкаф, сдвинули его достаточно, чтобы протиснуться к двери. За спиной слышались крики и топот, звуки борьбы и влажные хрипы — здание университета превращалось в скотобойню.

Дверь на техэтаж оказалась запертой. Одним ударом вышиб замок — хлипкая хрень не выдержала даже моего плеча, не говоря уж об ударе ногой. Внутри было темно, пахло пылью, машинным маслом и крысиным дерьмом.

— Закрой дверь, — скомандовал я, включая фонарик на телефоне.

Ксюша с трудом, но задвинула щеколду. Не то чтобы это могло остановить зомби, но хоть какая-то преграда.

Узкий коридор вёл к пожарной лестнице, и я повёл девчонку туда. Мы поднялись на один пролёт и оказались на крыше. Свежий майский воздух ударил в лицо, и на секунду я даже прикрыл глаза, наслаждаясь этим ощущением.

Сирены уже выли вдалеке — полиция, пожарные, скорые. Не знали ещё бедолаги, что спасать там уже некого. С высоты был виден внутренний двор, заполненный студентами и преподавателями, в панике выбегающими из корпуса. Они сбивались в кучки, кто-то пытался звонить, кто-то снимал происходящее на телефон. Идиоты.

А потом я увидел это. Из дверей выбегали не только обычные люди, но и странно двигающиеся фигуры. Зомби. Они набрасывались на беглецов, валили на землю, рвали плоть. Двор быстро превращался в кровавое месиво.

— Господи, — прошептала Ксюша, увидев это. — Они же их едят…

— Жрут, — кивнул я. — Всех подряд. Живых, мёртвых — без разницы. Главное, чтобы мясо было свежее.

Она уставилась на меня так, будто я внезапно заговорил на чужом языке.

— Откуда ты всё это знаешь?

Я не стал отвечать. Какой смысл объяснять, что я уже прожил этот апокалипсис, умер в нём и каким-то хером вернулся назад?

— Потом, — отрезал я, так как в этот момент меня волновали совершенно другие вещи.

Все шло не так. Совсем не так, как в прошлый раз. Тогда заражение распространялось постепенно — сначала один случай в торговом центре, потом через несколько часов появился Степаныч, к вечеру — ещё сотни или даже тысячи эпизодов. Город погружался в хаос медленно, давая людям время среагировать, собраться, попытаться спастись.

А сейчас… сейчас зараженные появились везде и сразу. Словно их заранее расставили по всему городу и активировали одновременно. Слишком быстро. Слишком организованно. Ничего не понимаю.

В прошлой жизни я думал, что это естественное распространение вируса. Хаотичное заражение, как в фильмах про зомби. Но теперь все это походило на хорошо спланированную атаку. Координированную акцию. А значит, кто-то управляет всем этим дерьмом. И, возможно, этот же «кто-то» отправил меня обратно во времени. Вопрос только — нахрена ему это нужно?

Я двинулся к пожарной лестнице, пытаясь осмыслить новую информацию.

Но уже через несколько шагов стало ясно, что путь отрезан. Внизу, возле пожарного выхода, было месиво из тел. Кровь, обрывки одежды, разбросанные конечности. А среди этого мясного ассорти ковыляло с десяток знакомых силуэтов — техничка тетя Валя с содранной половиной лица,

охранник Петрович без руки, несколько студентов, которых я видел сегодня утром живыми. Теперь они бродили среди трупов, как голодные гиены, жадно обнюхивая каждый кусок плоти.

— Блядь! — выругался я, оценивая ситуацию. — Целая орава. Путь вниз отрезан.

Ксюша подошла к краю крыши и осторожно выглянула вниз. Лицо у неё было бледное, как у покойника, а губы тряслись.

— А если попробовать спуститься с другой стороны здания? — предложила она дрожащим голосом.

Я покачал головой, указывая на дальний угол двора, где уже толпились десятки зараженных. Они рыскали между телами, как собаки в поисках падали.

— Там тоже полно этих тварей. Мы сейчас как в ловушке.

Если бы у меня было хоть какое-то нормальное оружие — автомат, дробовик, да хотя бы пистолет — я бы без проблем прорвался через эту толпу. В прошлой жизни я научился стрелять так, что мог снести голову мертвяка с пятидесяти метров. А ещё у меня были способности Лекаря: я мог ставить щиты, бить энергией и залечивать раны, которые в обычном мире врачи назвали бы смертельными.

Но сейчас никаких псионических сил у меня нет — они пробудятся только через пару дней после начала этого звездеца. И в руках только этот дерьмовый огнетушитель. Против целой своры голодных мертвяков это всё равно что го-

рохом в танк стрелять.

Ксюша опустилась на корточки, обхватив голову руками. Плечи её затряслись — девчонка с большим трудом сдерживала рыдания.

— Мы все умрем, да? — еле слышно проговорила она. — Просто подохнем от зубов этих тварей?

Я присел рядом и положил руку ей на плечо.

— Не все и не сейчас, — сказал я, стараясь говорить уверенно. — Есть ещё варианты. Нужно только подумать.

Она подняла на меня заплаканные глаза.

— Ты реально знаешь, что происходит? Это правда какая-то эпидемия?

— Вирус, — кивнул я. — Распространяется через укусы. Превращает людей в ходячих мертвецов. Они умирают, но через некоторое время поднимаются снова. Очень голодные и агрессивные.

— Откуда ты это знаешь? — настойчиво спросила она.

— Сложно объяснить, — уклонился я от прямого ответа. — Важнее сейчас выбраться отсюда живыми.

Ксюша вытерла слёзы рукавом и пристально посмотрела на меня.

— Ты же не псих, — сказала она медленно. — Ты действительно всё это предвидел. Я заметила это по твоему взгляду в аудитории, потому и пошла следом. Почувствовала что-то неладное и решила перестраховаться.

Я промолчал, но она продолжила:

— Слушай, а помнишь ту блондинку? Вику, с которой ты разговаривал на паре?

Я резко повернулся к ней.

— И что с ней?

— Я тогда не стала тебе говорить, подумала, что ты просто очередной заботливый братец, но… я уже видела этого парня. Месяца четыре назад он несколько раз подвозил нашу Вику. Но, насколько я помню, у них что-то не срослось, поэтому он переключился на твою Виталину.

— Значит, Вика его точно знает, и нам нужно ее найти. — Я встал, отряхивая пыль с джинсов и оценивая ситуацию. — Останься здесь на крыше. Дождись, пока всё утихнет внизу, тогда спускайся и уходи из города.

— Что?! — Ксюша резко вскочила на ноги, глаза расширились от ужаса. — Ни за что! Я не останусь тут одна среди всего этого кошмара!

— Слушай, там внизу настоящая мясорубка. Ты только помешаешь…

— Плевать мне на то, что там происходит! — она отчаянно схватила меня за рукав дрожащими руками. — Я пойду с тобой! Не смей оставлять меня здесь одну! Я просто умру от страха, понимаешь? Сойду с ума!

Её голос становился всё выше и истеричнее, грозя перейти в полноценный визг. Последнее, что мне было нужно сейчас — орущая девчонка на крыше, которая привлечёт внимание всех зомби в округе своими воплями.

— Хорошо, чёрт с тобой, — немного раздраженно сказал я. — Но тогда будешь делать точно то, что я скажу. Ни единого звука без моей команды, ясно?

— Да, да, конечно! — она часто и благодарно закивала. — Я буду как мышка, честное слово!

— План простой, — объяснил я, прислушиваясь к звукам снизу. — Пробираемся обратно в здание и добираемся до той аудитории, где проходила лекция. Если повезёт, Вика с остальными успели закрыться там и забаррикадироваться. Если нет — будем действовать по ситуации. Главное — двигаемся тихо и осторожно, никаких резких движений.

Я уже сделал шаг в сторону лестницы, ведущей вниз, когда дверь на крышу с треском распахнулась и из неё вылетел парень — студент лет двадцати, весь в крови, с разорванной рубашкой. Он бежал, спотыкаясь и оглядываясь через плечо, глаза безумные от ужаса.

— Помогите! — прохрипел он, заметив нас. — Они… они бегут за мной!

Глава 4. Зацепка

За парнем из дверного проёма вывалилась орава зомби. Целых, мать его, шесть штук, и все знакомые лица. Профессор Старухина с разорванным горлом и вывалившимися кишками, двое студентов из младших курсов, техничка с оторванной рукой, охранник без половины лица и какая-то баба в халате — видимо, сотрудница столовой. Как она вообще успело досюда добраться? Столовка-то в другом корпусе.

Все они двигались с той характерной неуклюжестью свежеобращённых — ещё не до конца освоились с новым состоянием, координация хромала, но голод уже полностью завладел их сознанием. Слюна стекала с оскаленных зубов, а в мутных глазах горел нечеловеческий огонь.

Студент с криком рванул к краю крыши, явно собираясь прыгнуть. Ксюша замерла, как кролик перед удавом, открыв рот в беззвучном крике. А я… я почувствовал странное спокойствие. После пяти лет постоянных схваток с этими тварями, обычные мертвяки казались мне едва ли не домашними животными.

— Стой, придурок! — рявкнул я на парня, хватая его за рубашку и дёргая обратно от края. — Прыгнешь — превратишься в котлету, а потом всё равно встанешь и присоединишься к ним.

Он попытался вырваться, но я крепко держал его за во-

ротник.

— Ксюша, — спокойно сказал я, даже не поворачиваясь к ней, — встань за мной и не двигайся. Сейчас будет немного мерзко.

Зомби медленно приближались, растянувшись неровной цепочкой. Профессор Старухина была впереди — её окровавленная блузка развевалась на ветру, а из разорванного горла доносилось влажное бульканье. За ней ковыляли остальные, издавая те самые голодные стоны, от которых кровь стынет в жилах у новичков.

Но меня эти звуки уже давно не пугали. Наоборот — вызывали почти ностальгические воспоминания о первых месяцах апокалипсиса, когда всё было просто: зомби медленные, тупые, предсказуемые. Не то что мутанты и психоники-психопаты, появившиеся позже.

Старухина протянула ко мне окровавленные руки, издавая влажное рычание. Изо рта капала густая слюна вперемешку с кровью.

— Ну здравствуйте, Елена Викторовна, — усмехнулся я, перехватывая огнетушитель поудобнее. — Извините за то, что сейчас будет. Ничего личного.

Она была уже в двух метрах от меня, когда я сделал шаг вперёд и с размаху въехал ей огнетушителем в висок. Металл встретился с костью с отвратительным хрустом. Голова дернулась в сторону под неестественным углом, но тварь всё ещё стояла на ногах.

— Крепкая, сука, — пробормотал я, уходя от её неуклюжей попытки схватить меня.

Второй удар пришёлся точно в затылок. Череп треснул, как яичная скорлупа, мозги брызнули во все стороны. Старухина рухнула как подкошенная, дёргаясь в последних конвульсиях.

Следующими были студенты — парень и девушка, видимо, парочка. Даже в смерти держались рядом. Романтично, ёб твою мать.

Парень бросился на меня первым, и я встретил его огнетушителем прямо в лоб. Удар получился такой силы, что лицо просто размазалось по металлу, а сам он отлетел на пару метров. Девушка попыталась зайти сбоку, но я развернулся и снёс ей голову боковым ударом. Кровь и мозги забрызгали бетонную крышу, образуя красивые узоры.

Техничка без руки добралась до меня третьей. Бедная баба, всю жизнь мыла полы и чистила сортиры, а теперь пытается сожрать живого человека. Такая вот судьба. Я почти сочувствовал ей, опуская огнетушитель на её седую голову. Мозги расплескались, как каша.

Охранник без половины лица оказался самым живучим — после первого удара в голову всё ещё шевелился. Пришлось добивать вторым, размозжив то, что осталось от черепа.

Последней была тётка из столовой — толстая, в засаленном халате. Она двигалась медленнее остальных, поэтому я

спокойно подошёл и методично раскроил ей башку. Серое вещество вперемешку с кровью растеклось по крыше.

Всё заняло меньше минуты. Шесть трупов валялись вокруг меня в луже крови и мозгов, а я даже не запыхался. Вытер окровавленный огнетушитель о халат мёртвой повара и повернулся к своим спутникам.

Парень-студент стоял, открыв рот и пялясь на меня, как на инопланетянина. Лицо белое, как мел, губы дрожат. Ксюша держалась чуть лучше, но тоже была в шоке.

— Как ты… — начал парень, но голос сорвался.

— Опыт, — коротко ответил я, оглядывая крышу. — Слишком много опыта.

Снизу по-прежнему доносились крики и звуки борьбы. Апокалипсис набирал обороты, а мы торчали на крыше как дураки. Времени на объяснения не было.

— Как тебя зовут? — спросил я парня.

— Д-Денис, — заикаясь, ответил он.

— Хорошо, Денис. Сейчас мы спустимся обратно в здание и будем искать выход. Будешь делать то, что я скажу, и, возможно, доживёшь до завтра. Ясно?

Он кивнул, всё ещё не в силах оторвать взгляд от разбросанных трупов.

— А если появятся ещё такие? — дрожащим голосом спросила Ксюша.

— Обязательно появятся, — пожал я плечами. — И не только такие. Будет намного хуже. Но пока мы имеем дело

только с обычными мертвяками. Так что нам, считайте, повезло.

Я уже направился к двери, когда заметил тёмные пятна на разорванной рубашке Дениса. Остановился и внимательно посмотрел на него. На левом предплечье виднелись характерные следы — полукруглые ранки, из которых сочилась кровь.

— Покажи руку, — приказал я.

— Что? — Денис инстинктивно прижал руку к груди. — Какую руку?

— Левую. Ту, что ты прячешь.

— Да нет, всё нормально, просто поцарапался о стекло, когда убегал, — заторопился он, пятясь назад. — Ерунда какая-то, даже не болит!

Ксюша посмотрела на меня, потом на Дениса, и на её лице медленно отразилось понимание.

— Покажи руку, блядь! — рявкнул я, делая шаг к нему.

Денис попытался отступить ещё дальше, но упёрся спиной в ограждение крыши.

— Слушай, я правда в порядке! — голос становился всё выше и истеричнее. — Просто порез, честное слово! Я отлично себя чувствую, никаких проблем!

Я резко схватил его за запястье и дёрнул руку на себя. На предплечье красовались два глубоких полукруглых прокола — верхняя и нижняя челюсти, классический человеческий укус. Точнее, мертвячий. Края ранок уже начинали чернеть,

а вокруг них расползались тёмные прожилки — первые признаки инфекции.

— Это не порез, — спокойно сказал я, отпуская его руку. — Укус неглубокий, так что у тебя около часа. Может даже чуть больше. Потом начнётся лихорадка, судороги и бред. А в конце ты помрёшь и встанешь снова. Только уже не человеком.

— Нет! — Денис яростно замотал головой. — Ты врёшь! Это просто царапина! Я здоров!

— Посмотри на меня внимательно, — я вплотную подошёл к нему, глядя прямо в глаза. — Я похож на человека, который врёт? Я знаю, о чём говорю. Видел таких, как ты, сотни раз.

В его глазах мелькнула паника, смешанная с отчаянной надеждой.

— Может… может есть лекарство? Антибиотики? Что-нибудь?

— Ничего нет, — покачал я головой. — Это не бактерии и не обычный вирус. Это что-то другое. И лекарства от этого не существует.

Ксюша смотрела на нас с ужасом, прижав руки ко рту.

— И что теперь делать? — еле слышно спросила она.

Я тяжело вздохнул, поднимая огнетушитель.

— Сейчас он ещё человек. Можем дать ему время попрощаться с жизнью по-человечески. Или…

— Или что? — Денис пристально смотрел на меня, уже

зная ответ.

— Или я закончу это прямо здесь и сейчас, пока ты ещё можешь думать и чувствовать. Твой выбор.

Повисла тишина. Только ветер шумел в ушах да снизу доносились далёкие крики и стоны.

— Я… я хочу увидеть маму, — прошептал Денис, опускаясь на колени. — Или хотя бы позвонить ей. Сказать, что люблю.

— Телефоны ещё работают, — кивнул я. — Так что время у тебя есть.

— С-спасибо…

Денис достал телефон дрожащими руками и набрал номер. Я отошёл в сторону вместе с Ксюшей, давая ему возможность попрощаться. Слышались обрывки разговора:

— Мам, привет… Да, да, со мной всё хорошо… Нет, не волнуйся, я в безопасности… Мы заперлись в аудитории, забаррикадировались… Что? Да, слышал про эти нападения, но у нас в универе спокойно… Мам, не плачь, пожалуйста… Я очень тебя люблю… И папу тоже… Береги себя, ладно?

Голос у него срывался, но он из последних сил старался звучать спокойно и уверенно. В трубке слышались всхлипывания матери и обрывки фраз о том, что по новостям показывают страшные вещи.

— Мам, мне надо идти… Да, я буду осторожен… Обязательно позвоню, как только смогу… Люблю тебя…

Он отключился и долго сидел, сжимая телефон в руках.

Потом посмотрел на меня взглядом, в котором читалась странная смесь отчаяния и решимости.

— Я сам, — тихо сказал он, медленно поднимаясь на ноги. — Не хочу превращаться в одну из этих тварей.

— Уверен? — спросил я, зная ответ заранее.

Он кивнул, слабо улыбнувшись.

— Спасибо, что дал возможность попрощаться с мамой.

— Всё, — сказал я Ксюше тихо. — Идём.

Мы направились к двери, ведущей обратно в здание. Я уже взялся за ручку, когда сзади раздался глухой удар — звук тела, врезавшегося в асфальт.

Ксюша вздрогнула и обернулась, но я удержал её за руку.

— Не смотри, — сказал я спокойно, открывая дверь. — Он сделал правильный выбор.

Мы спустились по узкой лестнице техэтажа, наши шаги гулко отдавались в тишине. Ксюша держалась за мой рукав, стараясь не отставать. Воздух становился всё более спертым по мере приближения к основным этажам здания.

Когда дверь со скрипом открылась, нас тут же ударила вонь — смесь крови, пота и того специфического запаха, который источают свежие трупы. В коридоре было темно, только редкие аварийные лампы давали тусклый красноватый свет.

— Боже, как же здесь воняет, — прошептала Ксюша, зажимая нос рукой.

— Привыкай, — буркнул я, прислушиваясь к звукам. —

Дальше будет только хуже.

В коридоре третьего этажа творилось настоящее месиво. Тела студентов и преподавателей лежали в самых неестественных позах — кого-то разорвали пополам, кому-то оторвали конечности, у кого-то просто не было головы. Стены были забрызганы кровью до самого потолка. Местами виднелись отпечатки окровавленных ладоней — последние попытки жертв спастись.

Мертвяков было на удивление мало. Лишь изредка мелькали одиночные фигуры среди разбросанных тел.

— Где все эти… твари? — осторожно спросила Ксюша. — Их должно быть больше, судя по… всему этому.

— Часть ушла искать новую добычу на нижние этажи или на улицу, — объяснил я, перешагивая через расчленённый труп в лабораторном халате. — А остальные переходят в что-то типа «спящего режима». Когда вокруг нет живых целей, они становятся менее активными, просто стоят на месте, как сломанные автоматы.

Аудитория 306 находилась в другом крыле здания, что означало необходимость пройти через весь этаж. Заглянув за следующий поворот, я увидел кошмарную картину: зона отдыха с диванами и автоматами с кофе, где обычно тусовались студенты между парами, превратилась в сцену бойни. Пол был залит кровью, повсюду валялись брошенные в панике рюкзаки, растоптанные телефоны и разорванные конспекты. Место, где еще час назад студенты обсуждали пред-

стоящие экзамены и флиртовали друг с другом, теперь выглядело как поле боя.

Здесь активность была выше — несколько зомби бродили среди тел, некоторые всё ещё пожирали свежую добычу. В углу декан Павлова с оторванной челюстью методично пожирала внутренности какого-то здоровяка из футбольной команды. Её некогда строгий костюм был насквозь пропитан кровью, а руки по локоть в потрохах.

— Держись за мной, — бросил я через плечо Ксюше. — И двигайся только тогда, когда я скажу.

Внезапно сбоку на меня вылетел щуплый ботаник с первого курса — был такой, вечно с учебниками ходил. Теперь он двигался как пружина, глаза налиты кровью, а на шее зияла рваная рана. Я едва успел среагировать и ударил его огнетушителем сбоку по голове. Череп смялся, как консервная банка, но проклятый зомбак продолжал ползти, цепляясь за мои ноги.

— Блядь! — я вдавил его голову в пол, перенеся весь вес на огнетушитель. Голова раскололась, как гнилой арбуз, забрызгав мозгами и кровью мои джинсы. — Уже забыл, какие они прочные в первые дни апокалипсиса.

Ксюша подавила рвотный позыв, но продолжала идти за мной, стараясь не смотреть под ноги, где хлюпала отвратительная смесь крови и мозгов.

— Это дерьмовое оружие, — процедил я, стряхивая с огнетушителя куски мозга. — Слишком тяжёлый и неповорот-

ливый. Нужно что-то получше.

Продвигаясь дальше по коридору, мы прошли мимо большой аудитории с табличкой «Идёт ремонт. Не входить!». Дверь была приоткрыта, за ней виднелись строительные леса и куча инструментов.

— Подожди здесь, — скомандовал я Ксюше, внимательно прислушиваясь. Из аудитории не доносилось ни звука, кроме скрипа рассохшегося дерева. — Если увидишь кого-то, сразу кричи.

Осторожно проскользнув в дверь, я оказался в просторной аудитории, которую превратили в настоящую стройплощадку. Кафедра была разобрана, стены частично очищены от штукатурки, а старый паркет вскрыт. Строительные леса тянулись вдоль всей стены, поддерживая потолочные перекрытия.

На рабочем столе в центре лежали разные инструменты — кусачки, молотки, стамески и… монтировка. Тяжёлая, стальная, с загнутым концом — идеальное оружие против мертвяков.

В ту же секунду краем глаза я заметил движение на лесах. Там, наполовину скрытый в тени, висел рабочий с неестественно вывернутой шеей. Он медленно поворачивал голову в мою сторону, издавая влажные хрипящие звуки.

Я рванулся к столу, схватил монтировку и отступил как раз вовремя. Зомбированный рабочий дёрнулся всем телом, словно рыба на крючке, и с глухим звуком упал на пол. Его

шея была почти полностью свёрнута, но это не мешало твари медленно подниматься на ноги, хрустя сломанными позвонками.

Я не стал ждать, пока он полностью встанет. Шагнул вперёд и с размаху опустил монтировку на его голову. Череп треснул с отвратительным влажным звуком, но мертвяк продолжал двигаться. Второй удар пришёлся на висок, и монтировка глубоко вошла в голову. Я провернул её, чувствуя, как внутри что-то хлюпает и рвётся. Зомби наконец затих.

Вытащив монтировку из черепа, я оглядел помещение в поисках ещё какой-нибудь угрозы. Тишина. Только капающая с инструмента кровь нарушала мёртвое спокойствие.

На одном из столов я заметил моток изоленты и быстро обмотал рукоять монтировки для лучшего хвата. Теперь даже в крови она не выскользнет из ладони. Осмотревшись, я сунул за пояс тяжелый молоток — пригодится как запасное оружие. В карман куртки отправилась отвертка с длинным жалом — идеальный инструмент для пробивания черепа, если придется действовать тихо.

Закончив с импровизированным вооружением, я направился к выходу. Странно, но Ксюша не отвечала на мои окрики. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

— Ксюша? — позвал я, толкая дверь.

Едва выглянув в коридор, я замер. Метрах в десяти от меня разворачивался кошмар. Ксюша вжалась в угол, сжав кулаки в бессильной попытке защититься, а к ней с двух сторон

приближались зомби, отрезая путь к отступлению. Её глаза встретились с моими — в них плескался чистый, незамутнённый ужас.

— М-макар, — выдохнула она, голос дрожал так, что имя превратилось в едва различимый хрип.

Высокий мертвяк с выпотрошенным животом был уже в двух шагах от Ксюши, кишки свисали из рваной раны, пачкая пол тёмной жижей. Второй, с оторванной нижней челюстью, заходил с фланга, нелепо щёлкая остатками зубов. Из его пустой глазницы торчал карандаш.

Не раздумывая, я рванул вперёд. Зомби не обратили на меня никакого внимания, продолжая приближаться к Ксюше. Их интересовала только ближайшая добыча. Пришлось действовать быстро — я подскочил к высокому и с размаху обрушил монтировку на его затылок. Череп треснул, но тварь только пошатнулась и повернулась ко мне. Второй удар пришёлся ему прямо в глаз. Металл вошёл в мозг, но инерция тела была такой, что мы оба повалились на пол.

Я выдернул монтировку и откатился в сторону, как раз вовремя — второй зомби уже кинулся в атаку. Его прыжок был неточным — он врезался в стену рядом со мной. Я вскочил на ноги и всадил загнутый конец монтировки ему под подбородок, пробивая верхнее нёбо. Тварь забилась, как рыба на крючке, пытаясь стряхнуть с себя оружие. Я провернул монтировку, перемешивая мозги, и зомби наконец обмяк, сползая по стене кровавым мешком.

— Сука, — выдохнул я, вытирая лицо от крови и пота. — Они становятся всё быстрее.

Ксюша стояла, прижавшись к стене, её била мелкая дрожь.

— В кино они тоже быстрые, — прошептала она. — Я смотрела «28 дней спустя».

— А я жил в этом фильме пять лет, — огрызнулся я, перехватывая монтировку поудобнее. — И в прошлый раз эти твари не были такими шустрыми в первый день. Что-то не так.

Впереди коридор раздваивался. Налево — к большим лекционным залам, где сейчас наверняка полно зомби. Направо, через лаборатории, к нужной нам аудитории 306.

Дверь в первую лабораторию была приоткрыта. Изнутри доносились чавкающие звуки и влажное рычание. Я тихо заглянул внутрь, оценивая обстановку.

На полу сидел лаборант в некогда белом халате, теперь полностью пропитанном кровью. Его лицо приобрело характерные для зомби черты — кожа натянулась на скулах, глаза запали и помутнели. Он методично потрошил уже мёртвую студентку, запуская руки глубоко в распоротый живот и жадно запихивая её внутренности себе в пасть. С каждым движением слышалось влажное хлюпанье и хруст разрываемых тканей.

Тело девушки было классическим примером зомби-трапезы — живот полностью разворочен, рёбра выломаны наружу, кишки вывалились на грязный пол, напоминая бледн-

но-розовых змей, перепачканных в чёрной сукровице. Застывшие широко открытые глаза и выражение ужаса на лице — стандартная картина. Длинные светлые волосы разметались вокруг головы, пропитавшись кровью и превратившись в слипшиеся тёмные сосульки.

Хорошо бы не ввязываться в лишнюю драку, но и давать мертвякам спокойно обедать тоже идиотизм. Съест одного — станет немного быстрее, съест пятерых — превратится в нечто, с которым обычный человек вряд ли справится. Про большее число и говорить не хочу, этих одолеют только псионики. И то не каждый.

Поэтому лучше всё-таки добить, пока есть такая возможность.

Но внутри меня ждал сюрприз. Стоило мне пошире раскрыть дверь, как я увидел остальную часть аудитории, в которой происходило настоящее пиршество. Целая толпа мертвяков медленно пожирала своих бывших одногруппников. А теперь вся эта орава одновременно посмотрела в мою сторону.

— Блядь, — выдохнул я, захлопывая дверь.

Сразу с той стороны раздались глухие удары — твари бросились на звук и запах живой плоти. Дверь содрогалась под их напором, петли жалобно скрипели, готовые вот-вот сорваться.

— Макар! — донёсся вдруг знакомый голос откуда-то справа.

Я повернул голову и увидел Лёху — его всклокоченная голова высовывалась из приоткрытой двери аудитории 306, той самой, которую мы искали. Он махал рукой, подзывая к себе.

— Ксюша, туда! — крикнул я, кивая в сторону Лёхи. — Беги!

Девчонка рванула к спасительной двери, а я всем весом навалился на лабораторную дверь, упираясь спиной и вдавливая пятки в пол. С другой стороны толпа голодных тварей билась в деревянную преграду, петли жалобно скрипели, готовые вот-вот сдаться.

— Ксюша добралась! — крикнул Лёха, высунувшись на половину тела в коридор, его голос дрожал от напряжения. — Макар, давай! Они сейчас прорвутся!

Краем глаза заметил, как девчонка юркнула в дверь аудитории. Теперь мой черёд. Одним мощным движением я оттолкнулся от двери и рванул вперёд, успев сделать лишь несколько шагов, когда услышал звук ломающихся петель и грохот падающей двери.

В долю секунды оценил расстояние — до аудитории метров пятнадцать. Слишком далеко, чтобы успеть добежать раньше, чем меня догонят. Но выбора не было.

Я бросился вперёд, слыша за спиной топот десятков ног и влажное рычание. Лёха распахнул дверь шире, готовясь немедленно захлопнуть её, как только я проскочу. В его глазах застыл ужас, когда он увидел толпу преследующих меня

тварей.

До спасения оставалось каких-то пять метров, когда чьи-то холодные пальцы схватили меня за куртку, дёрнув назад. Я споткнулся, чудом удержавшись на ногах, и развернулся, вписав монтировку в голову ближайшего преследователя. Тварь рухнула, но на её место уже спешили другие — с разодранными лицами, с оскаленными зубами, с пустыми мёртвыми глазами…

Твою мать… кажется, на этот раз для меня все закончится намного быстрее…

Глава 5. В поисках оружия

Время замедлилось, как это всегда бывает в моменты смертельной опасности — секунды растянулись в минуты, каждое движение казалось чётким и выверенным, словно мир вокруг перешёл в замедленную съёмку. Монтировка в моей руке казалась тяжелее обычного, холодный металл впивался в ладонь, оставляя на коже глубокие следы.

Ближайшая тварь уже тянула ко мне свои руки, когда позади что-то громыхнуло, а из глубины аудитории раздался знакомый голос.

— Макар, пригнись!

Я инстинктивно упал на колено, когда из дверного проёма аудитории выскочил Лёха. Он с размаху впечатал стул в ближайшего зомби. Тварь впечаталась в стену, оставив на штукатурке бурый кровавый след.

— Быстрее! Сюда! — крикнула Ника, высунувшись из-за двери аудитории. — Они вот-вот прорвутся!

Снаружи раздался грохот — словно перевернули что-то тяжелое. Затем послышался звон разбитого стекла и отчаянные крики людей. С улицы доносились сирены, визг тормозов и удары металла о металл — машины врезались друг в друга в панике.

Ника выставила огнетушитель и направила раструб прямо в морды наступающих мертвяков.

— Получайте, твари! — выкрикнула девушка, распыляя пену широкой струёй.

Белая пена залила глаза и пасти ближайших зомби. Они слепо закрутились на месте, натыкаясь друг на друга, беспорядочно хватая воздух руками. Некоторые просто застыли, издавая гортанное рычание, неспособные определить, где находится добыча.

Я воспользовался секундным замешательством и рванул что было сил к аудитории. Лёха схватил меня за куртку и с неожиданной силой дёрнул внутрь. Для щуплого ботаника он оказался неожиданно крепким. Возможно уже сейчас в нём просыпались те способности, которые в будущем сделают его одним из самых опасных псиоников.

— Ника, назад! — проорал я, видя, как мертвяки начинают снова ориентироваться.

Она швырнула опустевший огнетушитель в ближайшего зомби и отступила к двери. Но в последний момент поскользнулась на луже крови, её ноги разъехались, и она упала на колени прямо в дверном проёме.

За её спиной уже снова сформировалась плотная стена из оскаленных мертвецов. Один из них, высокий мужик в лабораторном халате, почти схватил её за волосы. Я рванулся вперёд, вцепился в её запястье и одним рывком втащил внутрь.

Лёха тут же захлопнул дверь, буквально за секунду до того, как в неё врезались первые мертвяки.

— Баррикадируйте! — рявкнул я, поднимаясь на ноги и помогая Нике подняться.

Дверь содрогалась под натиском десятков тел. Петли скрипели, дерево трещало, готовое вот-вот поддаться.

— Парты! — скомандовал я, указывая на ряды тяжёлых деревянных столов.

Лёха и ещё несколько парней мгновенно схватились за ближайшие парты и потащили их к двери. Я присоединился, навалившись всем весом на тяжёлую преподавательскую кафедру. Вместе мы прижали её к двери, а сверху навалили ещё несколько столов, формируя импровизированную баррикаду.

Удары с той стороны не прекращались ни на секунду, но наша конструкция выдерживала. Из-за двери доносилось утробное рычание и скрежет ногтей по дереву. Для этих перепуганных студентов звук был кошмарным, я видел, как они вздрагивали от каждого удара. Для меня же за пять лет апокалипсиса этот «концерт» стал чем-то вроде фоновой музыки — привычный, почти обыденный саундтрек к выживанию.

Только теперь у меня появилась секунда, чтобы осмотреться.

Аудитория представляла собой типичную лекционную: двадцать парт, расставленных друг за другом. Студенты, которым посчастливилось попасть внутрь, жались по углам.

У окна сгрудилась группа девчонок — все в слезах, одна

тихо шептала что-то, судорожно сжимая в руке маленький амулет на цепочке. Несколько крепких парней заняли позицию возле второго выхода, держа наготове подручные средства — стулья, цветочный горшок и даже чей-то ноутбук, который вряд ли мог послужить серьёзным оружием. В дальнем углу какой-то нескладный парень в очках что-то настраивал в портативной рации, периодически прикладывая её к уху и хмурясь.

— Замрите, — жестом остановил я всех присутствующих. — Звук привлекает их. Если не будем шуметь, возможно, они потеряют интерес.

В аудитории воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь тяжелым дыханием выживших. Я оглядел помещение, оценивая ситуацию. В комнате было человек двадцать пять — все напуганные, многие в крови, но вроде не укушенные.

Ксюша забилась в угол, обхватив колени руками, её трясло. Рядом с ней пристроилась худая девчонка с длинными рыжими волосами — она обнимала Ксюшу за плечи, что-то шепча ей на ухо. Странно, но это успокаивало их обеих.

Лёха стоял рядом со мной, его очки сидели криво, а рубашка была порвана на плече. На бледной коже виднелись свежие синяки — видимо, зацепило в давке. Ника тяжело дышала, прислонившись к стене, но явно держалась лучше остальных.

Прошло несколько мучительно долгих минут. Удары в дверь постепенно становились реже, рычание тише. За окна-

ми пронеслась пожарная машина, её сирена на мгновение заглушила все остальные звуки. Затем снова крики, звон разбитого стекла, грохот падающих тел.

Внезапно откуда-то из коридора донёсся отчаянный крик:

— Помогите! Кто-нибудь! Помогиииитеее!

Голос был мужской, полный паники и отчаяния. Несколько человек в аудитории дёрнулись, инстинктивно подавшись к двери, но я остановил их решительным жестом.

— Даже не думайте, — процедил я сквозь зубы.

— Но там человек! — воскликнула какая-то девчонка со второго ряда, её глаза были полны слёз. — Мы должны помочь!

— Считай, что он уже мёртв, — отрезал я. — И если откроем дверь, то тоже сдохнем. Их там слишком много, а мы практически безоружны.

Крики в коридоре становились всё отчаяннее, пока внезапно не послышался удаляющийся топот — стая голодных мертвецов бросилась за новой жертвой. Давление на баррикаду ослабло. Лишь одинокий зомби продолжал скрести по дереву, не желая отступать.

— Что теперь? — шёпотом спросила Ника, подходя ближе. Её чёрная футболка была заляпана кровью, а из рассечённой брови сочилась тонкая струйка. — Мы заперты.

— Зато живы, — ответил я, вытирая пот со лба. — И это уже неплохо для первого часа апокалипсиса. Хотя в прошлый раз всё было немного проще.

— В прошлый раз? — ошарашенно переспросила Ника. — О чём ты говоришь?

На улице что-то взорвалось — вероятно, автомобиль. Стёкла в аудитории задребезжали, а одно даже треснуло. Студенты вздрогнули, кто-то из девушек негромко вскрикнул.

Я медленно обвёл взглядом всех присутствующих. Перепуганные лица, дрожащие руки, широко раскрытые от ужаса глаза. Обычные студенты, которые ещё час назад жили в привычном мире, где самой большой проблемой была пропущенная лекция или забытый дома реферат. Если рассказать им о том, что произойдёт дальше, это может спасти многим жизнь. Наверное. Хотя с другой стороны — кто поверит в такую хрень?

Ладно, надо попробовать. В конце концов, я ничего не теряю.

— Да, в прошлый раз, — повторил я, опускаясь на край парты. — Я уже прошел через всё это дерьмо. Пять лет. Весь этот пиздец от начала до самого конца.

Воцарилась тишина. Кто-то нервно хихикнул, решив, что я несу бред от стресса.

— Макар, — осторожно начала Ника, — ты точно в порядке? Может, ударился головой, когда дрался с этими тварями?

Я смерил её холодным взглядом. Пять лет войны с ходячими мертвецами, психониками и мародёрами научили меня

говорить так, что даже самые дерзкие затыкаются.

— Я никогда не был более в порядке. Слушайте меня внимательно, потому что от этого зависят ваши жизни. Сегодня, одиннадцатого мая, начался апокалипсис. Через час по городу будут рыскать десятки тысяч зомби. К завтрашнему утру Москва падёт. Через неделю правительство перестанет существовать. Через месяц девяносто процентов населения будет мертво. По-крайней мере, так было в прошлый раз…

Лёха снял очки и начал протирать их дрожащими руками — привычный жест, когда он нервничал.

— М-макар, — заикаясь, произнёс он, — это звучит как б-бред из фильма ужасов…

— Именно так я и думал в первый раз, — кивнул я. — Когда мне было девятнадцать, как сейчас большинству из вас. Когда я был наивным студентом-филологом, который верил, что худшее, что может случиться — это завал на экзамене.

Одна из девчонок всхлипнула и прижала руки ко рту. Высокий парень в спортивной куртке обнял её за плечи, хотя сам выглядел не менее напуганным.

— Но это же невозможно! — воскликнула она сквозь слёзы. — Зомби — это фантастика! Это из фильмов!

В аудитории повисла напряжённая тишина. Только с улицы доносились далёкие крики и вой сирен. За окном мелькнули огни проезжающей спецтехники — тусклые отблески красного и синего плясали на потолке и стенах, создавая тревожную атмосферу.

— Д-допустим, — медленно произнёс Лёха, водружая очки на место, — д-допустим, ты не сошёл с ума. Но как это вообще в-возможно? Путешествия во в-времени?

— Понятия не имею, как это работает, — пожал я плечами. — Знаю только одно — я прожил в этом аду пять лет, а потом взорвал себя вместе с огромной толпой мертвецов, когда мы пытались остановить одного садиста-псионика. И вот я снова здесь, в самом начале. Всё можно было бы списать на обычный кошмар, но история начала повторяться. Просто в немного ускоренном варианте.

— Псиоников? — переспросила Ника, нахмурившись. Она машинально коснулась засохшей крови на лбу и поморщилась от боли.

— Через пару дней после заражения у выживших начнут проявляться способности, — объяснил я. — Телекинез, неуязвимость, ментальный контроль, исцеление и еще кое-что. Звучит круто, но на практике большинство псиоников превращаются в монстров похуже зомби.

Снизу донесся громкий грохот — судя по звуку, кто-то опрокинул или разбил что-то тяжелое. Возможно, баррикаду в одной из аудиторий. Девчонка у окна тихо вскрикнула, вцепившись в руку подруги.

Ксюша подняла голову, её глаза были красными от слёз.

— И что нам теперь делать? — тихо спросила она.

— Выживать, — просто ответил я. — И для начала нужно выбраться из этого здания. Здесь мы просто отсрочили

смерть на несколько часов.

Парень с задних рядов, высокий спортивного вида, резко встал со своего места. У него была рассечена губа, а на футболке виднелись пятна чужой крови.

— Хватит этой хрени! — выпалил он, ткнув пальцем в мою сторону. — Ты несёшь полную чушь! Путешествия во времени, псионики, конец света — это бред сумасшедшего!

— Семён, успокойся, — попыталась его утихомирить Ксюша.

— Да не буду я успокаиваться! — он подошёл ближе, нависая надо мной. — Этот псих запугивает всех своими дебильными рассказами! А вы сидите и уши развесили!

Я поднялся, встречая его взгляд. Он был на полголовы выше меня, но это меня не смущало. После пяти лет выживания среди зомби и псиоников-убийц, обычный качок из спортзала вызывал только усмешку.

— Какие именно рассказы тебе кажутся дебильными? — спокойно спросил я. — То, что мертвецы рыскают по коридорам в поисках живого мяса? Ты же видел их своими глазами.

— Зомби — это одно, — Семён махнул рукой. — Но вся эта хрень про путешествия во времени и конец света — бред сумасшедшего! Наверняка какая-то дрянь из секретной лаборатории вырвалась наружу. Сейчас правительство введёт войска в город и быстро зачистит улицы. У них на подобные случаи разработаны целые протоколы.

Я вздохнул. Качок, конечно, был прав — протоколы на такие случаи действительно существовали. Только вот в первые дни апокалипсиса большинство военных похватали оружие и рванули к своим семьям. Они не видели смысла дохнуть за правительство или чужих людей, пока их близких жрали заживо.

А оставшиеся упёртые вояки засели в своих частях за городом. Думали, колючая проволока и пулемёты спасут их задницы. Нихрена. Первое же массовое нашествие превратило казармы в братские могилы, а КПП — в груды окровавленного металла. До сих пор, блядь, в холодном поту просыпаюсь от этих воспоминаний.

Представьте себе: все мертвяки города — и обычные, и отожравшиеся, и те, кто уже успел обрести психонические способности — движутся единой волной в одном направлении. Сметают всё, как цунами из гниющей плоти и костей. Целые поселения исчезали за считанные часы. Кровавое, блядь, месиво.

Снаружи снова что-то взорвалось — на этот раз ближе. От удара даже стёкла задребезжали. Через мгновение раздались крики — много голосов, они доносились со двора перед корпусом.

— Поверь мне, от армии лучше держаться подальше, — продолжил я, не обращая внимания на шум. — В первые дни солдаты будут нервными и будут валить всех без разбору. Особенно когда поймут, что люди скрывают укусы, чтобы

добраться до безопасного места.

— Тогда объясни мне, умник, — Семён обернулся ко мне с вызовом, игнорируя нарастающий хаос снаружи, — если ты уже всё это проходил, то почему ты до сих пор здесь? Почему не эвакуировался из города заранее?

— Потому что я очнулся всего час назад и до конца не верил в происходящее, — честно ответил я. — А когда понял — было уже поздно. Всё началось раньше, чем в первый раз.

— Раньше? — переспросила Ника, машинально заправляя прядь волос за ухо.

— В прошлой жизни первый заражённый появился только через несколько часов. Сейчас же всего полдень, а город уже кишит мертвяками. Что-то изменилось. Не знаю что, но заражение сильно ускорилось.

Тишину нарушил треск рации у одного из студентов — Максим, худощавый парень с острыми чертами лица и всегда взлохмаченными волосами, достал из рюкзака небольшую портативную рацию и начал крутить ручку настройки. Этот тихоня с первого курса практически не общался с группой, предпочитая сидеть в углу с наушниками или возиться с какими-то техническими штуковинами.

— Откуда у тебя это? — удивилась Ника.

— Радиолюбительство, — пояснил Максим, не отрываясь от приёмника. — С детства увлекаюсь. Перехватываю частоты экстренных служб, авиации, иногда военных…

Внезапно из динамика прорвался чёткий голос:

— …код красный по всем районам… эвакуация жилых кварталов невозможна… потери среди личного состава критические… повторяю, потери критические…

Максим побледнел, продолжая настраивать частоты. Его руки заметно дрожали.

— Это МЧС, — прошептал он. — Они говорят о массовых нападениях по всему городу.

Я нахмурился, слушая сводки. Слишком быстро. В прошлый раз понадобились сутки, чтобы ситуация дошла до такого уровня. А сейчас всего за час город уже горел. Это означало только одно — заражение началось одновременно по всему Петербургу. Координированно. Кто-то явно управлял этим пиздецом.

Новый голос пробился сквозь статические помехи — более панический, срывающийся:

— …больница имени Боткина… пациенты ведут себя неадекватно… напали на медперсонал… не реагируют на слезоточивый газ… просим немедленного вмешательства… они как будто не чувствуют боли…

Третий голос, судя по всему, сотрудник полиции:

— …отряд в Московском районе несёт тяжёлые потери… нападающие игнорируют ранения… огонь малоэффективен… требуется подкрепление…

А затем связь оборвалась в шипении помех.

— Это просто какая-то массовая истерия, — неуверенно произнёс Семён. — Или теракт с психотропным газом…

— Да, конечно, — усмехнулся я мрачно. — Газ, который воскрешает мёртвых и заставляет их игнорировать пулевые ранения.

Семён открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Он слышал те же сводки, что и мы — про нападающих, которые не реагируют на слезоточивый газ и игнорируют огонь стрелкового оружия.

— Но как… как это возможно? — пробормотал он.

— Пока не важно как, — отрезал я. — Важно, что нам делать дальше. У нас есть несколько часов, прежде чем положение станет совсем критическим.

— И что теперь? — спросила Ника, нервно теребя порванный рукав. — Сидеть здесь и ждать помощи?

— Какой, нахрен, помощи? — я покачал головой. — Через час весь район будет кишеть этими тварями. Сюда никто не сунется, даже спецназ. К тому же, у них сейчас есть дела поважнее, чем спасать парочку выживших студентов.

— Тогда что? — подал голос Лёха, протирая запотевшие очки.

— Пробиваться наружу, — я похлопал монтировкой по ладони. — На крышу уже не вариант — у пожарной лестницы толпа мертвяков, а спускаться получится только по одному. Поэтому придётся искать другой путь.

Семён с сомнением покосился на мое оружие.

— И ты думаешь у нас получится прорваться, имея из оружия только монтировку? Эти твари сожрут нас прежде, чем

мы доберёмся до выхода.

— Вот тут я с тобой полностью согласен. Нам нужно что-то посерьёзнее. Можно, к примеру, вернуться в аудиторию, где я взял эту штуку, — слегка приподнял монтировку. — Там ещё куча всякого инструмента валялась — молотки, кусачки, разводные ключи, пара ломов. Даже электродрель была, правда, против тварей от нее нет никакого толку.

— Это через весь этаж, — покачал головой Лёха. — Надо прорываться через холл, а там, судя по шуму, целая толпа этих…

— Зомби, — подсказал я. — Называй вещи своими именами.

— Как-то не укладывается в голове, — он нервно хмыкнул. — Все эти ходячие мертвецы…

— Поверь, к этому быстро привыкаешь.

В аудитории повисла гнетущая тишина, но вдруг её нарушил голос откуда-то сзади:

— Не обязательно пробиваться к аудитории, — Вика, та самая блондинка с шикарными формами, поднялась со своего места. — Есть более простой вариант.

Все повернулись к ней. Даже посреди этого кровавого дерьма она выглядела как чёртова фотомодель — ни пятнышка на белой блузке, волосок к волоску. Только взгляд холодный, как у снайпера перед выстрелом.

— И какой же? — спросил я с недоверием.

— Кабинет декана. Он совсем рядом, — она указала ру-

кой в сторону, противоположную той, откуда доносилось рычание. — Наш Михалыч — фанат холодного оружия. Особенно восточного. У него целая коллекция на стене — катаны, нунчаки, сюрикены. Даже лук со стрелами есть, кажется.

— Чего? — переспросил Семён. — Ты серьезно?

— Абсолютно, — кивнула Вика.

— И откуда ты так хорошо знаешь его кабинет? — с язвительной ухмылкой спросила одна из девчонок.

Щёки Вики неожиданно вспыхнули. На идеальном лице проступили красные пятна. Она нервно поправила блузку и отвела взгляд.

— Часто бывала на… консультациях, — пробормотала она. — Он показывал мне свою… коллекцию.

По аудитории пробежал приглушённый смешок. Некоторые студенты многозначительно переглянулись.

— На «консультациях», значит, — протянула та же девчонка. — А мы-то думали, почему ты единственная сдала курсовую с первого раза.

— Не твоё собачье дело, — огрызнулась Вика, но румянец выдавал её с головой. — Важно то, что я точно знаю: у него там целый арсенал холодного оружия.

— Только есть одна проблема, — добавила она, немного помедлив. — Всё это добро хранится в специальных бронированных витринах, которые запираются на ключ. Он говорил, что это условие ректора.

— И где ключ? — я уже прикидывал шансы на успех.

Вика пожала плечами.

— Обычно он носит его с собой. На той же связке, где ключи от машины.

— Охренеть, — я раздражённо провёл рукой по волосам. — То есть нам надо найти декана, который, скорее всего, уже превратился в ходячего мертвеца, обыскать его и забрать ключи?

— Ну, вообще-то… — Вика снова покраснела и опустила глаза. — Я знаю, где запасной. Он держит его в верхнем ящике стола. На всякий случай.

— Повезло, — хмыкнул я. — А то представляю, как бы мы носились по всему зданию, выискивая, кого из мертвяков раньше звали деканом.

Время поджимало. Нужно было действовать, пока зомби не заполонили всё здание.

— Значит так, — я осмотрел нашу импровизированную баррикаду. — Пробиваться всей толпой к кабинету декана — самоубийство. Шум привлечет каждого мертвяка на этаже.

— И что предлагаешь? — спросил Лёха, нервно протирая очки.

— Пойду один, — ответил я, взвешивая монтировку в руке. — Там недалеко, метров пятьдесят по коридору.

— Но там же эти твари! — Ника схватила меня за рукав. — Ты не пройдешь.

— Основная масса зомби сейчас у лестниц и возле глав-

ного холла, — сказал я, прислушиваясь к доносящимся звукам. — В этой части коридора тише. Похоже, тут их немного. Проскользну вдоль стены, по-тихому. Они реагируют в основном на звук и движение. Если не шуметь и двигаться медленно — есть шанс.

Семён скептически хмыкнул.

— Да ты спецназовец прямо. Откуда такая уверенность?

— Поверь, я знаю, как они себя ведут, — процедил сквозь зубы. — В первую очередь они идут на громкие звуки. А тихо крадущегося человека могут и не заметить, особенно в полумраке.

Ксюша нервно теребила рукав свитера.

— А мы? Что нам делать?

— Сидеть тихо и ждать. Вернусь с оружием, тогда решим, как выбираться отсюда всем вместе.

— Последний вопрос, — Вика подалась вперед. — Ящик стола заперт. Если декан… ну… уже того, то ищи на нём связку. Нужен маленький желтенький ключик с черной штукой на конце.

— Разберусь, — коротко кивнул я.

Больше не тратя времени на разговоры, перехватил монтировку поудобнее и осторожно отодвинул часть баррикады. Прислушался к тишине коридора и выскользнул наружу, тихо прикрыв за собой дверь.

Коридор встретил меня напряженной тишиной, которая

казалась особенно странной на фоне хаоса, творящегося в остальном здании. Откуда-то снизу по-прежнему доносились отчаянные крики и звуки борьбы. С улицы слышался рев моторов — кто-то пытался прорваться на машине сквозь толпу мертвяков. Но здесь, в этом узком проходе, царило зловещее спокойствие.

Только у одной из дверей дальше по коридору монотонно бился одинокий зомби — судя по форменному пиджаку, бывший охранник. Он методично колотил кулаками в деревянную панель, словно чувствовал кого-то с другой стороны. К счастью, тварь была настолько сосредоточена на своей цели, что не обращала внимания на происходящее вокруг.

Прижимаясь к противоположной стене, я медленно продвигался вперед, стараясь ступать максимально бесшумно.

За первым поворотом наткнулся на зомби — какой-то студент в толстовке с логотипом универа бесцельно шатался вдоль стенда с расписанием. Кровь из укуса на шее запеклась и потемнела, заляпав капюшон и плечи. Мне повезло — парень стоял спиной. Я подкрался ближе и одним точным движением опустил монтировку на его затылок. Удар получился глухим, как по переспелому арбузу. Тело рухнуло, не издав ни звука.

Метров через пятнадцать коридор разветвлялся. Левый поворот вел к лестнице — оттуда доносилось мерзкое чавканье и влажный треск костей. Кто-то жрал там от души. Правое ответвление вело к кабинету декана.

Не доходя до развилки, замер и прислушался. Со стороны деканата донеслись приглушенные всхлипы.

Осторожно выглянув за угол, увидел двух студенток — живых, прижавшихся к стене между кабинетами. Одна зажимала рот другой рукой, не давая той закричать от страха.

Медленно, стараясь не делать резких движений, приблизился к ним. Девушки вжались в стену сильнее, в глазах плескался чистый ужас. Я приложил палец к губам и жестом показал, что не представляю угрозы.

— Там, дальше по коридору, аудитория 306, — прошептал я, наклонившись к ним. — Скажите, что от Макара. Впустят.

Девчонки переглянулись, одна из них кивнула. Они были слишком напуганы, чтобы говорить, но, похоже, поняли меня. Я указал им направление и дождался, пока они скроются за поворотом, двигаясь как можно тише.

Коридор впереди был пуст, только опрокинутые урны и разбросанные конспекты свидетельствовали о панике, охватившей здание. Через двадцать метров я увидел нужную дверь с табличкой «Деканат». Она была приоткрыта, изнутри не доносилось ни звука. Слишком тихо.

Прижавшись к стене рядом с входом, я прислушался. Приглушенное хрипение. Кто-то точно был внутри, и этот кто-то уже не человек.

Одним быстрым движением я распахнул дверь и замер на пороге. В центре приемной старая секретарша, пожилая

женщина в сером костюме, склонилась над чем-то на полу. Судя по хлюпающим звукам и резким движениям головы, она жадно пожирала какую-то жертву. Услышав скрип двери, она медленно повернулась, демонстрируя окровавленное лицо с кусками плоти, застрявшими между зубов. Мутные глаза уставились прямо на меня, а из горла вырвалось утробное рычание.

Рядом с картотекой стоял парень — стажер или лаборант, в белой рубашке, заляпанной кровью. Услышав шум, он тоже развернулся ко мне, щелкая челюстями как голодное животное.

Мне нужно было действовать быстро. Я метнулся к парню, который был ближе, и с размаху опустил монтировку на его голову. Череп треснул с влажным хрустом. Тело рухнуло на пол, дёргаясь в конвульсиях.

Секретарша оказалась шустрее, чем я ожидал от старой карги. Оттолкнувшись от своей добычи, она бросилась на меня с утробным воем. Я едва успел отпрыгнуть, и она врезалась в стеллаж с документами. Папки разлетелись по полу, но эту тварь такая мелочь не остановила. Развернувшись с нечеловеческой быстротой, она снова кинулась вперед.

— Вот же отожравная сука! — выругался я, перехватывая монтировку.

Встретил её ударом прямо в висок. Металл вошел в череп с мерзким хрустом, но зомбячка продолжала цепляться за меня скрюченными пальцами. Пришлось ударить еще раз,

перемешивая мозги. Только тогда она наконец обмякла.

Отбросив тело ногой, быстро осмотрелся. Дверь в кабинет декана заперта. Подёргал ручку — не поддается. Неудивительно.

Из коридора донеслись шаркающие шаги и рычание — целый хор голодных глоток. Твари услышали шум и теперь стекались к приемной со всего этажа.

Рванул к входной двери, захлопнул и подпер тяжелым креслом секретарши. Хлипкая преграда, но даст пару минут форы. А мне больше и не нужно.

Вернувшись к двери декана, сунул монтировку в щель между косяком и замком. Навалился всем весом — ни хрена. Второй рывок, еще сильнее — что-то внутри заскрипело. Третий, вложив все силы — и дверь с треском распахнулась.

Влетев в кабинет, я буквально врос в пол от увиденного.

— Охренеть…

Глава 6. Голый забег

Я замер на пороге, не веря собственным глазам. В кабинете, под тусклым светом настольной лампы, стоял декан собственной персоной — совершенно голый, потный, да еще и с катаной в руках. Его пятидесятилетнее тело с солидным пивным животом и обвисшими боками представляло собой зрелище не для слабонервных. За его спиной, прикрываясь какими-то бумагами, пряталась молоденькая студентка — смуглая, с длинными тёмными волосами и пухлыми губками. К слову, тоже полностью обнажённая.

— Вот чего угодно ожидал увидеть, но явно не этого… — только и вырвалось у меня.

Ситуация была настолько абсурдной, что я невольно хмыкнул. Апокалипсис, зомби, кровавая бойня в коридорах — и посреди всего этого звездеца я умудрился наткнуться на голого декана с катаной со своей пассией.

На удивление, мужик даже не смутился. Лишь крепче сжал рукоять клинка и холодно произнёс:

— Ты кто такой? И какого чёрта здесь делаешь?

Девушка за его спиной тихо всхлипнула, пытаясь прикрыться. Её трясло, но не от холода, а скорее от страха.

— Вообще-то, спасаю свою задницу, — я захлопнул дверь и повернул замок. — И, судя по всему, теперь ещё и ваши.

Мозг мгновенно сложил картину. Преподавательско-сту-

денческая классика — «устная сдача зачёта через заднюю дверь». Девчонка явно пришла сдавать сессию самым древним способом, а тут очень невовремя нагрянул апокалипсис. Застукали бы их в обычный день — был бы скандал на весь универ. Декана под увольнение, а девчонку на отчисление, да еще и с позором. Сейчас же… кому какое дело до того, кто и с кем трахался, когда вокруг творится такая жесть?

К слову, мужик, оказывается, был не так прост. Я слышал, что Михалыч преподавал историю боевых искусств, но считал это очередной университетской байкой. Однако судя по тому, как уверенно и профессионально он держал катану, с какой непринужденной лёгкостью его пальцы обхватывали рукоять, и как естественно лезвие продолжало линию его руки — становилось очевидно, что коллекцию холодного оружия он собирал не просто для украшения кабинета.

— А где ваша одежда? — спросил я, стараясь сосредоточиться на ситуации, а не на голых телах перед собой.

Декан кивнул в сторону двери.

— В приёмной осталась. Мы как раз… э-э… обсуждали дипломный проект Алины, когда эти твари ворвались. Еле успели сюда забежать.

— Угу, дипломный проект, — я не удержался от сарказма. — По физкультуре, видимо.

Алина сжалась, прикрываясь бумагами сильнее, а декан, на удивление, лишь пожал плечами.

— Они ворвались около часа назад, — продолжил он спокойно, совершенно не стесняясь своей наготы. — Секретарша и какой-то студент. Глаза странные, кожа серая. Напали как бешеные собаки, рычали и скребли дверь. Я думал, наркотики какие-то…

— Это не наркоманы. Это вообще уже не люди, — я кивнул, осматривая кабинет. — Они мертвы, но почему-то всё ещё ходят.

Вдоль одной стены тянулись застеклённые витрины с холодным оружием — всё, как Вика и говорила. В центральной был лук с колчаном, в котором торчало шесть оперённых стрел. Рядом — ещё одна катана и пара кинжалов с изогнутыми лезвиями.

— Зомби? Как в «Ходячих мертвецах»? — неожиданно подала голос Алина.

— Примерно, — кивнул я. — Только эти быстрее и намного опаснее

— Я так и подумал, — декан вдруг усмехнулся, помахивая катаной. — Помню, посмотрел в дырку замка, а там секретарша жрёт какого-то студента. Прямо кишки вытаскивает. Я много всякого в жизни повидал, но такого… — он покачал головой.

— И вы настолько спокойны? — я невольно восхитился его хладнокровием.

— А толку паниковать? — пожал плечами декан. — Умирать буду — наорусь вдоволь, а пока надо думать, как вы-

браться.

Он говорил размеренно, почти по-деловому, словно обсуждал учебный план, а не зомби-апокалипсис. Удивительное спокойствие для человека, который ещё час назад жил в нормальном мире и трахал студентку в своём кабинете.

— Вы стрелять из лука умеете? — спросил я, кивая на оружие за стеклом.

— Лучше, чем махать этой штукой, — декан слегка приподнял катану. — Десять лет в секции киудо. Древнее японское искусство.

Громкий треск, донесшийся из приёмной, заставил нас всех вздрогнуть. Судя по звуку, кресло, которым я наспех подпёр входную дверь, наконец не выдержало напора зомби. Секунду спустя воздух наполнился новыми звуками — скрежетом когтей по деревянной поверхности двери, влажным утробным рычанием голодных тварей, глухими ударами тел о преграду.

— Где ключ от остальных витрин? — я повернулся к декану, указывая на закрытые стеклянные шкафы.

— На столе, — он кивнул на массивный дубовый стол, заваленный бумагами. — Маленький жёлтый.

Я быстро подошёл к столу, разгребая бумаги. Действительно, там лежал маленький жёлтый ключик с чёрным пластиковым наконечником.

— После того как перебьём тварей в приёмной, заберёте свою одежду, — сказал я, открывая остальные витрины. —

Не думаю, что они её сожрали.

— Согласен. Было бы неловко прорываться сквозь орду зомби в чём мать родила, — декан мрачно усмехнулся. — Хотя сейчас это наименьшая из наших проблем.

Девушка, до этого молча дрожавшая за его спиной, наконец подала голос:

— Там они, да? Эти… мертвяки? — её голос звенел от страха.

— Алина, — я обратился к девушке, — через пару минут эта дверь слетит с петель, и сюда ворвётся толпа голодных зомби. У нас есть только один шанс — прорваться к аудитории в конце коридора, где забаррикадировались выжившие.

Я протянул лук и колчан декану. Он принял оружие с той же естественностью, с какой другие берут ручку — без лишних движений, уверенно.

— Сколько их там? — спросил декан, вглядываясь в дверь, за которой раздавались звуки борьбы.

— Хрен знает, — я прислушался к скрежету и рычанию за дверью. — Судя по звукам, несколько штук точно. Может, трое, может, десяток. В коридоре пока тихо, но шум их привлечёт. Вы правда умеете стрелять из этой штуки?

Декан кивнул, перекидывая колчан через плечо так, чтобы тот оказался за спиной.

— Хорошо. Но нам все равно нужен план, — сказал он, натягивая тетиву и проверяя её упругость. — Как будем прорываться?

— Я пойду первым, — перехватил монтировку поудобнее. — Вы держите дверь, когда скажу — распахиваете её, и я сниму ближайших тварей. Потом прикрывайте спину и стреляйте по тем, кто полезет из коридора. Алина собирает всё оружие, что сможет унести.

— Разумно, — кивнул декан.

— А почему я должна таскать железки? — возмутилась Алина, скрестив руки на груди. — Я вообще-то девочка и не должна носить тяжелое!

Я уставился на неё, не веря своим ушам. Апокалипсис только начался, а у неё уже проснулись старые рефлексы типа «я же девочка».

— Нет проблем, — спокойно ответил я, протягивая ей монтировку. — Тогда бери оружие и иди первой. Ну а я с удовольствием побуду грузчиком.

Она открыла рот, собираясь что-то возразить, но декан жестом остановил её.

— Он прав, Алина. Сейчас не до твоих капризов.

Я невольно залип взглядом на её обнаженном теле. За пять лет кровавого апокалипсиса из памяти начисто стёрлись воспоминания о том, как выглядит молодая женщина с подтянутой, ухоженной фигурой. А фигура у Алины была что надо — плоский живот с едва заметными кубиками пресса, аккуратная небольшая грудь с темными сосками, подтянутая, явно накачанная в фитнес-клубе задница и длинные ноги с рельефными икрами. Такие девушки до апокалипсиса

постили фотки в инстаграме с хэштегом «фитоняшка», собирая тысячи лайков.

В мире, откуда я вернулся, женские тела выглядели совсем иначе — жилистые, исхудавшие от постоянного недоедания, покрытые шрамами и мозолями. Конечно, в крупных поселениях выживших постепенно наладилась какая-никакая нормальная жизнь. Люди создавали семьи, рожали детей, даже устраивали праздники. Но по сравнению с довоенным временем всё было иначе — грубее, проще, без налёта цивилизации. И уж точно никто не заботился о подтянутых задницах и кубиках пресса. Поэтому сейчас я на секунду залип, как подросток, впервые увидевший обнаженную девушку с глянцевой обложки.

— Эй, — Алина щёлкнула пальцами перед моим лицом, — может, перестанешь пялиться и займёмся делом? Тут вообще-то зомби за дверью.

Я кивнул, отводя взгляд. Нахлынувшие воспоминания о прошлом мире на мгновение выбили меня из колеи.

— Так, Алина, — я указал на оставшееся оружие, — твоя задача — собрать всё это и нести за нами. Катану, кинжалы — всё, что найдёшь в витринах. Мы с деканом прикроем, а ты просто держись позади.

— Но я умею обращаться с оружием, — возразила она, скрестив руки на груди. — Мой отец — бывший военный, учил меня с детства.

— Не сомневаюсь, — отрезал я. — Но сейчас нам нужен

человек, который сможет унести всё, что может пригодиться остальным выжившим. Это не менее важная задача.

Она поджала губы, но спорить не стала. Подошла к витринам и начала собирать оружие, складывая его в какую-то коробку, стоявшую в углу кабинета.

Декан тем временем проверял тетиву на луке, натягивая и отпуская её. Движения были плавными и уверенными.

— Десять лет тренировок не пропьёшь, — он криво усмехнулся. — Даже если очень стараться.

Я подошёл к витрине и забрал вторую катану. Взвесил в руке — хороший баланс, отличная сталь. С таким оружием против свежих зомби у нас есть шанс.

Дверь в кабинет содрогнулась от мощного удара.

— План такой, — быстро проговорил я, вытаскивая катану из ножен. — Я иду первым, вы сразу за мной. Декан, прикрываете тылы. Движемся к аудитории 306, там наши. Не останавливаемся, не отвлекаемся, не геройствуем. Только голову им сносите, остальное бесполезно.

Декан кивнул, натягивая тетиву и вставляя первую стрелу. Его руки даже не дрожали, хотя ситуация, казалось бы, не располагала к спокойствию — голый, в окружении зомби, с молоденькой студенткой, которую надо вроде как защитить. Однако в его движениях чувствовалась уверенность опытного стрелка.

— Понятно, — произнёс он тихо. — Я прикрою. Целиться буду в глаза — самый короткий путь к мозгу.

Я невольно отметил его хладнокровие. Никакой паники, никаких истерик или тупых вопросов вроде «что происходит» или «может, позвоним в полицию». Только холодный расчёт и готовность действовать. Декан вёл себя так, словно всю жизнь готовился к подобному сценарию, хотя вряд ли он когда-либо сталкивался с чем-то подобным. Что-то в нём напомнило мне некоторых военных, с которыми мне приходилось иметь дело в прошлой жизни — та же собранность, то же ледяное спокойствие в критических ситуациях.

Дверь затрещала сильнее, одна из петель с мучительным скрипом начала отходить от косяка. Ещё пара мощных ударов, и преграда рухнет.

— На счёт три, — скомандовал я, сжимая рукоять катаны и принимая боевую стойку. — Раз… два…

В голове пронеслась мысль, что ситуация до боли знакомая — я, оружие, зомби за дверью. Только обычно рядом были суровые мужики с автоматами, а не голый декан с луком и его голая подружка, трясущаяся от страха. Но какая, в сущности, разница? Я был готов к новой бойне. В конце концов, у меня за плечами было целых пять лет практики.

— Три!

Декан рывком распахнул дверь, и тут же в проём ворвались два зомби, которые до этого долбились в преграду. Они буквально вывалились на меня, оскалив окровавленные пасти. Я инстинктивно выбросил левую ногу вперед, с силой врезав ботинком в грудь ближайшего мертвяка. Удар от-

швырнул его назад, в приёмную, где он опрокинул стул и рухнул на пол.

Второй зомби попытался вцепиться мне в куртку, но я оттолкнул его рукой и занёс катану для удара. В приёмной творился настоящий ад — ещё трое зомби крутились по комнате, натыкаясь на мебель. Их кожа приобрела серо-зеленоватый оттенок, глаза помутнели, а из ран сочилась тёмная густая кровь. При виде открытой двери и свежего мяса они синхронно повернули головы и издали утробное рычание, устремляясь к нам.

Первый, студент в синей куртке, бросился на меня, широко разинув пасть. Я встретил его одним чётким движением — лезвие катаны со свистом рассекло воздух и вошло в череп чуть выше переносицы. Кровь и мозги брызнули во все стороны, заляпав стены. Я рывком выдернул оружие и развернулся ко второму зомби — щуплому очкарику в костюме, который уже тянул ко мне свои скрюченные пальцы.

Сзади просвистела стрела и вошла прямо в глазницу третьему мертвяку. Он дёрнулся, словно от удара током, и рухнул на пол, дёргаясь в агонии. Декан умел стрелять, и даже очень неплохо.

Двое оставшихся зомби кинулись на нас одновременно. Декан уложил одного метким выстрелом в глаз, я расправился со вторым, вонзив лезвие катаны через нижнюю челюсть в мозг. Зомби дёрнулся и затих.

Приёмная была зачищена, но времени на передышку не

было — из коридора уже доносились новые звуки приближающихся мертвяков, привлечённых шумом.

— Одежда! — крикнула Алина, указывая на разбросанные по приёмной вещи — её юбку и блузку, скинутые в спешке, и мужской костюм декана, небрежно брошенный на диван.

Я бросил взгляд на разбросанную по приёмной одежду и скривился. Брюки декана были залиты тёмной кровью мертвеца, валявшегося рядом с диваном. Светлая блузка Алины превратилась в бордово-коричневую тряпку. Распотрошённый лаборант забрызгал всю приёмную своими внутренностями.

— Забудьте про одежду, — сказал я, видя как Алина потянулась к своей юбке. — Всё в крови и кишках. Не наденете. В аудитории что-нибудь найдем.

Декан с сожалением окинул взглядом свои заляпанные брюки, но спорить не стал.

— Значит, прорываемся голыми, — решительно произнёс он, поправляя колчан на плече. — Не самая героическая картина, но выбора нет.

Он подошёл к трупу секретарши и замер у торчащей из глазницы стрелы.

— Стрел всего шесть, — пояснил декан, перехватив вопросительный взгляд Алины. — Пять в колчане и одна в этой гниющей мрази. Без боеприпасов лук превращается просто

в бесполезную палку. Главное — вытаскивать их аккуратно, чтобы наконечник не повредить, иначе останемся вообще без оружия дальнего боя.

Алина молча стянула с убитого лаборанта его халат, стараясь касаться только чистых участков ткани.

— Используй это.

Декан одобрительно кивнул, обмотал халатом правую руку в несколько слоёв и ухватился за древко. Упёршись голой ступнёй в плечо мертвяка, резко дёрнул. Стрела вышла с влажным чавкающим звуком, вытягивая за собой сгустки крови и мозгового вещества. Михалыч методично очистил наконечник о ту же ткань, вернул стрелу в колчан и отбросил пропитанный кровью халат в угол.

— В боевых условиях импровизация — ключ к выживанию, — коротко прокомментировал он.

Я подошел к двери, ведущей в коридор, и осторожно выглянул. В нескольких метрах от нас бродили трое зомби — уборщица с шваброй, все еще зажатой в скрюченных пальцах, и двое студентов с окровавленными лицами.

— Прикрой, — бросил я декану и выскочил в коридор.

Первого зомби я встретил мощным ударом катаны, разрубив череп от макушки до подбородка. Второй попытался схватить меня за ногу, но я отпрыгнул и точным движением снес ему полголовы. Третий получил стрелу прямо в глаз — декан не промахнулся даже на расстоянии.

— Путь свободен, — объявил я, оглядывая коридор. —

Но ненадолго. Слышите шум? Это еще твари, и их много.

Со стороны лестницы действительно доносился нарастающий гул — топот множества ног и утробное рычание.

— За мной! — скомандовал я, указывая направление. — Бегом! Держимся вместе, не отставать!

Мы рванули по коридору — я впереди, за мной Алина, абсолютно голая, прижимающая к груди коробку с оружием, в конце — декан, чья голая задница сверкала в тусклом свете аварийных ламп. В любой другой ситуации эта картина выглядела бы комично — два обнаженных человека с холодным оружием несутся по университетскому коридору. Но сейчас нам было не до смеха.

На повороте мы столкнулись с новой угрозой — группа из четырёх зомби столпилась прямо у двери нашей аудитории. Приглядевшись, с ужасом увидел одну из девушек, которых отправил сюда — её тело лежало растерзанное посреди кровавой лужи. Грудная клетка была вскрыта, как консервная банка, рёбра торчали наружу белыми обломками. Внутренности вытащены и разбросаны по полу, как гирлянды в аду — розово-серые кишки, тёмно-бордовая печень, что-то ещё, неопознаваемое и склизкое. Мертвяки сидели вокруг трупа на корточках, методично запихивая куски плоти в пасти, чавкая и урча от удовольствия. Кровь стекала с их подбородков, капая на рубашки.

Но где вторая?

— Сука, — выдохнул я, бросаясь вперёд.

Первый зомби, здоровенный парень в спортивной куртке, даже не успел поднять голову от своего кровавого пиршества. Катана вошла в череп сверху, расколов его до самой челюсти. Мозги брызнули фонтаном, забрызгав стену серо-розовой кашей. Второму, тощему студенту с оторванным ухом, я вогнал клинок прямо в затылок. Лезвие прошло насквозь, острие вышло изо рта вместе с потоком чёрной крови и осколков зубов.

Декан выпустил стрелу, и она со свистом вошла в глазницу третьего мертвяка. Наконечник пробил заднюю стенку черепа, брызнув кровью и мозговым веществом на дверь аудитории. Четвёртый зомби оторвался от своего пиршества и попытался вцепиться мне в ногу жирными пальцами. Я отпрыгнул и мощным диагональным ударом отсёк ему голову. Она покатилась по полу, всё ещё щёлкая зубами, оставляя кровавый след. Обезглавленное тело ещё несколько секунд тянулось ко мне, фонтанируя кровью из шеи, пока не рухнуло в собственную лужу.

Из-за поворота коридора раздался отчаянный, полный ужаса крик:

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ!

Вторая девушка! Она вылетела из-за угла, спотыкаясь и скользя в луже крови. За ней гнались двое мертвяков — их руки тянулись к её развевающимся волосам.

Декан молниеносно вскинул лук. Первая стрела просвистела мимо — дрогнула рука, когда девушка неожиданно

споткнулась. Стрела вонзилась в плечо ближайшему преследователю, но это его даже не замедлило. Мертвяк продолжал нестись вперёд, стрела нелепо торчала из тела, как сломанная ветка.

— Блядь! — выругался декан, натягивая тетиву снова.

Вторая стрела была точнее — вошла зомби в глаз, когда тот был уже в метре от девушки. Тварь кувыркнулась через голову и замерла. Но второй мертвяк уже почти настиг жертву.

Я рванулся навстречу, перехватывая зомби движением катаны поперёк горла. Голова слетела с плеч, тело по инерции пробежало ещё пару шагов и рухнуло.

Девушка буквально врезалась в меня, вцепилась дрожащими руками в куртку:

— Они… они убили Свету! Разорвали её прямо у меня на глазах! Мы прятались в туалете, а они… они нашли нас!

— Ты не ранена? — быстро осмотрел её.

— Нет, я… я успела выбежать, — она всхлипывала, тряслась всем телом. — Света задержала их, чтобы я могла убежать…

— Держись за нами, — коротко сказал я. — И не отставай.

Мы продолжили путь к аудитории. Девушка шла позади, всё ещё всхлипывая и вздрагивая от каждого звука. Она постоянно оглядывалась через плечо, словно ожидая, что мертвяки вот-вот выскочат из-за угла. Декан прикрывал тыл, держа стрелу наготове. Алина несла собранное оружие, стараясь

не греметь металлом.

Но ещё до того, как мы дошли до двери 306, изнутри донеслись крики и звуки борьбы. Грохот падающей мебели, истерические вопли, мат.

— Убейте её! ОНА ЗАРАЖЕНА! — рычал знакомый голос Семёна, полный паники и ярости.

— Отвали от неё, придурок! — кричала Ника. — Ты совсем ебанулся?!

— НЕ ПОДХОДИ, СУКА!

Звук удара, женский вскрик.

Я рванул дверь — заперто изнутри. Заколотил кулаком так, что кожа на костяшках лопнула:

— Откройте, блядь! Это Макар! НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ!

Новый грохот, звук разбивающегося стекла, чей-то истошный визг. Наконец щёлкнул замок, дверь распахнулась, и я увидел настоящий пиздец.

В центре аудитории развернулась жестокая потасовка. Семён и ещё двое здоровых парней — его дружки со спортфака — пытались пробиться к девушке, забившейся между партами в дальнем углу. Она прижимала к груди окровавленную руку и рыдала, умоляя не трогать её.

Ника вцепилась Семёна обеими руками, пытаясь оттащить назад. Её футболка была порвана, из разбитой губы текла кровь — видимо, уже получила. Лёха загораживал собой девушку, растопырив тощие руки. Его очки были разби-

ты, висели на одной дужке, нос кровоточил. Но упрямый ботаник не отступал, хотя против трёх качков у него не было ни единого шанса.

Вика стояла позади Семёна, визжа что-то про заразу и зомби. Её идеальная причёска растрепалась, в глазах плескалась истерика:

— Убейте её, пока не поздно! Она всех заразит! ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ ИЗ-ЗА НЕЁ!

Остальные студенты сбились в противоположном углу, не решаясь вмешаться. Кто-то снимал происходящее на телефон дрожащими руками.

— Какого хрена тут происходит? — рявкнул я, врываясь внутрь.

Все головы повернулись ко мне. Семён, тяжело дыша, ткнул пальцем в забившуюся девушку:

— Эта сука пришла пять минут назад вся в крови! Притащилась, когда тебя не было! Посмотри на её руку — она укушена! Надо убить её, пока не превратилась! Иначе она всех тут пожрёт!

Девушка подняла на меня полные слёз глаза. Она не знала меня, но в её взгляде читалась отчаянная мольба — как у загнанного животного, которое ищет хоть какой-то выход:

— Умоляю, скажите им! Это просто порез! Я показывала рану, но они не слушают! Они хотят меня убить!

Она протянула мне окровавленную руку, словно я был последней надеждой на спасение.

Семён попытался схватить её, но я встал между ними. Взял девушку за запястье, развернул руку к свету. На предплечье красовались три глубоких пореза с ровными краями. В самом глубоком всё ещё торчал небольшой осколок стекла, поблёскивающий в ране.

— Это порез от стекла, — твёрдо сказал я, вытаскивая осколок и показывая всем. — Видите? Ровные края, осколки в ране. Укус выглядит совершенно иначе — рваные края, следы зубов, отпечатки челюсти. Она не заражена.

— Да МНЕ ПОХУЙ! — взревел Семён, брызгая слюной. Вены на его шее вздулись, лицо побагровело. — Ты что, не понимаешь? В коридорах кровь этих тварей повсюду! Она с открытой раной бегала там! Зомбячья кровь стопудово попала в порезы! Она уже заражена, просто ещё не превратилась! Из-за этой суки мы все сдохнем!

— Она сразу прижала руку к себе, — попытался вклиниться Лёха, вытирая кровь из носа рукавом. — Порез был на внутренней стороне предплечья, она держала его прижатым к груди. Кровь туда не могла попасть!

— Завали ебло, очкарик! — один из дружков Семёна, бритый качок в майке, двинул Лёхе в плечо. — Тебя не спрашивают!

— Эй! — Ника вклинилась между ними. — А ну отвали от него, урод!

— Шлюха, ты мало получила? — качок замахнулся на неё.

В этот момент Семён резко развернулся к Алине. Та сто-

яла у стены, всё ещё прижимая к себе собранное оружие. Не успела она даже пискнуть, как здоровяк одним движением выхватил у неё катану.

— НЕТ! — крикнул декан, вскидывая лук, но в тесной аудитории, заполненной людьми, выстрелить было невозможно.

— Я САМ РЕШУ ЭТУ ПРОБЛЕМУ! — заорал Семён, разворачиваясь к девушке.

Время словно замедлилось. Я видел, как Семён заносит катану над головой, его лицо искажено яростью и страхом. Видел, как Ника бросается ему под ноги, пытаясь сбить. Как Лёха закрывает собой девушку, хотя понимает, что это бесполезно. Как остальные студенты в ужасе шарахаются в стороны.

Семён взревел и бросился вперёд, отшвыривая Нику ногой. Девушка отлетела, ударилась спиной о парту. Лезвие катаны блеснуло в свете ламп, опускаясь на голову Лёхи.

Я действовал, не думая. Мышечная память пяти лет выживания сработала идеально. Шаг влево, уход с линии атаки. Моя катана уже была в движении — горизонтальный рез на уровне шеи, выверенный до миллиметра.

Лезвие вошло в плоть сбоку, прошло через позвонки с влажным хрустом. Я почувствовал, как сталь режет мышцы, перерубает артерии, крошит хрящи гортани. Катана вышла с другой стороны в фонтане крови.

Семён замер. Его катана выпала из разжавшихся пальцев,

звякнув о пол. Глаза расширились от удивления и непонимания. Рот открылся, но вместо слов из горла вырвался влажный хрип и пузыри крови.

Потом его голова начала медленно сползать с плеч. Сначала появилась тонкая красная линия, затем она расширилась. Голова накренилась влево, держась только на тонкой полоске кожи, и наконец отделилась полностью. Она упала на пол с мокрым стуком, подпрыгнула и покатилась, оставляя кровавый след.

Обезглавленное тело ещё секунду стояло вертикально. Из перерубленной шеи фонтаном била кровь — два мощных алых гейзера из сонных артерий. Кровь залила ближайшие парты, забрызгала потолок, окатила замерших в шоке дружков Семёна. Затем тело дёрнулось, колени подогнулись, и оно рухнуло вперёд, продолжая фонтанировать кровью.

В аудитории воцарилась мёртвая тишина. Слышно было только, как кровь растекается по полу, капает с парт, стекает по стенам. Голова Семёна закатилась под парту, остановившись лицом вверх. Глаза всё ещё были открыты, в них застыло последнее выражение — удивление пополам с ужасом.

— Ты… ты убил его, — прошептала Вика, её голос дрожал. — Убийца!

Глава 7. Прорыв и первый Отожранный

— УБИЙЦА! — визг Вики ударил по ушам как сирена. — Ты убил его! УБИЛ!

И тут все как с цепи сорвались. Кто-то заорал как резаный, кто-то завыл, какой-то чувак просто рухнул на колени и блеванул прямо на пол. Одна из девчонок забилась в углу и начала раскачиваться взад-вперёд — будто пыталась стереть из памяти то, что только что увидела.

Бритоголовый качок из шестёрок Семёна попятился, размазывая по роже кровищу друга, которой его обдало, как из шланга. Его глаза остекленели, а нижняя губа ходила ходуном:

— Ты… ты его… одним махом… — его голос сорвался как у девчонки. — Ёбаный ты выродок… у него башка… как мяч…

Второй дружок, рыжий амбал с челюстью как у бульдога, побагровел от злости. Вены на лбу вздулись канатами, а ноздри раздувались, как у быка перед атакой. Он схватил ножку от сломанного стула и шагнул вперёд:

— Я тебе глотку вырву, падла! — прорычал он, брызжа слюной. — Сема правильно говорил, что ты псих ебанутый!

По аудитории пробежала волна — несколько парней сби-

лись за спиной рыжего, хватая что под руку попадётся. Обломки парт, учебники, ремни с тяжелыми пряжками. В их глазах не просто злость — дикая ярость загнанных в угол зверей. Тот самый момент, когда люди перестают быть людьми и превращаются в стаю, готовую разорвать любого на части.

— Хватай его! — проорал кто-то из толпы. — Держи психа!

Рыжий дёрнулся вперёд, замахиваясь для удара, ну а я поднял катану, готовясь одним движением разрубить его башку. Прикинул на автомате: от макушки до паха — такой удар распополамит его как курицу на разделочной доске. Это непросто, но зато эффектно и точно впечатлит остальную толпу.

Боковым зрением заметил, как декан за спиной беззвучно натянул тетиву, выбирая, кому первому засадить стрелу в глаз. А слева мелькнула Алина, сжимающая нож обраткой, её тело напряглось, как у пантеры перед прыжком. В глазах ни капли страха — только холодный расчёт хищника, решающего, какую артерию перерезать первой.

— Да вы совсем с ума сошли?! — вдруг выкрикнула девушка, за которую мы заступились. — Этот урод хотел убить меня из-за обычного пореза!

— ЗАТКНИСЬ, ШЛЮХА! — взревел рыжий, делая шаг к ней. — Все видели, что ты заражена! А эти и сами все в крови, поэтому тоже наверняка заражены и рано или позд-

но превратятся! Я видел такое в фильмах! Кровь попадет на слизистую и все, человеку конец!

Толпа заволновалась сильнее. Я понял, что мы на грани массовой драки.

— ХВАТИТ! — мой голос рассёк воздух как хлыст. — Заткнулись все!

Может, это была сила тона, может, вид окровавленной катаны, или выражение моего лица, но аудитория внезапно затихла. Я медленно обвёл всех взглядом, будто выбирал следующую жертву.

— Я не стану извиняться за то, что снёс башку вашему дружку, — голос прозвучал обманчиво спокойно. — Этот долбоёб хотел зарезать девчонку с обычным порезом. А потом и всех, кто встал у него на пути. И если кто-то из вас не видит, что он конкретно ебанулся, то у вас у самих проблемы с кукухой.

Я указал катаной на растекающуюся по полу кровь Семёна:

— Я просто выбрал, кто сегодня останется жить — он или она. Не нравится мой выбор? Дверь там, — кивнул в сторону выхода. — Но учтите: мир, в который вы попали, уже не тот, где можно поплакаться мамочке. Здесь каждый может стать убийцей. Просто одни убивают, чтобы защитить других, а другие — потому что наложили от страха. И не дай бог вам повернуться спиной к такому вот обосравшемуся.

Рыжий оскалился, набычившись:

— Кто ты такой, чтобы решать, кому жить, а кому умирать?

— Я тот, кто знает, что будет дальше, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза. — И единственный в этой комнате, кто может вывести вас из этого ада живыми. Поверь мне, рыжий, некоторые выйдут, а некоторые сдохнут. И твоя судьба решается прямо сейчас.

Катана в моей руке словно сама потянулась в его сторону. Я знал, что могу снести ему башку быстрее, чем он успеет моргнуть. И, судя по тому, как он подался назад, он тоже это понял.

— У вас простой выбор, — продолжил я, оглядывая всех. — Идти со мной и, возможно, выжить. Или продолжать строить из себя крутых парней и подохнуть в ближайшие пару часов. Мне, в общем-то, похуй. Я-то выберусь в любом случае.

Я уже был готов к тому, что придётся прорубать путь наружу по трупам ещё нескольких студентов, когда вмешался декан.

— Спокойно, — Михалыч сделал шаг вперёд, и в его движениях чувствовалась нечеловеческая уверенность, несмотря на нелепый вид голого мужика с луком. — Предлагаю всем успокоиться и начать действовать сообща. И тогда, возможно, больше никто не умрет.

Он повернулся к толпе:

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, — голос декана

звучал неожиданно твердо. — Два часа назад вы сидели на лекциях и думали о свиданиях, зачетах и летних каникулах. Но тот мир умер. Навсегда. И вы умрете вместе с ним, если будете цепляться за его правила.

Он обвел аудиторию взглядом, и даже самые агрессивные студенты притихли:

— Мы все теперь в мире, где человек с катаной и холодной головой ценнее того, кто хочет казаться хорошим. Жестокая правда лучше милосердной лжи, если правда сохраняет жизни. А Макар, каким бы безжалостным вам ни казался, похоже, единственный здесь, кто действительно понимает, во что мы все попали.

— Да кто вы такие?! — взвизгнула Вика, всё ещё показывая на меня пальцем. — Откуда вы вообще взялись? Декан, вы… вы вообще голый! А этот… этот убийца! Он просто отрубил Семёну голову, и даже не колебался ни секунды!

— Потому что в экстренной ситуации сомнения убивают, — спокойно ответил декан. — И да, я голый. Так вышло. А подробности вас интересовать не должны.

Охренеть. Мужик стоит перед толпой студентов голышом с луком в руках и рассуждает о выживании таким тоном, будто читает лекцию о средневековой философии. Стальные яйца у декана, ничего не скажешь.

— Вот именно, — подхватил я. — А теперь слушайте сюда. Времени у нас в обрез, поэтому буду говорить быстро. Прямо сейчас, за этой дверью, город превращается в крова-

вую мясорубку. Там не просто парочка психов — там тысячи мертвяков, которые хотят сожрать вас заживо. И это не какая-то, блядь, метафора, — это реальные ходячие трупы с чувством вечного голода. Можете забыть всё, что знали раньше — старые правила больше не действуют. Скоро ваши мобилы перестанут ловить, а полиция и военные скорее прострелят вам голову, чем помогут. Через день от вашего уютного мирка останется только память и огромная куча трупов.

Я сделал паузу, давая им осознать услышанное.

— У вас есть выбор: принять это как факт и действовать по моим правилам, или уйти и попытаться справиться самостоятельно. Решайте прямо сейчас.

Студенты переглядывались, переваривая слова декана. В аудитории повисла тяжелая пауза — каждый пытался осознать новую реальность, в которой они оказались. Но рыжий качок, видимо, решил, что терять ему нечего:

— Никто не пойдёт за каким-то психом с катаной! — он шагнул вперед, обводя взглядом остальных, словно ища поддержки. — Вы что, не видите? Он только что грохнул Семена, а теперь хочет нами командовать!

Несколько человек одобрительно загудели, чувствуя поддержку. Рыжий воспрянул духом и указал на дверь:

— Зачем нам вообще куда-то с ним идти? Там снаружи всего несколько этих тварей, так что мы сможем прорваться, если ударим все вместе! — его голос окреп, набирая уверенность. — Нужно добраться до полиции или военных — они

разберутся с этой хренью! Кто со мной?

Бритоголовый дружок Семёна немедленно встал рядом. К ним присоединились ещё четверо — три парня и девушка с длинными рыжими волосами. Что удивительно, Вика решила остаться вместе с нами.

— Уверены? — я поднял бровь, глядя на них. — Там не «несколько тварей», а куда больше. И с каждой минутой их число только прибавляется.

— Не слушайте его! — рыжий выхватил металлическую ножку от сломанной парты у одного из студентов. — Этот псих пытается запугать нас, чтобы захватить власть! Мы сами может со всем разобраться!

— Удачи, — я отступил, показывая, что не буду их останавливать. — Дверь там.

Рыжий недоверчиво прищурился, будто ждал подвоха. Но я просто отвернулся и начал перебирать оставшееся оружие.

— Пошли отсюда, — скомандовал он своей группе. — Этот ублюдок за всё ответит, когда прибудет полиция.

Они сдвинули часть баррикады и выскользнули в коридор один за другим. Последней уходила рыжеволосая девчонка — в дверях она обернулась, будто колеблясь, но потом решительно вздёрнула подбородок и выскочила в тёмный проём.

С десяток секунд было тихо. А потом из коридора донёсся душераздирающий крик.

Тот самый звук, который издаёт человек, когда от него отрывают кусок плоти. Не киношный драматичный вопль, а ре-

альный, полный такой боли, что мурашки ползут по коже. За ним последовал тяжёлый топот, звуки ударов, хрипы и бульканье.

— Бегите! — орал рыжий, его голос прерывался паническими всхлипами. — Их тут дохуя! Блядь!

Его крик оборвался на полуслове, а спустя секунду раздался отчаянный женский визг. Затем — удаляющийся топот, будто кто-то из группы сумел вырваться и теперь спасался бегством.

Оставшиеся в аудитории студенты замерли. Кто-то тихо заплакал, закрыв уши руками. Аудитория погрузилась в мёртвую тишину, нарушаемую только звуками кровавой трапезы за дверью и удаляющимися воплями.

— Твою мать, — прошептал кто-то в углу. — Там… там их всех…?

Отвечать было бессмысленно.

— Ещё раз. Я могу попытаться вывести тех, кто согласен следовать моим правилам, — я опёрся на катану, обводя всех внимательным взглядом. — А они простые. Первое: я принимаю решения, и они не обсуждаются. Второе: паникёры, истерички и герои остаются умирать здесь. Третье: укус или царапина от зараженного смертельно опасны. Пропустите такой и очень быстро превратитесь в подобную тварь. Остальное объясню по ходу дела.

— А если мы не согласны? — подала голос девушка из дальнего угла.

— Дверь там, — я кивнул в сторону коридора, откуда всё ещё доносились влажные чавкающие звуки. — Вон они как рады гостям. Ну или можете остаться здесь, мы-то все равно уходим.

Больше вопросов не возникло.

Оставшиеся студенты сбились в кучу, нервно переглядываясь. Но теперь в их глазах читалось не столько возмущение, сколько первобытный страх.

Ника подошла к девушке в углу, которая всё ещё прижимала к себе раненую руку. Кровь просочилась сквозь ткань, которой она обмотала порез.

— Надо обработать, — сказала девушка, доставая из своей сумки маленький пузырёк. — У меня есть перекись.

— Я помогу, — вызвалась полненькая блондинка с косичками, доставая из рюкзака пачку пластырей и эластичный бинт. — Меня Юля зовут. Не бойся, всё будет хорошо.

— Спасибо, — девушка благодарно кивнула. — Я Марина.

Юля принялась аккуратно обрабатывать рану, стараясь не смотреть в сторону обезглавленного тела Семёна, кровь которого уже начала подсыхать по краям.

Я повернулся к Алине, которая всё ещё стояла полностью обнажённая, прижимая к себе собранное оружие. Девушка выглядела так, будто не замечала своей наготы, сосредоточившись исключительно на выживании.

— У кого-нибудь есть запасная одежда? — обратился я ко

всем присутствующим. — Им, — кивнул на Алину и декана, — нужно что-то надеть.

— У меня есть! — отозвалась Юля. Она быстро сняла с себя спортивную куртку и протянула её Алине. — Держи! И в сумке ещё спортивные штаны есть, у нас сегодня физра была.

Декан кашлянул, явно чувствуя себя неловко, но продолжая сохранять профессиональное спокойствие.

— А для мужчины найдётся что-нибудь? — спросил он, стараясь говорить так, будто это самая обычная ситуация.

Все взгляды упёрлись в тело Семёна. Его спортивная форма — мастерка и штаны — была заляпана кровью, но большая часть ткани оставалась чистой.

— Мерзко, конечно, — поморщился я, — но вариантов нет.

Михалыч, не тратя времени на церемонии, сам подошёл к телу и стал стягивать с него одежду. Движения были чёткими и прагматичными — ни брезгливости, ни колебаний. Лишь на мгновение его взгляд задержался на месте отсечения головы, но он тут же продолжил своё дело.

— В таких ситуациях нет места для сентиментальности, — негромко произнёс он, натягивая окровавленную мастерку. Одежда сидела мешковато — Семён был крупнее и шире в плечах.

Алина уже облачилась в спортивную куртку Юли, натянула штаны и теперь выглядела почти нормально. Впрочем, да-

же в мешковатой спортивной одежде она умудрялась выглядеть сексуально. Алина была из тех девушек, что будут притягивать взгляды хоть в вечернем платье, хоть в арестантской робе.

Тем временем Вика, до этого зыркавшая на меня, как на серийного убийцу, потихоньку перебралась ближе к окну. Она всё ещё тряслась, обхватив себя руками, но уже не истерила. Момент был подходящий.

— Вика, надо поговорить, — я подошёл к ней, отводя в сторону.

Она дёрнулась, как от удара, но не отстранилась. В её глазах плескался страх, смешанный с отвращением.

— Я… я не буду с тобой разговаривать, — прошептала она, нервно оглядываясь по сторонам, явно выискивая путь к бегству.

— Сейчас не до твоих истерик, — оборвал я. — Что ты знаешь про того парня, с которым видели мою сестру? Ты же с ним общалась, верно?

Вика сглотнула и отвела взгляд:

— Не знаю, о чём ты…

— Слушай сюда, — я схватил её за плечо, пальцы впились в кожу до боли. — Моя сестра где-то там, совсем одна. И если ты знаешь что-то, но решила строить из себя недотрогу, то клянусь — ты пожалеешь. В этом новом мире я могу позволить себе гораздо больше, чем просто угрозы. Поняла меня?

Она помолчала, закусив губу, а потом нехотя кивнула:

— Ладно. Да, я встречалась с ним пару раз. Его зовут Игорь, он… довольно состоятельный. Женат, конечно.

— Фамилия?

— Басов, кажется. Или Бабинов. Не помню точно, он не особо распространялся.

— Знаешь, где он живёт?

Вика поморщилась:

— Он снимает хату для своих… развлечений. Где-то в районе Академической. Сразу за выходом из метро — большой такой дом. Какой подъезд и этаж — понятия не имею.

— Ты никогда там не была?

— Нет! — она вскинула подбородок. — Я принципиально отказывалась подниматься в его блядушник. Мы всегда…ну это… в машине. Я же не шлюха какая-то!

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться ей в лицо. Потрахаться на заднем сидении с женатым мужиком за подарки — это, конечно, верх принципиальности.

— Значит, ты не знаешь точного адреса? — уточнил я.

— Нет, — она отвела взгляд. — Только то, что дом сразу за выходом из метро. Белый такой, кирпичный. И если твоя сестрёнка согласилась туда подняться — значит, она не такая принципиальная, как я.

Её попытка уколоть меня вызвала только усмешку. Я видел таких, как она, сотни раз — и до апокалипсиса, и после. Типичная приспособленка, которая всю жизнь торго-

вала внешностью, получая выгоду от мужского внимания. В ближайшие дни, если выживет, она первая побежит искать «защитника» посильнее. Такие всегда выживают, цепляясь за более сильных, как паразиты. А все эти разговоры о «принципах» испарятся быстрее, чем закончится её дорогая помада.

— Спасибо за информацию, — сухо поблагодарил я и вернулся к остальным.

В голове уже прикидывал маршрут. От нашего корпуса до метро Академическая километров десять, если не больше. В обычный день — пол часа на метро с пересадкой. Сейчас, когда город превращается в кровавую баню, и нам придётся петлять дворами, обходя толпы зомбаков и военных, — это может занять целый день или даже больше. И это если передвигаться только днем, так как ночью улицы города станут еще опаснее.

Но выбора нет. Скорее всего Виталина там, в этой квартире. Возможно, ещё жива. Возможно, уже превратилась в одну из этих тварей. Но я должен был убедиться лично. В прошлой жизни я так и не узнал её судьбу. Теперь же у меня есть шанс всё исправить. И я этот шанс не упущу.

В центре аудитории Лёха и Ника уже сдвигали парты в сторону, освобождая пространство для движения. Декан выложил на преподавательский стол найденное в его кабинете оружие — катаны, кинжалы, нунчаки, сюрикены и даже самая настоящая булава.

— Запомните главное, — я указал катаной на голову воображаемого противника. — Зомби можно остановить, только повредив мозг. Бейте в голову — в глаза, виски, затылок. Даже с оторванными конечностями эти твари продолжат на вас нападать. Тело не трогайте — пустая трата сил.

Декан коротко кивнул, проверяя натяжение тетивы на луке:

— И держитесь ближе друг к другу. Увидите зомби — не паникуйте и не кричите. Шум привлекает их как магнит. Просто укажите направление и отходите.

— А как быть тем, у кого нет оружия? — спросил худощавый парень в очках.

— Импровизируйте, — я кивнул на ножку от стула, которую держал один из студентов. — Подойдет любой тяжелый предмет — молоток, огнетушитель, даже увесистый учебник. Главное — бить в голову, желательно в висок или глазницу. Чем сильнее повредите мозг, тем лучше. Повторяю: удары по телу бесполезны. Эти твари не чувствуют боли.

Алина неуверенно шагнула вперёд, а в ее руках оказался длинный кинжал с изогнутым лезвием. Её голос дрожал, но движения оставались на удивление чёткими:

— Если приходится использовать нож… — она сглотнула, — …есть определённая техника.

Она продемонстрировала несколько быстрых движений — колющие удары, направленные снизу вверх под подбородок.

— Целимся под челюсть, в основание черепа, — её голос срывался, но движения оставались безупречными. — Или… через глаз. Так нож доходит прямо до мозга.

Я удивлённо приподнял бровь, наблюдая этот странный контраст между её испуганным лицом и профессиональными движениями:

— Впечатляет. Где научилась так обращаться с кинжалом?

— Отец — бывший спецназовец, — она нервно заправила прядь волос за ухо. — Заставлял тренироваться с самого детства. Говорил… говорил, что женщина должна уметь постоять за себя.

Она опустила взгляд, и я заметил, что её руки начали мелко дрожать:

— Я всегда считала его параноиком… А теперь…

— А теперь оказалось, что папу надо слушать, — закончил я за неё. — Хотя вряд ли он представлял именно такой сценарий.

Мы распределили скудный арсенал между людьми. Нунчаки и сюрикены оставили в аудитории, так как толку от них рне было — красивые, но бесполезные игрушки, которыми можно поранить разве что самого себя. Ника взяла себе один из кинжалов — у неё были быстрые руки и хорошая реакция. Лёха получил небольшую булаву с шипами — легкая, но смертоносная штука, как раз для его щуплой комплекции.

Алина оставила себе второй кинжал, с которым обраща-

лась так, будто родилась с ним в руке. Парень, похожий на спортсмена, получил монтировку, а Максим-радиолюбитель — тяжелый молоток. Остальным достались импровизированные дубинки из ножек от парт. Не идеальный арсенал, но хотя бы не голые руки.

— Главное — не размахивайте этим направо и налево, — предупредил я, глядя на нервничающих студентов.

Когда базовая информация была озвучена, я собрал всех в круг и обвел взглядом бледные, напряженные лица:

— Слушайте внимательно, — мой голос звучал жестко и уверенно. — Выбираться отсюда будем через спортзал в восточном крыле. Оттуда есть запасной выход прямо на улицу. Передвигаемся плотной группой — никто не отделяется, никто не геройствует, никто не отстает. И самое главное, — я сделал паузу, убеждаясь, что все слушают, — если кого-то из нас укусит зомби, не питайте иллюзий — этот человек останется здесь. Никаких исключений, даже если это будет ваш лучший друг или любимый человек. Сантименты оставьте для лучших времен.

Все мрачно кивнули. Атмосфера была напряжённой, но уже без истерики. Выживание требовало холодной головы.

Вдруг из рации, которую Максим держал на поясе, донёсся мужской голос:

— …филологический корпус Северного гуманитарного университета оцеплен согласно протоколу «Чистая зона». Группы зачистки, приступайте к операции. Напоминаю, что

все потенциально заражённые подлежат немедленной ликвидации. Повторяю: всех выживших считать потенциально заражёнными. Действовать по протоколу.

Мы переглянулись. Максим побледнел, крутя колёсико настройки:

— Это же про нас… Они зачищают наш корпус…

— Да, — кивнул я мрачно.

— Но они же не могут просто… убить всех? — пролепетала Юля, обнимая себя за плечи. — Они же должны эвакуировать выживших?

— Им плевать на выживших. Они считают всех потенциально заражёнными, — я подошёл к окну и осторожно выглянул наружу. — Во дворе уже как минимум два БТРа и взвод солдат. Они окружают здание.

Декан бесшумно подошёл ко мне, вглядываясь в происходящее:

— Судя по экипировке — спецназ. Возможно, группа «Альфа».

Вдруг снизу донёсся грохот выстрелов. Короткие, чёткие очереди из автоматического оружия. За ними последовали крики — не животное рычание зомби, а человеческие вопли.

— Боже мой, — прошептала Ника, подходя к окну. — Что они делают?

Внизу, во внутреннем дворе корпуса, мы увидели, как группа военных в полной боевой экипировке и защитных костюмах методично выстраивалась перед входом. Они двига-

лись чётко, профессионально, как на учениях. Командир отдавал короткие приказы по рации, а три бойца с автоматами заняли позиции по периметру, прикрывая основную группу.

Первыми, кого они встретили, оказались… те самые студенты, которые покинули нашу группу и каким-то чудом выжили в коридорах института. Их было только трое — бритоголовый друг Семёна, какой-то невысокий парень и рыжеволосая девушка. Все трое были в крови, с дикими глазами, но явно живые.

— Помогите! — крикнул бритоголовый, бросаясь навстречу солдатам. — Слава богу! Мы думали, что…

Он не успел договорить. Короткая очередь из автомата прошила его грудь. Парень рухнул, как подкошенный, из рта хлынула кровь. Девушка завизжала, пытаясь убежать, но вторая очередь догнала её у самого поворота. Она упала лицом вниз, её рыжие волосы окрасились в тёмно-бордовый цвет. Третий студент даже не пытался бежать — просто застыл на месте с поднятыми руками:

— Я не заражён! Клянусь, я чист! — парень рухнул на колени, умоляюще сложив руки. — Пожалуйста, не стреляйте!

Солдат даже не ответил. Просто поднял автомат и выстрелил. Пуля вошла точно между глаз, выбив фонтан крови и мозгов на стену позади. Тело обмякло и рухнуло на асфальт, а военные уже двигались дальше.

Юля в ужасе закрыла рот руками, подавляя крик. Остальные застыли, не веря своим глазам.

— Вот, значит, как, — тихо произнёс декан. — Они стреляют во всех без разбора.

— Выполняют протокол, — процедил я сквозь зубы. — В их мире для выживания нужно уничтожить всех потенциально заражённых. Логично, если смотреть с их колокольни.

— Так мы в ловушке? — Лёха нервно поправил очки. — Снаружи зомби, внутри военные, готовые нас пристрелить…

— Нет, — я отошёл от окна. — Это даже хорошо. Большинство мертвяков побежит на шум выстрелов и крики. Военные займутся ими, а мы тем временем выскользнем через спортивный зал. Надеюсь, они еще не успели оцепить здание.

Я обвёл взглядом оставшихся в аудитории. Теперь нас было всего одиннадцать человек — перепуганных, растерянных, но всё ещё живых. Большинство уже приняло меня как лидера — скорее от безысходности, чем от доверия. Но это не имело значения. Важно было только выжить.

— Собирайтесь, — скомандовал я. — Берите всё оружие и любые полезные вещи. У кого есть рюкзаки?

Нашлось всего три рюкзака — остальные таскали модные сумки или портфели, от которых сейчас было мало толку. Мы сложили в них всё самое ценное. Марина и Юля собрали несколько бутылок воды из чьих-то спортивных сумок. Ника нашла в своей косметичке пачку влажных салфеток и пару пластырей — мелочь, но может пригодиться.

— Готовы? — спросил я, поправляя рукоять катаны за спиной.

Все кивнули.

— Идём цепочкой. Я впереди, за мной Алина и Ника, затем девушки и те, у кого нет серьёзного оружия. Декан и Лёха замыкают. Держимся плотно, не отстаём. В случае атаки образуем круг — спина к спине.

Я осторожно открыл дверь и выглянул в коридор. Пусто. Только кровавые следы и разбросанные внутренности рыжего качка и его приятеля, решивших уйти.

Мы выскользнули из аудитории и двинулись к лестнице в дальнем конце коридора — не той центральной, по которой, судя по звукам, поднимались военные, а боковой, ведущей напрямую к спортзалу. В обычные дни студенты редко ей пользовались — слишком далеко от основных аудиторий, но сейчас это было нашим преимуществом.

Спускаться пришлось осторожно — некоторые ступеньки были скользкими от крови. Один неверный шаг, и можно скатиться кубарем прямо в объятия зомби. Или того хуже — военных.

На втором этаже мы замерли, услышав шаркающие звуки из бокового коридора. Я поднял руку, призывая всех к тишине, и осторожно выглянул за угол.

Там, в нескольких метрах от нас, бродил одинокий зомби — судя по стильным шмоткам и дорогим часам на запястье, типичный мажор с экономического. Его движения были заторможенными, неуклюжими, будто он плыл в густом киселе. По подбородку стекала тёмная кровь, глаза были мутны-

ми, как у мёртвой рыбы.

Я посмотрел на декана и молча указал на лук. Он понял без слов — медленно натянул тетиву, целясь твари в голову. Стрела со свистом рассекла воздух и вошла точно в глаз. Зомби дёрнулся и рухнул без единого звука.

— Чисто, — шепнул я, и мы продолжили спуск.

На первом этаже ситуация осложнилась. Слева, со стороны главного входа, доносились выстрелы и крики — военные продолжали зачистку. Справа, в направлении спортзала, было тихо, но это ничего не значило. Зомби часто затаивались, почти не двигаясь, пока не чуяли добычу.

Мы пробирались вдоль стены, стараясь ступать бесшумно. Коридор был завален опрокинутыми шкафами, разбросанными учебниками и… частями тел. В одном месте на полу лежал торс без головы и конечностей, кишки вывалились наружу, образуя жуткий кровавый узор.

Юля беззвучно заплакала, но продолжала идти. Ника держала её за руку, что-то успокаивающе шепча. Парни старались не смотреть по сторонам, сосредоточившись на затылке впереди идущего.

Наконец мы добрались до поворота, за которым находился спортзал. Я выглянул и замер — дверь была заперта, а перед ней на полу валялось с десяток тел. Судя по всему, обычные студенты, пытавшиеся укрыться в зале. Все мертвы. Их тела были буквально разорваны на части, будто кто-то с нечеловеческой силой выдирал конечности из суставов.

— Что там? — шепнула Ника из-за спины.

— Бойня, — тихо ответил я. — Но дверь заперта. Это хороший знак — значит, внутри никого.

Я осторожно двинулся вперёд, перешагивая через тела. Декан прикрывал тыл, держа лук наготове. Судя по всему, у входа в спортзал произошла отчаянная битва. Но что могло разорвать здоровенных парней, как тряпичных кукол?

Дойдя до двери, я увидел, что она приоткрыта — дверной косяк был сломан, а сама дверь держалась на одной петле, но была почти прикрыта. Кто-то явно пытался забаррикадироваться изнутри, но безуспешно.

— Там кто-то есть, — прошептал Лёха, указывая на тёмную щель.

Я осторожно потянул дверь на себя. Петли жалобно скрипнули, открывая проход внутрь спортзала.

Там было темно — только тусклый свет из окон под потолком давал возможность различать очертания баскетбольных щитов и скамеек вдоль стен. В воздухе висел характерный запах спортзала — резина, пыль, немного хлорки от недавней уборки, но примешивался к нему и другой аромат — сладковатый, тошнотворный, как запах гниющего мяса.

— Заходим, — скомандовал я шёпотом. — Тихо, не шумите.

Мы осторожно вошли внутрь, держа оружие наготове. Спортзал казался пустым, но что-то не давало мне покоя. Этот запах… слишком знакомый. В прошлой жизни я на-

учился распознавать его за километр.

— Запасной выход там, — указал декан на противоположную стену. — За учительской раздевалкой.

Мы двинулись через зал, стараясь не шуметь. Я всматривался в темноту, прислушивался к каждому звуку. Чувство опасности нарастало с каждым шагом.

Вдруг со стороны баскетбольных колец донёсся влажный чавкающий звук. Мы замерли. В тени под щитом что-то зашевелилось — большое, массивное, с неясными очертаниями.

— Не двигаться, — одними губами произнёс я.

Существо под щитом не спешило нападать. Оно методично пожирало что-то, издавая те самые влажные звуки. Я прищурился, пытаясь разглядеть детали.

То, что мы увидели, заставило кровь застыть в жилах. Это был зомби, но не обычный. Высокий, жилистый мужчина с неестественно вытянутыми конечностями. Его кожа была бледной, почти прозрачной, сквозь неё просвечивались тёмные вены. Пальцы вытянулись, превратившись в изогнутые когти, способные, казалось, пробить сталь. Челюсть неестественно выдавалась вперёд, полная острых, как бритва, зубов. В его пасти торчала человеческая рука, которую он методично перемалывал, хрустя костями.

— Отожравшийся, — прошептал я, узнавая тип мутанта. — Первая стадия эволюции.

— Что это, блядь, такое? — едва слышно произнёс Лёха,

его глаза расширились от ужаса.

— Тварь, которая сожрала слишком много людей, — объяснил я. — Они становятся больше, сильнее и быстрее с каждым съеденным телом.

— У нас есть шанс обойти его? — спросил декан, натягивая тетиву.

Я оценил расстояние до запасного выхода. Слишком далеко — придётся пройти почти вплотную к монстру.

— Нет. Придётся убить.

— Как?

— В голову, как обычно. Только бить нужно сильнее — у них череп толще.

Декан кивнул и прицелился. Стрела со свистом рассекла воздух, но тварь каким-то невозможным образом уловила движение и резко дёрнула головой в сторону. Стрела лишь слегка оцарапала ухо, выбив клок гниющей плоти.

— Твою мать, — выдохнул декан. — Оно уклонилось.

Существо медленно поднялось на ноги — высокое, более двух метров ростом, с непропорционально длинными руками, заканчивающимися скрюченными когтями. Его движения были текучими, почти грациозными — ничего общего с неуклюжими шараханьями обычных зомби.

— БЕЖИМ! — крикнул я, понимая, что скрытность уже бесполезна.

Мы бросились к запасному выходу. Юля споткнулась о скамейку и с криком рухнула на пол. Тварь мгновенно среа-

гировала — оттолкнувшись от пола с нечеловеческой силой, она прыгнула, преодолев добрых десять метров одним махом, и приземлилась прямо перед девушкой.

Декан выпустил ещё одну стрелу, но она лишь вонзилась в плечо монстра, не причинив ему особого вреда. Я рванулся к Юле, выставив катану перед собой.

— Отвлеките его! — крикнул я остальным.

Лёха и Максим принялись швырять в тварь всё, что попадалось под руку. Ника метнула нож, и он вонзился монстру в шею, но это его только разозлило.

Чудовище схватило Юлю огромной лапой, поднимая над полом. Девушка визжала и билась, пытаясь вырваться, но хватка была железной.

Я подбежал сзади и с размаху опустил катану на шею твари. Лезвие глубоко вошло в плоть, но существо даже не вздрогнуло. Оно просто повернуло голову и с нечеловеческой скоростью ударило меня свободной рукой. Я отлетел на несколько метров и врезался в стену, выбив из лёгких весь воздух.

Тварь тем временем поднесла Юлю к своей пасти. Раздался отвратительный хруст, когда челюсти сомкнулись на её голове. Кровь хлынула фонтаном, заливая пол, а тело девушки задёргалось в конвульсиях, пока монстр методично пережёвывал её череп.

— БЕГИТЕ! — прохрипел я, пытаясь подняться на ноги. — К выходу!

Группа в панике бросилась к двери в дальнем конце зала. Я попытался последовать за ними, но боль в рёбрах была такой сильной, что перед глазами плыли чёрные пятна. Тварь уже расправилась с головой Юли и теперь принялась за шею, с влажным чавканьем отрывая куски плоти.

Декан вдруг остановился и развернулся:

— Назад! — он натянул лук и выстрелил в монстра.

Стрела вонзилась твари в глотку. Существо захрипело, дёрнулось, и на мгновение замерло. Этих секунд хватило, чтобы я добрался до остальных.

— Ходу! Ходу! Ходу! — декан толкал застывших студентов к двери.

Монстр уже оправился, его хрипы перешли в рычание. Мы бросились к запасному выходу, толкаясь и спотыкаясь. Максим и еще пара студентов замешкались в панике.

— Бегите! — декан выхватил последнюю стрелу.

Тварь прыгнула. Максим закричал, когда когти вспороли его спину. Кровь брызнула на стены. Два других студента рванули в разные стороны, но монстр был слишком быстрым. Одного он схватил за ногу, второго прижал к полу.

Декан выстрелил в упор, но тварь дёрнулась, и стрела лишь скользнула по плечу, оставив глубокую борозду. Монстр заревел, замахиваясь когтистой лапой на декана. Я схватил старика за шиворот и дёрнул в сторону:

— Учительская! Туда!

Мы бросились к небольшой двери в углу зала, ведущей в

тренерскую раздевалку. Крики разрываемых заживо студентов били по ушам. Лёха и Алина проскочили первыми, за ними Ника с Викой. Я втолкнул декана и заскочил последним, захлопывая дверь перед самой мордой монстра.

— Держите! — прохрипел я, навалившись на дверь всем телом.

Удар с той стороны чуть не вышиб её с петель. Лёха и декан присоединились ко мне, удерживая хлипкую преграду. Алина метнулась по тесной комнате, выискивая чем подпереть:

— Вот! — она указала на металлическую штангу для отжиманий в углу.

Ника и Вика схватили тяжелый снаряд и с трудом просунули между дверной ручкой и металлическим шкафчиком. Дверь содрогалась от ударов, древесина трещала, но пока держалась.

— Запасной выход! — выдохнул я, указывая на противоположную дверь. — Быстрее!

Мы протиснулись через узкую раздевалку к запасному выходу, ведущему прямо во двор. Позади раздался оглушительный треск — монстр прорывался в тренерскую. В тот же миг со стороны основного входа в спортзал донеслись автоматные очереди и командные крики.

— Что это за хрень?! Огонь! ОГОНЬ! — прорезали воздух резкие команды.

Мутант развернулся к новой угрозе, забыв о нас. Жуткий

рёв перекрыл первые выстрелы, но затем послышались десятки автоматных очередей одновременно. Тварь взвыла от боли, что-то с грохотом разбилось, затем наступила тишина, прерываемая только отрывистыми командами и щелчками перезаряжаемого оружия.

— Цель нейтрализована, — донеслось до нас. — Биологическая угроза класса два. Отправьте образцы в лабораторию.

Мы оказались во внутреннем дворе, все задыхались от бега и напряжения. Декан согнулся пополам, хватая ртом воздух, его лицо было бледным как мел.

— Повезло, — прохрипел он, утирая пот со лба. — Ещё чуть-чуть и эта тварь бы нас достала.

— Уходим, — шепнул я. — Пока военные заняты мертвецами, у нас есть шанс.

Двор казался пустым, но со стороны главного входа доносились выстрелы и крики — другие группы зачистки продолжали свою работу. Мы пригнулись и осторожно двинулись вдоль стены, стараясь держаться в тени деревьев.

— До забора метров пятьдесят, — прошептал Лёха, указывая в сторону спортплощадки. — Если перемахнем через него, окажемся на соседней улице.

Мы уже почти добрались до угла здания, когда я резко остановился, выставив руку. За поворотом послышались голоса и тяжелые шаги. Мы прижались к стене, затаив дыхание.

— Сектор четыре, приступаем к зачистке, — донеслось из-за угла. — Подтвердите данные сканирования.

— Сектор чист от крупных форм, — ответил второй голос. — Проверяем периметр на наличие выживших.

Из-за угла медленно показались двое солдат в полной боевой экипировке. Они еще не видели нас, но двигались точно в нашем направлении, методично проверяя каждый сантиметр территории.

Я оглянулся — за нами открытое пространство, спрятаться негде. Если попытаемся бежать, нас заметят и застрелят. Если останемся на месте — через пару секунд буквально столкнемся с ними нос к носу.

Я повернулся к Алине и молча протянул руку. Она мгновенно поняла, без слов вложив в мою ладонь свой кинжал.

Времени на раздумья не осталось. Либо мы, либо они.

Я собрался, глубоко вдохнул и одним молниеносным движением выскочил из-за угла. Солдат даже не успел среагировать — мои пальцы крепко сжимали рукоять кинжала, когда лезвие со свистом рассекло воздух и вошло точно в незащищенный участок между шлемом и воротником бронежилета. Сталь глубоко вошла в плоть, перерезая артерию и трахею одним плавным движением. Кровь хлынула пульсирующим фонтаном, заливая защитный костюм и мои руки. Военный захрипел, его пальцы разжались, выпуская автомат, а затем он медленно осел на колени, безуспешно пытаясь зажать страшную рану ладонями.

Второй солдат успел вскинуть оружие, но я был быстрее. Перекатившись по земле, я подобрал выпавший пистолет первого военного и выстрелил точно в визор шлема. Пуля пробила защитное стекло и вошла прямо между глаз. Солдат упал навзничь, его тело ещё подёргивалось в агонии.

Я быстро обыскал тела, забрав рацию, два пистолета с запасными магазинами, армейский нож и один из автоматов с полным боекомплектом. Второй автомат передал декану.

— Держи, — я протянул пистолет Нике. — Это вам с Алиной один на двоих. Стрелять умеете?

— Даже не держала никогда, — Ника смотрела на оружие, как на ядовитую змею.

— Дуло во врага, палец на курок и целиться в голову. Главное, в своих не попадите.

Вдруг первый солдат, которому я перерезал горло, дёрнулся и захрипел, пытаясь что-то сказать. Кровь пузырилась у него на губах, но глаза были осмысленными и полными мольбы.

Я молча направил пистолет ему в лоб и спустил курок. Выстрел прогремел в тишине двора. Мозги и кровь забрызгали асфальт. Тело дёрнулось и обмякло. Никто даже не вздрогнул.

— Уходим, — скомандовал я. — У нас минута, не больше, прежде чем они хватятся своих.

Внезапно в ясное дневное небо взметнулись огненные трассеры — вертолёт открыл огонь по зданию. Крупнокали-

берные пули крошили кирпич и стекло, превращая университет в решето.

— Они не рискуют, — прокомментировал я, наблюдая за бойней. — Зачищают всё одним махом.

Мы бежали от университета, петляя между домами и дворами. Дважды натыкались на группы зомби — пришлось отстреливаться, привлекая лишнее внимание. В одной подворотне чуть не столкнулись с военным патрулём — едва успели спрятаться за мусорными контейнерами.

А всего через час, израсходовав практически все боеприпасы и чудом не потеряв никого из группы, мы добрались до небольшого продуктового магазина на углу жилого квартала. Стальные рольставни были опущены, но замок на боковой двери мы взломали без проблем.

— Здесь передохнём, — решил я, оглядывая полутёмное помещение. — Михалыч, возьми Алину проверь, нет ли кого внутри. Остальные — собирайте всё полезное.

Магазин был заполнен товарами — обычный рабочий день был прерван внезапно, и персонал просто бросил все и сбежал. Мы нашли целые стеллажи с водой, энергетическими батончиками, консервами и другими продуктами длительного хранения. Ника быстро отбирала самое необходимое и компактное, распихивая припасы по рюкзакам.

— Бери только то, что можно нести долго, — инструктировал я. — Вода, калорийная еда, ничего скоропортящегося.

Лёха устроился между стеллажами, прижав колени к груди. Он дрожал, но не от холода, а скорее, от пережитого стресса.

— Эй, — я подошёл к нему, протягивая найденную в холодильнике бутылку воды. — Ты как?

— Нормально, — он сделал глоток и вернул бутылку. — Просто… это всё слишком.

— Знаю, — я опустился рядом. — Но ты держишься молодцом. Не каждый бы выстоял.

— Я боюсь, — вдруг признался он, снимая разбитые очки. — Боюсь стать… таким как те твари.

Я вспомнил будущего Лёху — безжалостного Телекина, способного разорвать человека на части одним движением пальца. Того, кто упивался страхом окружающих и устраивал публичные казни для неугодных.

— Каждый выбирает сам, кем ему стать, — произнёс я, глядя ему в глаза. — Даже в аду.

Он кивнул, не подозревая, о чём я на самом деле думаю.

Вдруг снаружи раздался странный звук — низкий, гудящий, словно где-то включили гигантскую турбину. Земля слегка задрожала под ногами.

— Что за хрень? — Вика вскочила на ноги, уронив банку с консервами.

С передней части магазина донёсся крик декана:

— Макар! Сюда! Быстрее!

Я бросился вперёд. Декан и Алина стояли у витрины, гля-

дя сквозь щель в рольставнях с выражением полного шока на лицах.

По всему городу, насколько хватало глаз, из неба били столбы ослепительного света. Они возникали один за другим, как гигантские прожекторы, несмотря на яркий дневной свет.

— Началось, — прошептал я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Один из столбов света ударил прямо в наш магазин, пробив крышу. Мертвенно-белое сияние залило помещение, на мгновение всех ослепив. Когда я проморгался, то увидел Лёху — его тело дёргалось в воздухе, зависнув в полуметре над полом. Из глаз, ушей и носа сочилась кровь.

— Все назад! — крикнул я, оттаскивая остальных. — Не трогайте его!

Я знал, что происходит. Этот свет не убивал — он трансформировал. Но почему так рано? В прошлый раз псионические способности начали проявляться только через несколько дней после заражения.

Когда свет погас, Лёха рухнул на пол. Я быстро перевернул его, проверяя пульс — неровный, частый, как у перепуганной птицы.

Вдруг его глаза распахнулись. Они светились голубоватым светом, неестественным, нечеловеческим. Вены на его висках вздулись и почернели, кожа приобрела странный оттенок, словно под ней разливалось жидкое электричество.

— Что со мной? — прохрипел он, хватаясь за голову.

Его пальцы слабо шевельнулись, и ближайшая стопка консервных банок подлетела на полметра и рухнула вниз, рассыпавшись по полу.

— Распределение сил началось, — произнёс я, отступая на шаг. — Теперь, Леха, ты Телекин.

Глава 8. Дальнейшие планы

Вика, Алина и другие ребята из нашей группы инстинктивно отступили подальше, прижимаясь спинами к холодным металлическим стеллажам. Только Ника, не думая об опасности, рванула к Лёхе, но я успел перехватить её, крепко схватив за плечо.

— Стой. Ему сейчас нельзя помочь, — сказал я негромко. — Это трансформация. Болезненная, но необходимая.

Лёха снова застонал, прижимая ладони к вискам. Ещё одна банка с томатной пастой взлетела с полки, ударилась о потолок и с грохотом рухнула вниз, разбрызгивая красное содержимое во все стороны. Ещё чуть-чуть, и он начнёт швырять предметы на полном автопилоте, не контролируя силу.

— Надо тебя успокоить, — я подошёл ближе и присел напротив Лёхи на корточки. — Смотри на меня. Слышишь?

Лёха медленно поднял голову. Из носа сочилась струйка крови, губы дрожали. Глаза уже не были залиты свечением полностью — только зрачки светились неестественным голубым огнём. Он пытался сфокусировать взгляд, но это давалось с трудом.

— Больно… — просипел он. — Такое ощущение… словно сейчас мозг взорвется…

— Знаю, — кивнул я, глядя прямо в его светящиеся глаза. — Но эта боль скоро пройдёт. В твоём мозгу сейчас форми-

руются новые синаптические связи — так организм адаптируется к психическим способностям. Энергия ищет выход и не находит его, поэтому вещи вокруг тебя двигаются сами по себе. Нужно дать телу время осознать новую реальность — глубокий сон поможет нейронным цепям перестроиться. Иначе ты рискуешь перегореть.

Я кивнул Нике, и она нерешительно приблизилась:

— Может, найдём ему какой-нибудь матрас? — предложила она, оглядываясь. — Или хотя бы подушку?

— Там в углу есть подсобка, — Алина указала на дверь в дальнем конце магазина. — Может, там что-то найдётся.

Декан тем временем подошёл к нам, внимательно изучая Лёху взглядом опытного преподавателя, который повидал немало студенческих срывов.

— Необычное зрелище, — произнёс он негромко. — Значит, телекинез? Интересно…

Краем глаза я заметил, что декан держит правую руку както неестественно, прижимая её к груди. Рукав его куртки был задран до локтя, обнажая внутреннюю сторону предплечья, где виднелась глубокая рваная рана — длинная красная полоса с неровными, вывернутыми краями, из которой сочилась тёмная кровь, стекая по запястью на пальцы.

— Что с рукой? — спросил я, подходя ближе и осматривая повреждение профессиональным взглядом.

Михалыч скривился, пытаясь пошевелить пальцами, которые слушались с видимым трудом.

— Тетива лука, — он покачал головой, словно досадуя на собственную оплошность. — Десять лет не стрелял без защиты. Забыл, как она может рассечь кожу при неправильном положении запястья. В пылу боя даже не заметил, что напарывался на неё при каждом выстреле.

В другом углу магазина Ника и Алина уже соорудили подобие постели для Лёхи — нашли в подсобке несколько мешков с какой-то крупой, взбили их, чтобы получилось что-то вроде матраса, и накрыли стопкой новых промо-футболок, еще пахнущих типографской краской. Я осторожно помог Лёхе подняться на ноги, придерживая его за пояс — он пошатывался, как тяжело контуженный, цепляясь за меня ослабевшими пальцами.

— Давай, дружище, — я медленно вёл его к импровизированной кровати. — Несколько шагов, и сможешь отдохнуть.

Когда он наконец лёг, я заметил, как напряжение постепенно покидает его тело — мышцы расслаблялись одна за другой, словно кто-то развязывал туго затянутые узлы.

— Поспи хотя бы час, — сказал я, помогая ему устроиться поудобнее. — Организм сейчас работает на пределе. Твои способности никуда не денутся, но мозгу нужно время, чтобы научиться с ними справляться. А потом я лично покажу, как контролировать силу без риска снести полздания.

Я не стал говорить ему о том, что видел в прошлой жизни — как псионики, перенапрягшие свои способности или не сумевшие их контролировать, внезапно теряли рассудок.

Их глаза наливались кровью, превращаясь в пылающие багровым светом провалы, а тела начинали излучать волны разрушительной энергии. В таком состоянии они превращались в неконтролируемые машины убийства, уничтожая всё живое вокруг без разбора — друзей, врагов, союзников. Лишь немногие выживали после таких срывов, и те, кто приходил в себя, что случалось совсем редко, навсегда оставались психически искалеченными, мучимыми чувством вины и кошмарами.

Лёха слабо кивнул, его веки уже опускались, неспособные сопротивляться изнеможению. Силы покинули его окончательно — псионическая трансформация и эмоциональное перенапряжение высосали всю энергию до последней капли. Через несколько минут его дыхание стало глубоким и ровным — от рваных, прерывистых вдохов не осталось и следа. Пальцы, судорожно сжимавшиеся в кулаки, наконец расслабились, и даже зловещее свечение в глазах, видневшееся сквозь неплотно сомкнутые веки, полностью исчезло.

— Присмотри за ним, — попросил я Нику. — Если начнёт дёргаться или бредить — зови.

Она молча кивнула, опускаясь на корточки рядом с Лёхой, осторожно вытирая кровь с его лица чистой салфеткой.

Вернувшись в торговый зал, я нашёл декана, который пытался обработать свою руку антисептиком из аптечки, найденной за кассой. Движения были неловкими — он явно щадил поврежденную конечность.

— Давай помогу, — я подошёл и без церемоний взял его за запястье, поворачивая руку к свету.

Рана выглядела хуже, чем казалось сначала. Тетива лука буквально сняла полоску кожи на внутренней стороне предплечья, обнажив мышцы. Края рваные, сама рана загрязнена. Кровь уже запеклась, но при малейшем движении начинала сочиться.

— Это не просто ссадина, — я покачал головой. — Тетива содрала кожу до мяса. С луком ты теперь некоторое время точно не сможешь работать.

— В такой ситуации забываешь об элементарных мерах предосторожности, — он покачал головой. — Адреналин зашкаливал, боли даже не чувствовал, пока всё не закончилось. Лук-то коллекционный был, просто для красоты висел — никогда не предполагал, что придётся из него стрелять по-настоящему. Краги рядом, естественно, не держал. — Он усмехнулся с горечью. — Впрочем, теперь это уже не важно. Стрелы всё равно закончились.

Я нашёл в аптечке пачку стерильных салфеток, бутылочку перекиси и эластичный бинт. Рана выглядела паршиво и требовала как минимум десятка швов. Но в наших импровизированных полевых условиях пришлось бы обойтись минимальными средствами.

— Сейчас будет немного больно, — предупредил я, выливая перекись прямо на рану.

Декан даже не поморщился, хотя я знал, что боль должна

быть адской. Мышцы на его лице лишь слегка напряглись, но он не издал ни звука. Старая закалка.

Пока я обрабатывал рану, методично очищая её от грязи и накладывая повязку, остальные собрались вокруг стеклянной витрины кассы. Алина открыла на своем смартфоне карту города в приложении и показывала что-то остальным. К счастью, кэшированные карты работали даже без интернета, который уже почти пропал. Ксюша занялась сортировкой припасов, аккуратно распределяя их по рюкзакам. Вика держалась в стороне, нервно кусая губы и поглядывая на меня с плохо скрываемой неприязнью.

— Готово, — я закрепил повязку на руке декана, проверяя надежность крепления. — Теперь держи в чистоте. Если начнёт гноиться — скажи сразу.

Странное ощущение — обрабатывать рану обычными средствами, когда в моей прошлой жизни я мог бы исцелить подобное повреждение за считанные секунды. Мои способности Лекаря позволяли сращивать даже разорванные артерии и сломанные кости — достаточно было направить энергетический импульс в поврежденную область. Но сейчас мой дар еще спал, дожидаясь своего часа.

Мы подошли к столу, где Алина показывала что-то на карте.

— Нам нужно решить, куда двигаться дальше, — сказал я, оглядывая собравшихся. — Я собираюсь на Академическую. Там квартира, где может быть моя сестра.

— Это в другом районе, — Алина указала на карте. — Минимум десять километров отсюда, если напрямую. А с учётом заторов, военных и зомби…

— Именно, — кивнул я. — Путь неблизкий. И это не единственная проблема.

Я обвёл взглядом наш потрёпанный отряд. После всего пережитого нас осталось только семеро — я сам, декан с раненой рукой, Алина с её навыками обращения с ножом, Вика, всё ещё шокированная произошедшим, Ксюша, потерявшая связь с парнем, и Ника, не оставившая своего поста у дверей подсобки, где спал Лёха. Даже такая маленькая группа могла стать слишком заметной при передвижении по полному опасностей городу.

— Большая группа — это риск, — продолжил я. — Нас легче заметить, сложнее спрятаться. К тому же, половина даже не знает, как держать оружие. В конце концов, смерть одного может стоить жизни всем.

В помещении повисла тишина. Все понимали, о чём я говорю, но никто не хотел произносить это вслух.

— Ты предлагаешь разделиться? — наконец спросил декан.

— Именно, — я кивнул. — Я иду на Академическую. Мне нужно найти сестру. Это путь через половину города, опасный и непредсказуемый. Кто пойдёт со мной — решайте сами.

— А остальным куда? — подала голос Ксюша.

Я указал точку на юго-западе карты.

— Красное Село. Насколько я помню, там будет первое крупное поселение выживших, которое начнет принимать беженцев из города. Военной базы рядом нет, мертвяков на окраинах меньше. Шансы добраться — намного выше.

— Что значит насколько помнишь? — переспросил декан, внимательно глядя на меня.

Я встретился с ним взглядом. В его глазах не было недоверия — скорее, клиническое любопытство учёного, обнаружившего неизвестный науке феномен.

А дальше я воспользовался недолгой передышкой и рассказал, как прожил пять лет в постапокалиптическом мире, как погиб во время финального взрыва и каким-то невероятным образом проснулся в сегодняшнем дне, в своём прошлом. Объяснил, что многие события развиваются иначе, чем в моей памяти, но общий ход катастрофы остаётся неизменным.

Все слушали молча. Ника хмурилась, словно пыталась обнаружить в моём рассказе логические нестыковки. Алина наблюдала с настороженным интересом. Ксюша просто кивала, будто после всего пережитого за сегодня история о путешествии во времени казалась ей вполне правдоподобной. Вика держалась в стороне, но и она внимательно ловила каждое слово.

Декан молчал, обдумывая услышанное. Его взгляд скользил по моему лицу, отмечая каждую деталь, каждое движе-

ние мышц.

— Раньше такое заявление вызвало бы у меня скептицизм, — наконец произнёс он. — Но учитывая летающие предметы, световые столбы с неба и мертвецов на улицах… — он невесело усмехнулся, — твои слова уже не кажутся безумием.

— Итак, для вас безопаснее всего двигаться в сторону Красного Села, — продолжил я, снова обращаясь ко всем. — Но в любом случае нам необходим транспорт. Пешие перемещения по городу в нынешней ситуации равносильны самоубийству — слишком много мертвяков на улицах, не говоря уже о военных, которые стреляют по всему, что движется, и мародерах, которых с каждым часом будет становиться все больше и больше.

— У меня есть идея, — вдруг подала голос Ксюша. Всё это время она молчала, словно обдумывая что-то. — Мой парень живёт совсем неподалёку отсюда. Буквально в двух домах от нас, через дорогу, если вниз по улице пройти.

— И? — я приподнял бровь.

— У него машина. Когда всё началось, он написал мне, что заперся в квартире. В подъезде были эти… мертвяки. Не мог выйти. — Ксюша достала телефон, пролистывая сообщения. — Вот, смотрите: «Не могу выйти. В коридоре эти твари. Заперся в квартире, жду, пока всё утихнет».

— Когда он прислал это? — я взглянул на экран её телефона.

— Два часа назад. Я пыталась дозвониться, но связь уже не работает. То ли сеть накрылась, то ли военные глушилки включили.

— Скорее второе, — кивнул я. — Они всегда так делают в первые дни, чтобы информация не распространялась.

— Думаешь, он ещё жив? — с надеждой спросила Ксюша.

— Если квартира крепкая и мертвяки не прорвались — возможно, — я старался говорить честно, но не убивать надежду. — В любом случае, нужен транспорт, и это наш лучший вариант.

Декан внимательно изучал район на экране смартфона, увеличивая масштаб, чтобы разглядеть все возможные маршруты.

— Как зовут твоего парня? Где конкретно он живет?

— Костя. Константин Березин, — Ксюша указала точку на карте. — Вот здесь. Кирпичная девятиэтажка, пятый подъезд, квартира 137.

— Какая у него машина? — поинтересовался я.

— Ситроен С4, тёмно-синий. Три года назад купил.

Я мысленно прикинул размеры — не самый большой автомобиль, но для пяти-шести человек хватит. В крайнем случае, на коленках друг у друга поедут, не переломятся.

— Хорошо, решено, — я выпрямился, оглядывая всех собравшихся. — Идём к дому Ксюшиного парня. Если повезёт, переночуем в квартире, а потом заберём его и машину. В темноте передвигаться — последнее дело. Мы не видим, зато

мертвяки отлично ориентируются по запаху и звуку. К тому же, нам всем нужен отдых, особенно Лёхе, пока его способности не стабилизируются. А с рассветом решим, кто куда направится.

Я оглядел наш импровизированный штаб. Сквозь решётки на окнах пробивался последний майский свет, искажённый надвигающейся непогодой. На улице быстро темнело — горизонт затягивали тяжёлые свинцовые тучи, низко нависающие над городом. Воздух сгустился, наполнившись предгрозовой влажностью, и казалось, что вот-вот разразится настоящий весенний ливень. В другой ситуации мы бы просто искали укрытие от дождя, но сейчас приближающаяся темнота и непогода несли с собой совсем иные опасности.

— Выдвигаемся как можно скорее, — сказал я, проверяя автомат. — Ночью по городу ходить опасно.

Вика поджала губы, всё ещё глядя на меня с плохо скрываемой неприязнью. С момента, как я отрубил голову Семёна, она явно записала меня в опасные психи, несмотря на все мои объяснения про прошлую жизнь. Впрочем, мне было плевать на её мнение.

— К тому же, ночью активизируются и другие выжившие — те, кого днём удерживает страх, — продолжил я, проверяя магазин. — С наступлением темноты мы рискуем нарваться не только на мертвяков, но и на мародёров, которые сейчас наверняка формируют первые шайки. А ещё на военные патрули, которые будут стрелять без предупреждения.

Примерно через полчаса мы решили разбудить Лёху. Он всё ещё выглядел совершенно вымотанным — глаза полуприкрыты, движения заторможенные. Щуплое тело казалось ещё более хрупким, чем обычно. Впрочем, хотя бы неконтролируемая телекинетическая активность прекратилась — предметы больше не взлетали сами по себе. Сказывалось всё вместе — природная худоба, нервное истощение после всех ужасов дня и, конечно, энергетическая встряска от полученных способностей.

— Как себя чувствуешь? — спросил я, помогая ему подняться.

— Будто по башке долго и упорно били молотком, — пробормотал он, потирая виски. — Но уже не так адски больно, как раньше.

Мы быстро перераспределили припасы, взяли всё оружие, что смогли найти, и выдвинулись в путь. Наша маленькая группа выстроилась в боевой порядок — я шёл впереди, держа автомат наготове, за мной Алина и Ксюша с пистолетом. Лёха, всё ещё нестабильный, держался в середине под присмотром Ники. Декан с его военной выправкой замыкал группу, внимательно следя за тылом.

Мы преодолели уже почти половину пути к дому Кости, петляя дворами и избегая главных улиц. На перекрестке возле старой детской поликлиники я резко поднял руку, приказывая всем остановиться. Впереди, в полусотне метров от нас, в тусклом свете единственного работающего фонаря ко-

пошилась целая стая мертвяков — не меньше пятидесяти тварей кружили возле перевернутого автобуса, выискивая добычу внутри или просто привлеченные запахом крови.

— Назад, — одними губами произнес я, медленно отступая в тень здания. — Тихо, без резких движений.

Мы начали пятиться, прижимаясь к стенам домов, когда над головой раздался оглушительный раскат грома. В ту же секунду небо словно прорвало. Без всякого предупреждения на нас обрушился такой мощный ливень, что за секунду мы промокли до нитки. Вода хлестала сплошным потоком, превращая улицы в бурлящие реки, мгновенно смывая кровь и грязь с асфальта.

— Блядь! — выругался я, сразу понимая, что это значит. — А вот это плохо… очень-очень плохо!!!

Глава 9. Тихий уголок

— Что не так? — спросила Ника, пытаясь перекричать шум ливня.

— Дождь смывает городские запахи, — резко объяснил я, внимательно наблюдая за группой мертвяков у автобуса. — Наш запах теперь как маяк для них. Чистый, яркий. Нет других примесей. Они мгновенно нас учуют…

Я не успел договорить, когда десятки мертвых голов, как по команде, повернулись в нашу сторону. Даже сквозь стену воды я видел это жуткое, механически синхронное движение, словно у них был общий разум, управляющий каждым гниющим телом. Десятки пустых глаз уставились прямо на нас, а в следующий момент орда сдвинулась с места — сперва неуверенно, но с каждой секундой набирая темп.

— БЕГОМ! СЕЙЧАС ЖЕ! — крикнул я, толкая Алину в спину. — Все за мной!

Мы бросились прочь, под дождем, который продолжал хлестать с чудовищной силой. Видимость упала до нескольких метров — серая мутная завеса скрывала всё вокруг. Я едва различал здания и повороты улиц. Вода заливала глаза, каждый вдох давался с трудом, словно мы пытались дышать под водой.

— Сюда! — скомандовал я, ныряя в узкий проход между домами. — Не отставать!

Я обернулся, проверяя, все ли следуют за мной. Декан, прижимая раненую руку, бежал последним, прикрывая отход. Вика и Алина держались вместе. Лёха бежал сам, хотя и выглядел всё еще ослабленным после трансформации, а Ника и Ксюша двигались рядом с ним, готовые поддержать в случае необходимости.

Узкий проход между высотками превратился в настоящий ручей. Вода хлестала с крыш, подхватывая мусор, ветки и даже мелкие камни. Идти было тяжело — ноги постоянно скользили, а уровень воды уже поднялся выше щиколоток.

— Давайте! Ещё немного! — подбадривал я, оглядываясь.

Мы выскочили на небольшую детскую площадку между домами. Металлические конструкции качелей и горок зловеще поблескивали в темноте под струями дождя. Я повернулся, чтобы убедиться, что все на месте, и замер — Лёхи и Ники не было видно.

— Стоп! — крикнул я, вскидывая руку. — Где Лёха? Где Ника?

Все обернулись, тяжело дыша. Декан нахмурился, всматриваясь в стену дождя. Алина покачала головой, водя рукой по мокрому лицу, чтобы стереть воду.

— Они были позади меня… — прохрипела Ксюша, согнувшись и упираясь руками в колени. — Только что были…

— Чёрт! — я рванул обратно в проход между домами, вглядываясь сквозь пелену ливня. — Лёха! ЛЁХА! НИКА!

Мои крики тонули в шуме дождя. Мертвяки рычали где-

то совсем близко — отвратительные хриплые звуки, напоминающие предсмертный хрип, прорывались даже сквозь грохот воды. Я побежал дальше по проходу, готовый к любой опасности, но надеясь, что они просто отстали.

— ЛЁХА! НИКА! — продолжал кричать я, сознательно рискуя привлечь мертвяков. Риск был оправдан.

В голове мелькнула чёткая мысль: зомби-телекин опаснее целой стаи обычных мертвяков. Я видел, как одна такая тварь разорвала двадцать человек и обрушила здание, прежде чем ее остановили. А Лёха с его потенциалом в будущем станет одним из сильнейших. И если он заразится — удержать его смогут только другие мощные психоники. Которых рядом может не оказаться.

Выскочив обратно к выходу из прохода, я увидел массивные силуэты, надвигающиеся сквозь дождь. Первые мертвяки из той стаи, что нас обнаружила. Они двигались на удивление быстро, не обращая внимания на ливень. Хуже того — за ними виднелось не меньше трёх десятков таких же стремительно приближающихся тварей.

— Пиздец, — выдохнул я, понимая, что уже не смогу найти отставших. Если Лёха и Ника где-то там, в этой мешанине из дождя и мертвецов, то они уже…

Я не позволил себе закончить эту мысль и, развернувшись, помчался обратно к остальным.

— Их слишком много! — выпалил я, хватая Алину за плечо. — Нужно уходить, иначе всех накроет!

— А Лёха? — Ксюша ошарашенно уставилась на меня. — Ника? Мы не можем их бросить!

— Если они живы, то мы их найдем! Но позже! — оборвал я её. — А если нет, то мы ничем не поможем. Надо двигаться!

Я подавил мимолетную вспышку злости. Пять лет войны с мертвяками отучили меня от сантиментов. Потери — часть выживания. Кто не понимает этого — подыхает первым.

— Быстрее! — скомандовал я, увлекая всех дальше, к выходу с детской площадки, ведущему в следующий двор.

Пересекая открытую площадку, я внимательно осматривался по сторонам. Ливень — хреновая штука для выживальщика. Ни черта не видно, ни хрена не слышно. Вода хлещет отовсюду — сверху, из труб, с крыш, бурлит под ногами. Добавь сюда грохот грома и собственную одышку, и получится идеальная маскировка для мертвяков. А я на своей шкуре выучил: если ничего не слышишь — совсем скоро почувствуешь, как тебя кто-то жует. Надо быстрее сваливать с открытого места — тут мы как на ладони.

Мы нырнули в узкую арку старого дома, ведущую во внутренний двор-колодец. Типичная петербургская архитектура — высокие стены, сходящиеся так близко, что неба почти не видно. Мокрый гранит стен отбрасывал тусклые блики от редких вспышек молний. В таких местах даже днем темно, а сейчас, в ливень и грозу, мы буквально продирались через чернильную темноту, едва различая силуэты друг друга.

Внезапно я услышал характерный влажный звук — хриплое бульканье, которое не могло принадлежать живому существу. Я вскинул автомат, всматриваясь в темноту впереди. Из глубины двора-колодца показалась шатающаяся фигура. Затем ещё одна. И ещё.

— Блядь, и здесь! — процедил я сквозь зубы, снимая автомат с предохранителя.

Я выстрелил короткой очередью. Три вспышки прорезали темноту, на мгновение осветив искажённые лица мертвяков и мокрые гранитные стены, покрытые плесенью. Грохот выстрелов отразился эхом от стен колодца, но быстро потонул в шуме дождя. Две фигуры рухнули, но за ними из тёмной глубины двора показались новые.

Щёлк. Щёлк.

Автомат заклинило.

— Сука! — я яростно дёрнул затвор, пытаясь вытащить застрявшую гильзу. Ничего. Механизм намертво заело от попавшей внутрь воды.

Мертвяки приближались, их силуэты черными пятнами выделялись на фоне серых гранитных стен. Шесть или семь тел, шатающихся, с вытянутыми руками. В тесноте петербургского двора-колодца у нас не было пространства для манёвра — арка за спиной и каменные стены с боков.

— Назад! — крикнул я, но в этот момент обернулся и понял: в арке, через которую мы вошли, послышалось такое же влажное рычание. Мы оказались в ловушке.

— Что нам… — начала Вика, её голос сорвался от ужаса.

— Драться, — обрезал я, перевернул бесполезный автомат и ухватил его за ствол как дубину. — Михалыч, берешь тех, кто слева! Алина — за мной!

Мы выстроились, готовясь принять бой в этом каменном мешке. Ксюша, Вика — в центре, вооружённые чем попало. Мы с деканом встали по краям, прикрывая их с флангов.

Первый мертвяк подобрался вплотную. Я замахнулся и обрушил приклад автомата на его голову. Удар вышел мощным — череп треснул, забрызгав гранитную стену тёмной жижей. Тело рухнуло, но на его место тут же пришло следующее.

— Держитесь вместе! — выкрикнул я, снова замахиваясь.

На нас навалились сразу несколько тварей. Приклад автомата с хрустом впечатался в первый череп, мозги брызнули на стену. Я крутанулся и снёс челюсть второму мертвяку, но третий уже тянул ко мне руки. Рядом Алина метнулась вперед, пытаясь ударить зомби в висок, но промахнулась — лезвие скользнуло по черепу, оставив глубокую борозду. Тварь продолжала наступать, и девушке пришлось отпрыгнуть. Только со второго удара она попала в цель — нож вошел в висок зомби на несколько сантиметров. Этого хватило, чтобы тварь рухнула на колени, но она всё ещё шевелилась, пока я не добил её ударом приклада по голове.

Декан старался держаться, но раненая рука явно мешала. Он неловко орудовал катаной, больше отталкивая мертвя-

ков, чем убивая их. Когда один из зомби подобрался слишком близко, декан ударил его в глаз — скорее от отчаяния, чем от умения. Повезло — лезвие вошло глубоко, и тварь рухнула к его ногам.

Остальные справлялись ещё хуже. Ксюша отчаянно размахивала молотком, но её удары были слабыми и неточными. Вика вообще застыла от ужаса, только визжала, когда мертвяки подбирались слишком близко. Одна из тварей схватила её за рукав, и она завопила так, что заложило уши.

— Помогите! Он меня сейчас укусит!

Я рванул к ней, с размаху вбивая приклад в затылок мертвяка. Тварь обмякла, но на её место уже лезли новые.

Тридцать секунд чистого адреналина и крови. Дождь смывал бурые потёки с наших рук и лиц, а вода вокруг уже окрасилась в тёмно-красный. Семь мертвяков с размозженными черепами валялись на мокром асфальте, но из темноты выступали новые силуэты.

Внезапно я услышал крик Ксюши. Обернувшись, увидел, как она, поскользнувшись на мокром асфальте, падает на спину. Из темноты на неё набросился мертвяк в синей рабочей робе — наверное, бывший сантехник или электрик. Его зубы щёлкнули в опасной близости от её лица.

— Держись! — крикнул я, отбросив очередного зомби и бросаясь на помощь.

Я подскочил и с размаху опустил приклад на затылок мертвяка.

— Цела? — я схватил Ксюшу за руку, рывком поднимая на ноги.

— Да… вроде, — она тяжело дышала, одежда была измазана кровью и грязью. — Просто ушиблась…

Я окинул её быстрым взглядом — видимых укусов не было, но в такой темноте, под проливным дождём, сложно было что-то разглядеть.

— Уверена? — переспросил я.

— Да, — она кивнула, избегая моего взгляда. — Всё… всё нормально.

Очередной мертвяк уже тянул ко мне свои руки. Я развернулся и ударил его прикладом автомата. На этот раз что-то хрустнуло не только в черепе зомби, но и в самом оружии. Взглянув на приклад, я увидел, что пластик треснул и начал разваливаться.

— Сука! — выругался я, ударив ещё раз. Приклад окончательно развалился, оставив в моих руках бесполезный кусок металла. — Вот же дерьмо! Хотя дубинка была неплохая.

Я отбросил бесполезное оружие и вытащил катану из ножен за спиной. На поясе длинный клинок стал бы помехой — при беге бил бы по ногам, цеплялся за углы, стучал о стены в узких проходах. А крепления за спиной надежно фиксировали оружие даже при резких движениях. Лезвие тускло блеснуло в темноте, когда я высвободил его плавным движением.

Из темноты выполз особо крупный мертвяк — судя по

форменной куртке с нашивками и мощному торсу, при жизни он был охранником или инкассатором. Его массивная фигура заполнила собой почти весь проход. На поясе висела пустая кобура, а резиновая дубинка болталась на запястье, привязанная темляком.

— Ко мне, уродец, — прошипел я, замахиваясь катаной.

Мертвяк двинулся вперёд, неуклюже, но с пугающей целеустремлённостью. Я резко рубанул его сверху вниз, целясь в голову. Лезвие вошло в череп, но под неудачным углом. Вместо того чтобы расколоть кость пополам, катана застряла, глубоко войдя в кость.

Я дёрнул оружие на себя, пытаясь высвободить лезвие. Мертвяк пошатнулся, но не упал. Его руки продолжали тянуться ко мне. Я ещё раз рванул рукоять, и тут раздался металлический скрежет. Лезвие катаны сломалось пополам, оставив в моих руках лишь рукоять с жалким обломком.

— Сука! — выругался я, глядя на сломанный клинок. Катана служила верой и правдой весь этот безумный день, но даже хорошая сталь имеет предел прочности. После десятков ударов по черепам, костям и твёрдым поверхностям металл просто устал. Микротрещины, невидимые глазу, превратились в фатальный излом в самый неподходящий момент.

Зомби-инкассатор продолжал наступать, несмотря на застрявший в его черепе второй обломок. Я перехватил остаток катаны как кинжал и нырнул под руку мертвяка, вонзая

обломок лезвия прямо в основание черепа, где он соединяется с позвоночником. Наконец-то тварь рухнула, дёргаясь в агонии.

— Все целы? — спросил я, оглядывая нашу потрёпанную группу.

Декан тяжело дышал, придерживая раненую руку. Повязка промокла от воды и крови, но он не подавал виду. Алина выглядела относительно бодрой, хотя и она заметно вымоталась. Вика нервно оттирала с лица брызги крови, а Ксюша молча поправляла сбившуюся во время схватки одежду.

Я окинул взглядом выживших, оценивая их состояние. В этот момент сзади раздалось рычание — ещё мертвяки приближались из глубины двора.

— Ходу! — скомандовал я. — Еще одной такой схватки мы не выдержим!

Мы побежали дальше, шлёпая по лужам и грязи. С каждой минутой дождь, казалось, только усиливался. Небо раскалывалось от молний, гром грохотал прямо над головами. Вода уже текла по улицам небольшими реками, превращая город в подобие Венеции.

На углу одного из домов мы наткнулись на группу людей — семья с двумя детьми и пожилой мужчина пытались завести заглохшую машину. Увидев нас, окровавленных и вооруженных, они замерли.

— Уходите отсюда, — крикнул я им на бегу. — В центре небезопасно!

— Куда бежать? — крикнул в ответ отец семейства, прижимая к себе испуганную дочь лет восьми.

— В Красное Село, — бросил я, не останавливаясь. — Там будет безопасная зона.

Мы не могли задерживаться, чтобы помочь. Каждая минута промедления увеличивала риск нарваться на зомби или военных.

Мы добрались до нужной девятиэтажки минут через двадцать. Пришлось делать большой крюк — прямой путь оказался перекрыт целой ордой мертвяков.

Двор встретил нас видимым спокойствием. У подъезда стоял синий Ситроен в хорошем состоянии — видимо, машина Кости. А вот второй автомобиль, старая Лада, врезался в стену дома. Сквозь разбитые стекла были видны три фигуры, беспорядочно дергающиеся внутри.

— Надо их убрать, — кивнул декан в сторону машины. — Могут выбраться.

— Не сейчас, — отрезал я, оценив ситуацию. — Стекла целые, дверцы заблокированы. Никуда они не денутся, а звук может привлечь других.

Дождь постепенно ослабевал, переходя из сплошной стены воды в обычный сильный ливень.

— Вот здесь, — Ксюша указала на пятый подъезд. — Пятый этаж, квартира 137.

Подъезд был заперт — стальная дверь с домофоном.

— Подождите, — Ксюша протиснулась вперед и набрала

на панели «*4230#». — Это технический код, Костя как-то узнал его от электрика. Работает почти на всех домофонах в этом районе.

Домофон пискнул, и электронный замок щелкнул, открывая нам путь.

— Заходим, — скомандовал я, толкая дверь. — Михалыч, прикрывай спину.

Внутри подъезда нас встретила темнота. Электричество почему-то не работало, а окна были слишком маленькими, чтобы пропускать достаточно света с улицы. Воздух казался густым и затхлым, с примесью странного медного запаха — запаха крови.

Я щёлкнул зажигалкой, найденной в кармане Семёна. Тусклое пламя осветило тёмный подъезд. Мы начали подниматься по лестнице, осторожно ступая по мокрым ступеням и прислушиваясь к каждому звуку.

— На каком этаже? — тихо спросил я у Ксюши.

— На пятом, — она еле слышно выдохнула.

Наконец, мы добрались до пятого этажа. Затхлый воздух разбавлялся сквозняком из разбитого окна на площадке. В слабом свете зажигалки я разглядел узкий коридор и несколько дверей.

— Сто тридцать седьмая, — прошептала Ксюша, указывая на дверь в конце короткого коридора.

Я подошёл и прислушался. Изнутри доносились слабые звуки — шорохи, скрип половиц. Кто-то определённо был

внутри.

— Костя писал, что его соседи по квартире обратились и бродят внутри, — тихо сказала Ксюша. — Что он забаррикадировался в своей комнате.

— Сколько у него соседей?

— Двое. Паша и Андрей. — ответила она, нервно кусая губу.

Я снова прислушался к звукам за дверью. Ничего похожего на рычание зомби или звуки борьбы. Только тихие, одиночные шаги.

— Ладно, — я огляделся, ища что-нибудь подходящее для вскрытия замка.

Заметил тонкую металлическую шпильку в волосах Вики — идеальный инструмент.

— Одолжишь? — кивнул я на её голову.

Вика нахмурилась, но молча вытащила шпильку и протянула мне.

Я выпрямил шпильку, согнул кончик под нужным углом и вставил в замочную скважину. В прошлой жизни мне часто приходилось вскрывать замки подручными средствами — навык, необходимый для выживания в апокалипсисе.

Несколько точных манипуляций, чуткие пальцы ощущали каждое движение пружин внутри механизма. Я работал методично, не торопясь — вскрытие замка требует терпения.

— Где ты этому научился? — шепотом спросил декан.

— На войне с мертвяками и не такому научишься, — ко-

ротко ответил я.

Наконец механизм поддался — раздался тихий щелчок. Я осторожно толкнул дверь, держа обломок наготове, готовый к любому дерьму, что могло ждать внутри. В нос ударил затхлый воздух закрытого помещения, но не тот гнилостный запах, который всегда сопровождал мертвяков.

— Чисто, — шепнул я, обводя коридор взглядом.

В квартире царила тишина. Никаких зомби, никаких следов борьбы, только брошенная на тумбочке кружка с засохшим чаем и скомканная куртка на вешалке.

— Костя? — Ксюша протиснулась мимо меня, её голос дрожал от напряжения.

Тишина. Секунда, две, три. Я уже собирался двинуться вглубь квартиры, когда из-за двери в конце коридора донесся шорох.

— Кто там? — хриплый от страха мужской голос. — У меня оружие!

— Костя! — Ксюша дернулась вперед, но я удержал её за плечо. Слишком много раз я видел, как подобные воссоединения заканчивались трагедией.

— Ксюша? — в голосе послышалось недоверие. — Это правда ты?

Дверь медленно приоткрылась. Сначала показалось лезвие кухонного ножа, потом бледное лицо парня с испуганными, воспаленными от недосыпа глазами. Увидев Ксюшу, он замер на секунду, словно не верил своим глазам, а потом

лицо исказилось от облегчения.

— Ксюша! — он выскочил из комнаты, всё ещё сжимая нож, и буквально налетел на девушку, обнимая её с такой силой, что она охнула. — Я думал… я думал…

Пока они обнимались, я быстро обошёл квартиру, заглядывая в каждую комнату. Нигде никаких следов борьбы. Никакого хаоса. Никаких тел, ни живых, ни мёртвых. Ни выломанных дверей, ни кровавых разводов на стенах.

Я вернулся в коридор, где Костя всё ещё сжимал Ксюшу в объятиях, шепча что-то ей на ухо.

— А где твои соседи? — спросил я, прислонившись к дверному косяку. — Паша и Андрей, которые, как ты писал, превратились в зомби и не давали тебе выйти.

Костя застыл, его руки на спине Ксюши напряглись. Я заметил, как его зрачки расширились от страха.

— Они… они ушли, наверное, — его голос дрогнул. — Когда началось всё это… Я слышал, как они выбегали, кричали что-то…

Ксюша медленно отстранилась, недоумённо глядя ему в лицо:

— Но ты писал, что они заражены. Что они пытаются прорваться в твою комнату.

— Я… наверное, они увидели кого-то в коридоре и погнались за ним, — Костя облизнул пересохшие губы, избегая её взгляда. — Поэтому их сейчас нет. Они выбежали и…

— И вежливо закрыли за собой дверь на ключ? — я хмык-

нул, указывая на нетронутый замок.

Ксюша перевела взгляд с меня на Костю, в её глазах медленно разгоралось понимание.

— Ты соврал, — шокировано произнесла она. — Всё это время… пока мы пробивались сюда… пока люди гибли… ты просто сидел здесь?

— Ксюш, ты не понимаешь! — Костя попытался взять её за руку, но она отдёрнула её, как от раскалённого металла. — Я реально испугался! Я видел в окно, что творилось на улицах! Эти твари жрали людей заживо!

— Поэтому ты написал мне, что не можешь выйти из-за соседей-зомби? — её голос звенел, как натянутая струна. — Придумал эту ложь, чтобы не пришлось идти за мной? Чтобы я не ждала тебя?

Ксюша отступила на шаг, потом ещё на один. Её лицо было белым как мел, руки дрожали:

— Чужие люди сегодня несколько раз спасали мне жизнь, — её голос дрожал от ярости и боли. — Люди, которых я еще вчера даже не знала! А ты… тот, кто клялся мне в любви, просто струсил и соврал…

Костя протянул к ней руку, отчаянно пытаясь удержать её.

— Ксюша, пожалуйста… Я всё исправлю, я…

— Не прикасайся ко мне! — она буквально выплюнула эти слова ему в лицо. — Никогда… больше… не прикасайся.

Ксюша рванула в дальнюю комнату и заперлась там. Сквозь тонкую дверь было слышно, как она всхлипывает —

тихо, надрывно, пытаясь сдержаться.

— Оставь её в покое, — сказал я, схватив его за руку. — Дай время остыть.

Костя кивнул и отошёл к окну, понуро опустив плечи. Ксюша за дверью всё ещё всхлипывала, но уже тише.

— Надо обустраиваться на ночь, — обратился я к остальным. — Завтра рано выдвигаемся.

Мы быстро распределили места в квартире. Алина и Вика заняли комнату одного из соседей — там им пришлось делить односпальную кровать. Ксюша заперлась в комнате второго соседа и не выходила. Костя забился в свою комнату, дрожа от пережитого. Декану пришлось устроиться на кухне на стуле, старательно не показывая, как болит раненая рука. А я расположился в кресле тут же, у окна, откуда был виден весь двор.

Мы договорились о дежурствах — каждый по два часа. Первым заступал я, потом Алина, затем декан. Остальных к дежурству не привлекали: Ксюша сейчас в расстроенных чувствах, Костя может в очередной раз обосраться от страха, а Вика… с этой блондинкой пока вообще ничего не понятно.

Через час я решил проведать Ксюшу. Передав наш «импровизированный пост» Михалычу, тихо прошёл по коридору и постучал в дверь её комнаты.

— Ксюш, это я, Макар. Можно войти?

— Отвали, — донеслось изнутри, но голос звучал не так резко, как час назад.

— Открой. Поговорим.

Послышался шорох, потом щелчок замка. Дверь медленно открылась. Ксюша выглядела паршиво — глаза красные и опухшие от слёз, лицо бледное.

— Входи, — тихо сказала она, отступая в глубь комнаты.

Я бросил сломанный клинок на столик и тяжело опустился на потертое кресло, краем глаза наблюдая за Ксюшей. Её плечи всё ещё подрагивали.

— Слушай, — начал я, откидываясь на спинку, которая опасно заскрипела, — ты слишком строго к нему относишься.

Она резко обернулась, глаза блестели от сдерживаемых слез:

— Серьёзно? Он соврал мне, Макар! Даже несмотря на то, что я была в смертельной опасности, он все равно предпочел соврать!

— Да, он не герой. Да, соврал. — Я встретился с ней взглядом. — Но ты подумай объективно — если бы он высунул нос из квартиры, то скорее всего уже сейчас бы бродил мертвым по улице, а его кишки волочились бы за ним по асфальту.

— И это должно меня утешить? — она скрестила руки на груди.

Я вздохнул.

— Не все парни сильны, Ксюш. И уж точно не все готовы к такой жести, как зомби-апокалипсис.

— Ты вот спокоен!

— Потому что прожил в этом дерьме целых пять лет, — я потер заросший щетиной подбородок. — А в своей прошлой жизни… — я хмыкнул, — первые месяцы я был в том еще ахере.

Уголок её губ дрогнул в намеке на улыбку, но она быстро подавила его.

— Ты думаешь, я не права? — спросила она тише, отворачиваясь к окну, за которым моросил дождь.

— Думаю, мы все сегодня наделали глупостей и пытались выжить как могли, — я пожал плечами, морщась от боли в ушибленном плече. — Кто-то дрался, кто-то бежал, кто-то прятался. В этом новом мире нет правильных решений. Есть только те, что позволяют дожить до следующего рассвета.

Я потер шею, глядя в окно на тёмный двор.

— Не говорю, что он молодец или что ты не имеешь права злиться. Просто… в такой жопе, как сейчас, некоторые люди ломаются. А другие находят в себе силы, о которых даже не подозревали.

Я встал и подошел к ней, но не прикоснулся — только встал рядом у окна.

— В конце концов, главное — что вы оба живы. А мертвецов вокруг и так дохрена, чтобы ещё и вам друг друга хоронить.

Она слабо улыбнулась, вытирая рукавом глаза:

— Наверное, ты прав. Просто… я так боялась, что его уже

нет. А когда узнала, что он всё это время…

— Злость — это нормальная реакция, — я перебил её. — Но не дай ей съесть тебя заживо. В этом новом мире и так полно дерьма, с которым придется справляться.

Она грустно усмехнулась и кивнула.

— Спокойной ночи, Макар. И… спасибо. — Её голос был тихим, но искренним.

— Не за что, — я кивнул и, развернувшись, направился к двери, стараясь игнорировать ноющую боль во всем теле.

Я вышел, прикрыв за собой дверь, и прислонился к стене в коридоре. День выдался адский. Но мы выжили. По крайней мере, пока.

По пути на кухню наткнулся на Вику, которая как раз выходила из спальни в одной длинной футболке с логотипом какой-то рок-группы. Судя по размеру, вещица явно принадлежала одному из соседей Кости. При виде меня она замерла, а потом медленно подошла ближе, покачивая бёдрами.

— Макар, — её голос звучал совсем иначе, чем днём. Мягко, почти мурлыча. — Мне не спится.

Я окинул её взглядом. Фигура у неё действительно была что надо — длинные ноги, узкая талия, высокая грудь с отчётливо виднеющимися сквозь тонкую ткань сосками. Лифчика на ней явно не было. В полумраке коридора её силуэт казался почти нереальным. В мирное время я бы не устоял. Но сейчас меня раздражала её фальшь.

— Ну так почитай что-нибудь, — равнодушно ответил я,

проходя мимо.

— Подожди, — она схватила меня за руку, легко проведя ногтями по коже. — Я хотела извиниться за то, что происходило днём. Ты спас нам всем жизни, а я… я была дурой.

Она подошла ещё ближе, так что я почувствовал тепло её тела и лёгкий запах духов, которым она, видимо, успела побрызгаться перед «случайной» встречей.

— Бывает, — пожал плечами я.

— Может, поговорим? — она сделала шаг ближе, её пальцы скользнули по моей руке вверх к плечу. — Я понимаю, что в такие времена… мне нужен сильный мужчина. Такой как ты.

Вика прикусила нижнюю губу и посмотрела мне прямо в глаза тем самым взглядом, который наверняка срабатывал со всеми её «защитниками» до апокалипсиса. Она медленно прижалась ко мне, позволяя ощутить каждый изгиб своего тела. Её руки скользнули по моей груди, а горячее дыхание обожгло шею.

— Я могу быть очень… благодарной, — прошептала она, слегка потёршись бёдрами. — Никто не узнает. Просто нам обоим нужно… расслабиться.

Я аккуратно отстранил её, держа за плечи:

— Вика, не тебе я нужен. Тебе нужен защитник, и этот человек точно не я. Завтра я иду в самое пекло города искать сестру, и тебе туда совершенно не нужно. Вы едете в Красное Село — там будет много военных, спецназовцев. Насто-

ящих героев в форме. Думаю, они больше подойдут твоим запросам.

Она отступила на шаг, её глаза блеснули от обиды и злости:

— Ты очень жестокий.

— Ты хотела сказать — честный? — поправил я.

Она развернулась и ушла, демонстративно виляя бёдрами. Я проводил её взглядом, чувствуя лёгкое сожаление — всё-таки красивая девушка. В другое время, в другом месте… Но сейчас мне не нужен был такой балласт.

В прошлой жизни таких, как она, было пруд пруди. Красивые, умеющие соблазнять, но абсолютно неприспособленные к выживанию девушки, которые всю жизнь рассчитывали только на внешность. В апокалипсисе они либо быстро учились быть полезными, либо становились разменной монетой для более сильных мужиков. А я не собирался ни защищать её, ни быть тем, кто выменяет её на патроны или еду.

Вернувшись к окну, я устроился в кресле, отправив декана немного поспать — выглядел он очень усталым. Дождь наконец закончился, но город не утихал. С разных сторон доносились автоматные очереди, вой сирен и крики. На горизонте полыхали пожары, окрашивая низкие облака в кроваво-красный цвет. Где-то недалеко громыхнул взрыв, и на мгновение ночное небо осветилось оранжевым заревом. Петербург умирал на моих глазах — красивой, но мучительной смертью.

В нашем дворе было относительно тихо. Только в разбитой Ладе изредка шевелились зомби, бессмысленно царапая стекло изнутри, но выбраться они не могли.

Время тянулось медленно. Я несколько раз обходил квартиру, проверяя, всё ли в порядке. В половине третьего меня должна была сменить Алина. Но часы показывали уже без четверти три, а она всё не приходила. Я подошёл к спальне и тихонько постучал.

— Алина? Твоя смена.

Дверь открылась почти сразу. Алина была полностью одета, видимо, уже проснулась.

— Извини, задремала на пять минут, — она потёрла глаза. — Как дела?

— Тихо. Никого во дворе, зомби в машине сидят спокойно. Ксюша с Костей помирились?

— Не знаю, не слышала, — она пожала плечами. — А что?

— Да так, просто интересно.

Передав оставшуюся целой катану, направился в гостиную. Михалыч крепко спал, тихонько похрапывая. Усталость и стресс состарили его лицо — сейчас он выглядел гораздо старше своих лет.

Удобно устроившись в свободном кресле, закрыл глаза. Сон приходил тяжело — слишком много адреналина в крови, слишком много воспоминаний. В голове крутились картинки дня: обезглавленный Семён, растерзанная Юля, Лёха с его новыми способностями…

Несмотря на напряжение, усталость всё же взяла своё. Проваливаясь в черноту, успел поймать последнюю мысль о том, что нужно проснуться через пару часов на смену караула…

Сквозь тяжёлую пелену сна почувствовал лёгкое прикосновение к плечу.

— Макар, — шёпот Алины. — Проснись.

Мгновенно открыв глаза, напрягся всем телом:

— Что случилось?

— Ксюша зашла в ванную полчаса назад и не выходит, — её голос дрожал. — Я стучала, но она не отвечает.

Мы подошли к ванной комнате. Дверь была заперта изнутри. Я приложил ухо к двери — изнутри доносилось тихое рычание и чавканье.

— Ксюша! — позвал я. — Ты там? Ответь!

Тишина. Ни звука.

— Что-то не так, — пробормотал я, хватаясь за ручку.

Сильно дёрнул дверь раз, другой. Она не поддавалась. Навалился всем весом, выламывая замок. С треском дерева и скрежетом металла дверь наконец распахнулась.

В полутьме я различил тело Ксюши, распростёртое на кафельном полу. Она лежала неподвижно, лицом вниз, словно потеряла сознание.

Сделал осторожный шаг вперёд, держа кинжал наготове.

Внезапно тело Ксюши дёрнулось. Резким, неестественным движением, будто через него пропустили электриче-

ский разряд. Затем ещё одно судорожное движение — и она начала медленно подниматься, опираясь на руки. Кожа приобрела серо-зелёный оттенок, глаза помутнели, из приоткрытого рта сочилась тёмная слюна.

— Бля-я-ядь… — только и успел выдохнуть я. — Как же так, Ксюша…

Интерлюдия. Немного о происходящем в городе

Диана Соболева…

Мир вокруг Дианы всегда состоял из отражений. Зеркала гримёрок, глянцевые обложки журналов, отполированный до блеска объектив камеры, стеклянные витрины бутиков, экраны телефонов её фанатов — бесконечная череда поверхностей, возвращающих ей собственное лицо.

Ближе к полудню этого майского дня она рассеянно разглядывала своё отражение в тонированном стекле представительского «Мерседеса». Тонкие пальцы с идеальным маникюром поправили выбившуюся прядь светлых волос и слегка коснулись бровей, проверяя макияж.

Всё как обычно — утренний ритуал самолюбования двадцатишестилетней суперзвезды, певицы Дианы Соболевой.

— Сергей, мы не успеем к началу съёмок, — она недовольно посмотрела на затылок водителя. — Что там впереди?

Сорокалетний мужчина с коротким ёжиком седеющих волос и накачанной шеей бывшего военного бросил взгляд на дорогу впереди:

— Пробка, Диана Михайловна. Что-то случилось. Может, авария.

Диана поджала полные губы, и на её лице появилось то самое фирменное выражение недовольства, прекрасно знакомое сотням тысяч ее фанатов. Она терпеть не могла, когда что-то нарушало её планы. А сегодня на кону стояло слишком многое: съёмки клипа для новой песни, которая должна была стать главным хитом лета. Модный французский режиссёр с непроизносимой фамилией. Бюджет в полтора миллиона долларов. Это был её шанс вывести карьеру на новый уровень.

— Объезжай дворами, — она махнула рукой. — Через двадцать минут начнут накладывать макияж.

Сергей, одновременно выполнявший роли водителя и телохранителя, кивнул и начал перестраиваться в крайний правый ряд, чтобы свернуть. Автомобили вокруг двигались всё медленнее, и что-то во всеобщей нервозности казалось неправильным. Слишком много машин пыталось выехать из центра города.

— Странно, — пробормотал Сергей, вглядываясь вперёд. — Там что-то происходит.

Впереди, метрах в ста, началась какая-то суматоха. Затем послышались выстрелы, за ними — отчаянные крики и визг тормозов. Толпа людей в панике разбегалась в разные стороны.

Диана напряженно подалась вперед:

— Это что, выстрелы? Сергей, давайте поскорее свернем куда-нибудь. Не хочу, чтобы меня засняли рядом с ка-

ким-нибудь убийством.

Водитель кивнул и дал задний ход, пытаясь выбраться к повороту на боковую улицу. Внезапно прямо перед их машиной пробежала женщина с окровавленным лицом. Она что-то кричала, размахивая руками, потом упала, словно споткнувшись, и пропала из виду.

— Какого чёрта? — выдохнул Сергей, останавливая машину.

— Не останавливайся! — взвизгнула Диана. — Просто уезжай отсюда!

Но было поздно. Люди бежали по проезжей части Невского, сталкиваясь и падая. За ними следовали странные фигуры — их движения были одновременно дёрганными и целеустремлёнными. Одна такая фигура догнала бегущего мужчину в деловом костюме и буквально вгрызлась ему в шею. Алая кровь брызнула на асфальт.

— Господи, — прошептала Диана, отшатнувшись от окна. — Что происходит?

Сергей не ответил. Его руки вцепились в руль мертвой хваткой, а лицо превратилось в каменную маску — такое выражение бывает у людей, которые уже видели подобное дерьмо и узнают его с первого взгляда.

— Диана Михайловна, — его голос звучал пугающе спокойно, — нам нужно немедленно покинуть центр города. Сейчас же. Я попробую объехать по дворам.

Он резко крутанул руль, выворачивая на узкую улочку, ве-

дущую к жилым районам. Мерседес с визгом вписался в поворот, едва не сбив женщину с ребёнком, бежавших от чего-то в панике.

Диана вцепилась в ручку двери, от страха забыв даже выругаться. Внутри росло понимание, что происходит что-то действительно страшное. Не очередная «газовая атака в метро», не «теракт в торговом центре», о которых потом неделю говорят в новостях, а что-то намного хуже.

Чуть впереди внезапно возникла толпа людей, перегораживающая дорогу. Сергей резко затормозил, и тяжёлый автомобиль пошёл юзом, останавливаясь в метре от плотной человеческой массы.

— Блядь, — выругался Сергей, переключая передачу на задний ход. — Держитесь, Диана Михайловна!

Но было поздно. Люди окружили машину — их было не меньше двух десятков. Их одежда была измазана в крови, лица искажены яростью и голодом. Они колотили по стёклам и корпусу, оставляя кровавые отпечатки ладоней. Один выбил боковое зеркало, другой запрыгнул на капот, оставляя вмятины на дорогом металле.

— Звони в полицию! — закричала Диана, судорожно пытаясь найти свой телефон в сумочке. — Скажи им, что на нас напали!

Сергей даже не стал отвечать. Он резко вдавил педаль газа в пол, направляя тяжелый Мерседес прямо в толпу. Машина врезалась в скопление тел, сбивая их с ног. Под колесами и

бампером что-то глухо ударялось и хрустело, но Сергей не сбавлял скорости. Он вывернул руль и рванул назад, к перекрестку.

— Что-то не так с этими людьми, — Сергей говорил отрывисто, постоянно проверяя зеркала заднего вида. — Видите, как они двигаются? Как нападают? Похоже на массовый психоз или какой-то вирус.

Диана прижала руку ко рту, сдерживая тошноту. Она действительно заметила что-то странное в движениях нападавших — дёрганые, но вместе с тем уверенные, как у марионеток с обрезанными нитками.

— Это какой-то кошмар, — прошептала она, ухватившись за подлокотник, когда машина снова резко затормозила перед вставшей поперёк дороги фурой. — Что с ними произошло?

Тем временем из-за машины, хромая, вышла женщина в разорванной одежде. Её лицо было покрыто кровью, а в глазах застыло пустое выражение. Она двигалась прямо к машине, неестественно раскрыв рот.

Сергей выругался и быстрым движением достал из наплечной кобуры под пиджаком травматический пистолет «ОСА».

— Не выходите, — скомандовал он Диане и опустил стекло.

Он прицелился и выстрелил. Резиновая пуля попала женщине прямо в грудь, но та даже не замедлилась. Сергей вы-

стрелил снова, на этот раз в голову. Женщина лишь слегка дёрнулась и продолжила двигаться к ним.

— Какого чёрта? — пробормотал он, делая третий выстрел. Но снова безрезультатно.

Женщина уже почти достигла окна, когда Сергей отбросил бесполезное травматическое оружие и молниеносным движением извлёк из ножен на голени боевой складной нож. Диана даже не заметила, когда он успел открыть дверь. Женщина бросилась на него, но Сергей сделал шаг в сторону и с хирургической точностью вонзил лезвие ей в основание черепа. Тело обмякло, и он отбросил его ногой.

— Это не человек, — произнёс он, вытирая лезвие о рукав пиджака. — Я попал ей в голову с метра, а она даже не почувствовала.

Диана сидела, застыв от ужаса. Её руки дрожали, а в голове пульсировала только одна мысль: «Это не может происходить со мной».

— Нужно сваливать из города, — Сергей быстро вернулся в машину и достал из-под сиденья небольшую сумку. — И боюсь, на машине мы дальше не проедем.

Они бросили Мерседес посреди улицы, среди десятков других брошенных автомобилей. Диана едва успела схватить свою сумочку — маленькую, дизайнерскую, совершенно бесполезную в такой ситуации. В ней не было ничего, кроме косметики, кошелька с пластиковыми картами и телефона.

— Я не могу так быстро, — пропыхтела она, ковыляя за широкоплечей фигурой Сергея.

Тем временем вокруг царил хаос. Люди бежали в разных направлениях — кто-то к метро, кто-то прочь от него. Молодая мать тащила за руку рыдающего ребенка. Какой-то бизнесмен в порванном костюме пытался отбиться зонтом от окровавленной женщины, вцепившейся в его плечо.

— Помогите! — кричал он, но никто не останавливался.

В десятке метров от них трое мертвяков рвали на части упавшего старика. Кровь расплывалась по асфальту темной лужей.

— О боже… — Диана застыла на месте, не в силах отвести взгляд от жуткой сцены.

— Не смотрите, — Сергей схватил её за руку. — Нужно двигаться быстрее.

Она попыталась ускориться, но высокие каблуки и узкая юбка делали быстрый бег невозможным. Она споткнулась, едва не упав.

— Так не пойдет, — Сергей оглянулся на приближающихся мертвяков, затем без лишних слов перекинул Диану через плечо и побежал дальше.

Она почувствовала себя до странности беспомощной — женщина, которая привыкла командовать армией стилистов, визажистов и продюсеров, сейчас полностью зависела от этого молчаливого мужчины с ножом.

Им пришлось свернуть в узкий проход между домами, ко-

гда впереди показалась целая группа шатающихся фигур с характерными рваными движениями. Сергей петлял дворами, избегая открытых пространств. Дважды им приходилось прятаться за мусорными баками, пропуская мимо бредущих зомби.

Наконец они оказались во дворе жилого дома — типичного петербургского колодца с высокими стенами и узкими арками. Сергей опустил Диану на землю и привалился к стене, переводя дыхание. Здесь было относительно тихо, но даже досюда доносились крики и звуки борьбы.

— Что мы будем делать? — Диана чувствовала, как дрожит её голос. Впервые за много лет она испытывала настоящий страх — не волнение перед важным концертом, не опасение получить плохие отзывы на новый альбом, а животный, первобытный ужас.

Сергей огляделся. Двор казался пустым, но где-то на верхних этажах хлопнуло окно, и раздался женский крик, оборвавшийся так же внезапно, как начался.

— Найдём укрытие, — его голос был хриплым от бега. — Переждём. Свяжемся с военными или полицией, когда всё утихнет.

— Когда всё утихнет? — Диана нервно засмеялась. — Ты хоть понимаешь, что происходит? Люди сошли с ума! Они едят друг друга!

Они не успели продолжить разговор. В арке, через которую они вошли во двор, показалась фигура. Молодой парень

лет двадцати, в футболке с веселым мультяшным принтом. Его лицо было измазано кровью, глаза мутные и безжизненные. С рук и подбородка капала темная, почти черная кровь.

Увидев живых людей, тварь издала утробный рык и ускорила шаг.

Сергей мгновенно занял боевую стойку, перехватив поудобнее нож. Когда зомби приблизился на расстояние вытянутой руки, телохранитель сделал молниеносный выпад и вонзил лезвие прямо в глазницу твари. Тот дёрнулся и рухнул как подкошенный, а Сергей резким движением выдернул нож и вытер лезвие о его штанину.

— Нам нужно найти укрытие, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Здесь небезопасно.

Они бежали через лабиринт дворов и арок, натыкаясь на всё больше тел — мёртвых, полумёртвых, движущихся с жуткой механической целеустремлённостью. Диана давно сбросила свои дорогие туфли и теперь бежала босиком, чувствуя, как мелкие камушки врезаются в нежную кожу ступней.

В какой-то момент им пришлось остановиться — дальше пути не было. Двор оказался тупиковым, а единственный выход через арку блокировала группа из шести или семи зомби.

— Теперь мы умрём? — прошептала Диана, вжимаясь в холодную стену дома. — Вот так просто?

— Нет, — отрезал Сергей, крепче сжимая рукоять ножа. — Я этим тварям так просто не сдамся.

Он прикидывал шансы прорваться сквозь толпу мертвяков, когда раздался скрип открывающейся двери. Диана обернулась и увидела, что дверь в подъезд, у которого они стояли, приоткрылась. В щели показалось небритое лицо мужчины лет сорока.

— Эй, вы! — негромко позвал он. — Быстро сюда, пока эти твари вас не сожрали!

Сергей схватил Диану за руку, и они буквально ввалились в подъезд. Мужчина быстро захлопнул за ними тяжелую металлическую дверь и прислушался, убеждаясь, что электрический замок сработал.

— Эти твари пока не научились открывать двери, — сказал он, переводя дыхание. — Но лучше не шуметь.

— Спасибо, — выдохнул Сергей, прислоняясь к стене в тесном тамбуре. — Вы нас выручили.

Мужчина окинул их оценивающим взглядом. Его глаза задержались на дорогой, хоть и измазанной грязью одежде Дианы, на её тонком золотом браслете, на бриллиантовых серьгах в ушах.

— Так это ж сама Диана Соболева к нам пожаловала, — ухмыльнулся он, почёсывая небритый подбородок. — Слыхал твою музыку, цыпа. Не сказать, что я фанат, но ты огонь.

— Спасибо, — автоматически произнесла Диана, пытаясь отряхнуть свою испорченную юбку. — Мы очень благодарны за помощь.

Из глубины лестничной клетки донёсся ещё один муж-

ской голос:

— Кого ты там подобрал, Гриня?

— Иди сюда, Витёк, не поверишь! — крикнул их спаситель. — Саму Диану Соболеву спас от мертвяков!

На лестнице показался второй мужчина — худой, с резкими чертами лица и глубоко посаженными глазами. От него пахло перегаром и застарелым потом.

— Охуеть, — протянул он, разглядывая Диану. — И правда она. Давно с такими цыпочками не зависали, а, Гриня?

Диана поёжилась под его взглядом, инстинктивно придвигаясь ближе к Сергею.

— Я Сергей, — представился телохранитель, протягивая руку. — А вы?

— Григорий, — кивнул первый мужчина. — А это Витёк, мой сосед. Мы тут с утра на двоих соображали, когда вся эта херня началась.

— Откуда вы? — спросил Витёк, не сводя глаз с Дианы.

— Ехали на съёмки клипа, — Диана пыталась держаться с достоинством, хотя её колотило от холода и страха. — Застряли в пробке, а потом эти… существа… напали.

— Ха, съёмки клипа! — хохотнул Григорий. — Теперь это уже никому не нужно, красавица. Весь мир полетел к хуям.

— Вы не знаете, что случилось? — Сергей внимательно смотрел на мужчин, словно оценивая, можно ли им доверять. — Почему люди превратились в… это?

— Понятия не имеем, — пожал плечами Витёк. — С утра

башка болела с похмелья, Гриня предложил опохмелиться. Потом начался шум, мы глянули в окно, а там этот пиздец.

— Может, выпьете с нами? — предложил Григорий, кивая в сторону лестницы. — У нас наверху водочка, закусочка. Просто переждем эту херь в безопасности и отлично проведем время.

Сергей колебался, но Диана была настолько вымотана, что согласилась бы на любое убежище.

— Спасибо, — кивнула она. — Но мне бы сначала умыться и… найти какую-нибудь обувь.

— Это организуем, — Витёк подмигнул. — У соседки в квартире всякого барахла полно. Она сегодня утром ушла, так что можешь пошарить там. Всё равно её, наверное, уже сожрали.

Квартира Григория оказалась типичной берлогой холостяка — грязная посуда в раковине, немытый пол, стены, давно не видевшие ремонта. На кухонном столе стояла початая бутылка водки, пара стаканов и тарелка с обветрившейся колбасой.

Диана поморщилась от запаха, но ничего не сказала. Ей разрешили умыться в ванной. Из соседней квартиры, дверь которой Витёк открыл каким-то ключом, она взяла потёртые джинсы, растянутый свитер и разношенные кроссовки на два размера больше. Одежда пахла нафталином и чужим телом, но выбирать не приходилось.

Витёк и Григорий достали ещё пару стаканов и налили

водки себе и гостям. Сергей отказался, сославшись на то, что должен оставаться начеку.

— Я тоже, пожалуй, воздержусь, — Диана слабо улыбнулась, отодвигая стакан. — Не пью крепкого.

— А мы настаиваем, — Витёк подвинул стакан обратно. — За знакомство. Не каждый день с такими звёздами встречаешься. Можно сказать, исторический момент. Конец света, блядь, а мы с самой Дианой Соболевой бухаем!

Сергей напрягся, но Диана решила не спорить. Она взяла стакан, чокнулась и сделала маленький глоток, тут же закашлявшись от противного жжения.

— Не привыкла к народным напиткам? — усмехнулся Григорий. — Только шампанское небось хлещешь?

— Я вообще мало пью, — она поставила стакан и закрыла глаза. Усталость накатывала волнами. — Можно где-нибудь прилечь? Я просто… очень устала.

— Конечно, — кивнул Григорий. — Витёк, покажи нашей звезде гостевую.

Витёк проводил Диану в маленькую комнату с продавленным диваном. На полу валялись пустые бутылки и окурки, на стенах висели пожелтевшие от времени постеры с голыми девицами.

— Располагайся, — Витёк нехорошо улыбнулся. — Если что-то понадобится — только свистни.

Диана опустилась на край дивана, чувствуя, как слипаются глаза. Последнее, что она увидела перед тем, как прова-

литься в сон — Витёк, стоявший в дверях и пожиравший её взглядом.

Она проснулась от громких голосов. Вечерний свет пробивался сквозь грязные шторы — судя по всему, она проспала несколько часов. Из кухни доносились мужские голоса — какой-то спор, иногда переходящий на повышенные тона.

Диана осторожно встала и на цыпочках подошла к двери, прислушиваясь.

— …слишком опасно, — это был голос Сергея. — Нужно дождаться, пока военные возьмут ситуацию под контроль.

— Какие, на хер, военные? — хохотнул Витёк. — Ты видел, что там творится? Весь город кишит этими тварями!

— Я видел вертолёты, — настаивал Сергей. — Кто-то пытается справиться с ситуацией. Нам нужно просто переждать.

— А что делать с твоей хозяйкой? — это уже был Григорий. — Такая цыпочка пропадает…

— Ей нужно время прийти в себя, — голос Сергея стал жёстче. — Оставьте её в покое.

— Слушай, ты, — Витёк явно начинал злиться. — Мы вас приютили, между прочим. Могли бы и отблагодарить как-то. А то сидите тут, нашу еду жрёте…

— Мы заплатим, — голос Сергея звучал устало. — Когда всё это закончится. У Дианы Михайловны есть средства, она щедрый человек.

— А может, мы не денег хотим? — в голосе Григория по-

явились маслянистые нотки. — Может, нам другая благодарность интересна?

Повисла тяжёлая пауза. Диана замерла, затаив дыхание.

— Даже не думайте, — Сергей говорил тихо, но в его голосе звучала сталь. — Хоть пальцем ее тронете, я вам, блядь, бошки расшибу.

Снова наступила тишина, нарушаемая только звоном стаканов. Диана вернулась к дивану и села, обхватив колени руками. В голове крутилась паническая мысль: «Нужно бежать отсюда. Эти люди опасны».

Вдруг из кухни донёсся глухой удар, как будто что-то тяжёлое упало на пол. Потом — звуки борьбы, сдавленное ругательство, ещё один удар. Диана вскочила и бросилась к двери, но остановилась, не решаясь выйти.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Выйти? Спрятаться? Позвать на помощь? Но кого звать, если вокруг только мертвые?

Неожиданно дверь в комнату распахнулась. На пороге стоял Витёк, тяжело дыша. Его рубашка была забрызгана кровью, в руке он сжимал окровавленный кухонный нож.

— Привет, красавица, — хрипло произнёс он. — Твой охранничек, кажется, немного приболел.

Диана отшатнулась, лихорадочно оглядываясь в поисках оружия или пути к бегству. Но комната была крошечной, окно выходило во двор, кишащий зомби, а Витёк полностью перекрывал дверной проём своей тощей, но жилистой фигу-

рой.

— Что вы с ним сделали? — её голос дрожал.

— Немного проучили, — Витёк сделал шаг в комнату. — Он оказался крепким орешком, но мы с Гриней справились.

В коридоре показалась фигура Григория — он тащил что-то тяжёлое. С ужасом Диана поняла, что это тело Сергея. Кровь из множества ран на груди и животе пропитала его рубашку, превратив её в липкое красное месиво.

— Он ещё жив? — выдохнула она.

— Пока да, — ухмыльнулся Григорий. — Но это ненадолго.

Они потащили Сергея к окну гостиной. Диана, как в кошмаре, двинулась следом, не в силах остановить происходящее.

— Нет, прошу вас, — она пыталась ухватить Витька за руку. — Не надо! Вы же не можете…

Мужик стряхнул её, как назойливое насекомое. Они с Григорием распахнули окно. Снизу, со двора, донеслось знакомое рычание — зомби, учуявшие запах крови.

— Смотри, Витек, как они слетаются на кровь, — хохотнул Григорий. — Прямо как акулы.

Сергей застонал, приоткрыв глаза. Его взгляд встретился с глазами Дианы — затуманенный болью, но всё ещё осмысленный.

— Беги, — прошептал он окровавленными губами. — Беги…

— Пора кормить наших новых друзей, — Гриня подмигнул Диане. — Смотри внимательно, цыпа. Ты можешь стать следующей.

И они столкнули тело Сергея в окно. Диана закричала, бросившись вперёд, но Григорий удержал её, обхватив сильными руками. Снизу донесся глухой удар тела о землю, а затем утробное рычание десятков зомби, учуявших свежую кровь. Не прошло и нескольких секунд, как мертвяки окружили неподвижное тело. Раздавался хруст костей и звук рвущейся плоти. Диана знала, что эти звуки останутся в ее памяти навсегда.

— Вот и всё, — Витёк закрыл окно. — Теперь нас трое. Одна большая счастливая семья.

Диана дрожала всем телом, не в силах произнести ни слова. Шок сковал её мысли, превратив всё происходящее в жуткий, нереальный кошмар.

— А теперь, — Григорий развернул её к себе, — поговорим о твоей благодарности.

— Что… что вы имеете в виду? — прошептала Диана, отступая назад, пока не уперлась в стену.

Витёк медленно приблизился, приставил окровавленный нож к её шее и окинул её фигуру голодным взглядом.

— Тебе нужна защита, сладкая. И мы, два здоровых мужика, можем тебе её обеспечить.

Он неторопливо провёл кончиком ножа от шеи до низа живота, едва не порезав ткань свитера. Диана замерла, боясь

даже дышать.

— Но за такую защиту, — его голос стал хриплым, — как понимаешь, придётся хорошенько отплатить.

— У меня… у меня есть деньги… — её голос дрожал, а сознание отказывалось осмыслить происходящее. — С-сколько вам нужно? У меня есть миллион! Два! — она трясущимися руками попыталась достать из сумки телефон. — Только скажите номер карты, я переведу сколько скажете!

Григорий хохотнул, затем выхватил у неё телефон и небрежно бросил его на комод. Пластиковая крышка треснула, но ему было плевать.

— Нахер нам твои деньги? — он кивнул в сторону окна, из-за которого доносилось утробное рычание. — Ты вообще видишь, что за окном творится? Деньги теперь — просто бумага. В новом мире будет другая валюта.

Витёк провёл грязным пальцем по её щеке, оставляя влажный след от слезы.

— Нет, сладкая, нам от тебя нужно кое-что другое. То, чем ты и без денег богата.

— Пожалуйста, не надо, — голос Дианы был едва слышен, тонкий, беспомощный, как у ребёнка. — Только не это…

— Без проблем, — неожиданно спокойно ответил Витёк, убирая нож от её живота.

Он сделал два шага назад, будто давая ей пространство, затем резко подошёл к окну и распахнул ставни. Снизу тут же донеслось хоровое рычание.

— Тогда прошу вниз, — он сделал приглашающий жест рукой. — Или предпочитаешь через входную дверь? Судя по звукам, в коридоре уже тоже парочка мертвецов обитает.

Диана осторожно приблизилась к окну и выглянула. Холодный ветер забрался под одежду, заставив её поёжиться. В полумраке она разглядела шевелящиеся тела внизу — некоторые ещё рвали плоть Сергея, другие бесцельно блуждали, натыкаясь друг на друга.

— Вы не можете! — она в отчаянии сжала кулаки. — Это же… это же убийство!

— Ещё как можем! — рявкнул Григорий, его лицо исказилось от ярости. Он схватил её за волосы и наклонил голову к окну, заставляя посмотреть вниз. — Видишь? Один рывок — и ты там. Никаких следов, никаких улик. Просто ещё одна жертва апокалипсиса. Ну так что, продолжим наше веселье или будем прощаться? Выбирать тебе.

Диана висела в его руках, чувствуя, как скальп горит от боли. Внизу в темноте копошились тени — руки, зубы, разъявленные в вечном голоде рты. Образ Сергея вспыхнул в её мозгу — его крик, звук падения, а потом… нет, она не могла об этом думать.

В голове что-то сломалось. Ужас пережитого за сегодняшний день, смерть Сергея, настоящие зомби — всё это оказалось слишком даже для той, кто привык к жестокому миру шоу-бизнеса. Диана почувствовала, как что-то внутри неё умирает — последние остатки гордости, надежды и человеч-

ности.

Она понуро опустила голову, и когда Григорий разжал пальцы, не пыталась отойти от окна.

— Хорошо… — её голос звучал безжизненно, словно уже принадлежал мертвецу. — Я всё сделаю…

Парочка мужиков переглянулась и ухмыльнулась. Витёк закрыл окно, отрезая комнату от звуков снаружи. Они отошли к дивану, расслабленные, словно хищники, загнавшие добычу.

— И чего тогда ждёшь? — Григорий плюхнулся на продавленный диван, расставив ноги. — Раздевайся. Покажи, за что тебе миллионы платят, кроме песенок.

Дрожащими пальцами Диана взялась за край свитера. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием мужчин и отдаленным рычанием зомби за окном. Время растянулось, каждое движение требовало невероятных усилий. Словно наблюдая за собой со стороны, она видела, как её тело механически выполняет команды, а разум отключается, уходит глубоко внутрь, оставляя лишь пустую оболочку.

Поймав свое отражение в треснувшем зеркале на стене, Диана не узнала себя. Бледное лицо с потухшими глазами, искаженное маской отчаяния и обреченности, принадлежало кому-то другому. Не той уверенной в себе звезде, чьи фотографии украшали глянцевые обложки.

Время перестало существовать. Всё происходящее сли-

лось в один бесконечный кошмар, от которого нельзя было проснуться. Она превратилась в пустую оболочку, выполняющую то, что от неё требовали. Только одна мысль пульсировала в темноте её сознания, единственное слово, в котором концентрировалась вся её воля к жизни: «Ненавижу».

Первые сутки были самыми страшными. Они не давали ей спать — как только она начинала проваливаться в забытье, один из них будил её, требуя «внимания». Они пили дешёвую водку и заставляли её пить вместе с ними. Они ставили музыку — её собственные песни — и заставляли танцевать. Они называли это «личным концертом от звезды».

Наручные часы Сергея, которые Григорий снял с его тела и нацепил на себя, показывали восемь вечера следующего дня, когда Диана поняла, что сходит с ума. В её голове больше не осталось ни одной связной мысли — только бесконечный, повторяющийся крик, как запись на заевшей пластинке: «Ненавижу. Ненавижу. НЕНАВИЖУ».

Витёк грубо схватил её за подбородок, заставляя поднять голову:

— Покажи, на что ты способна, звёздочка, — его глаза блестели нездоровым возбуждением. — Говорят, ты хорошо поёшь. Посмотрим, на что ещё годится твой сладкий ротик.

Диана не отвечала. Её губы распухли и кровоточили. Всё тело ныло от синяков и ссадин. Но физическая боль давно отступила перед чем-то гораздо более страшным — осозна-

нием, что прежнего мира больше нет. Нет роскошных апартаментов и лимузинов, нет восторженных фанатов и папарацци, нет телохранителей и юристов, оберегающих её покой.

— Не выпендривайся, — мужик дёрнул её за волосы. — Не думай, что мы шутим. Начнешь выебываться — полетишь следом!

Диана вздрогнула, вспомнив крики Сергея. Даже в состоянии полного отчаяния, она всё ещё цеплялась за жизнь. Страх пересилил. Она залезла рукой к нему в штаны — член от прикосновения рукой сразу ожил. Затем потискала его в ладони, и он начал расти. Запустила вторую руку и несильно сжала яички.

— Штаны сними. И не надо мне дрочить, сука, соси уже! — нетерпеливо произнес Витек.

Она подчинилась. Сначала, лизнула языком, вкус у мужика был откровенно мерзкий, потом поцеловала, оставив на бордовой головке след от блеска. Витёк, сгорая от нетерпения, надавил ей на затылок и подался своим тазом вперед. Член проник глубоко и уперся в горло. Диана подавилась и закашлялась.

— Вот это другое дело! — Григорий хлопнул в ладоши. — Реально умелая соска. Гринь, налей даме выпить за её старания.

Ещё стакан дешёвой водки. Ещё одна издевательская просьба. Ещё одно унижение. Её жизнь превратилась в

нескончаемую пытку.

К полуночи они снова опьянели до состояния агрессивного возбуждения. Витёк схватил её за волосы, таща в спальню, когда за окном что-то громыхнуло. Мощный взрыв где-то поблизости заставил стёкла задребезжать.

— Что за нахер? — Гриня подошёл к окну, вглядываясь в ночную тьму.

Небо над городом окрасилось оранжевым заревом. Серия новых взрывов разорвала ночную тишину.

— Бомбят, — Витёк выпустил волосы Дианы и тоже прильнул к окну. — Военные, сука, бомбят город!

Диана использовала этот момент, чтобы отползти в угол комнаты. Во рту был металлический привкус крови, голова кружилась. Взрывы продолжались — где-то совсем близко. Потом раздался вой сирен.

Витёк нервно метался по комнате.

— Они совсем охерели? Мы тут как в ловушке!

Пока они были заняты паникой, Диана лихорадочно осматривала комнату, ища что-нибудь, что могло бы послужить оружием. Её взгляд упал на осколок разбитой бутылки, оставшийся на полу после вчерашней попойки. Медленно, стараясь не привлекать внимания, она потянулась к нему.

Взрывы прекратились так же внезапно, как начались. Сирены затихли. Город погрузился в зловещую тишину.

— Может, военные всё-таки наводят порядок? — Григорий отошёл от окна. — Может, скоро всё закончится?

— Хрн там, — Витёк сплюнул. — Если бы они могли что-то сделать, давно бы сделали.

Он повернулся к Диане, и его взгляд остановился на её руке, сжимающей осколок.

— Ты что задумала, сука? — рявкнул он, делая шаг к ней. — Хочешь нас порезать? Ты совсем охуела?

Диана сжала осколок сильнее, понимая, что это её единственный шанс. Она была готова драться, даже если это будет стоить ей жизни.

Витёк бросился к ней, выбивая импровизированное оружие из руки. Осколок отлетел в сторону, оставив на ладони глубокий порез. Кровь брызнула на грязный пол.

— Сука неблагодарная! — он схватил её за горло. — Мы тебя спасли, а ты?

— Отпусти… — просипела Диана, пытаясь разжать его пальцы. — Не могу… дышать…

— Успокойся, — Гриня оттащил друга. — Если ты ее грохнешь, кого мы трахать будем?

Мужик отпустил Диану, и она упала на пол, жадно хватая воздух. По её щекам текли слёзы.

— Долбанная звезда, — прошипел Витёк, пиная её под рёбра. — Ничего, скоро ты станешь послушнее.

В этот момент потолок пронзил ослепительный столб белого света. Он ударил прямо в Диану, окутав её сияющим коконом. Свет был таким ярким, что она зажмурила глаза.

Но самым удивительным было то, что в следующий мо-

мент она чувствовала… невероятную мощь. Словно её кожа превратилась в броню, а мышцы налились стальной силой.

— Эй, ты чего застыла? — Витёк толкнул её ногой. — Вставай, нам ещё развлекаться и развлекаться.

Диана медленно поднялась на ноги. Её движения были плавными, уверенными. Страх исчез, уступив место чему-то новому — холодной, расчётливой ярости. В голове пульсировала единственная мысль: причинить боль. Столько боли, сколько причинили ей. И даже больше. Намного больше.

Витёк снова замахнулся, чтобы дать ей пощёчину, но его ладонь неожиданно столкнулась с невидимой преградой.

На секунду в комнате воцарилась тишина.

Потом Витёк завыл от боли, схватившись за кисть. Пальцы были сломаны в нескольких местах, кость торчала сквозь кожу белыми осколками. А на щеке Дианы не было даже красного пятна.

Она удивленно посмотрела на свою руку, вокруг которой теперь виднелось едва заметное голубое свечение. Потом на его искажённое болью лицо. И засмеялась. Тихо, почти нежно. Звук получился такой жуткий, что Гриня отшатнулся к стене.

Не говоря ни слова, Диана схватила Витька за сломанную руку и дёрнула на себя. Раздался мокрый треск — конечность оторвалась в плечевом суставе, забрызгав стены алыми струями. Витёк заорал так, что, казалось, лопнут стёкла в окнах.

Диана рассматривала кровоточащую руку с научным любопытством, словно изучала диковинный экспонат. Потом небрежно швырнула её в угол.

Витёк рухнул на колени, зажимая культю. Кровь хлестала между пальцев, расползаясь по полу тёмной лужей.

— Что ты… что ты делаешь? — Гриня прижался спиной к стене, его голос сорвался до писка.

Диана обернулась к нему. В её глазах плескалось что-то, чего там никогда раньше не было — безумная, звериная радость от чужой боли. Она наклонилась к Витьку, который корчился в агонии, схватила его за волосы и резко дёрнула вверх.

Её пальцы сжались вокруг его черепа, как тиски. Витёк хрипел, пытаясь вырваться, но она держала крепко. Очень крепко. Слишком крепко.

Кости начали трещать. Сначала тихо, как скорлупа ореха. Потом громче. Еще громче. Глаза Витька вылезли из орбит, изо рта и носа хлынула кровь.

Диана сжимала всё сильнее, наслаждаясь каждым звуком, каждым содрогнием умирающего тела. Наконец череп не выдержал — лопнул как переспелый арбуз, обрызгав её лицо и волосы тёплой красной кашей из мозгов и костных осколков.

Безголовое тело ещё несколько секунд дёргалось в конвульсиях, фонтанируя кровью из шеи, а потом обмякло.

Диана медленно разжала пальцы. Её лицо, забрызганное кровью, расплылось в блаженной улыбке. Она провела язы-

ком по губам, слизывая солоноватые капли, и тихо застонала от удовольствия.

Гриня плакал, уткнувшись лицом в стену, его тело сотрясалось от рыданий.

Она перевела взгляд на Гриню. Тот сполз по стенке, мочась от ужаса в штаны.

— Пожалуйста, — прохрипел он, поднимая дрожащие руки. — Я не хотел… Это всё Витёк… Я пытался его остановить…

— Врешь… — Диана покачала головой. — Ты ничуть не лучше него.

— Умоляю! Я больше не буду! Клянусь! Я исправлюсь!

Диана медленно приблизилась к нему. Что-то в ней изменилось бесповоротно. Прежней Дианы — испуганной, сломленной — больше не существовало. На её месте стояло новое существо, наполненное силой и жаждой мести.

— Мне не нужны твои обещания, — прошептала она, наклоняясь к его лицу. — Мне нужно, чтобы ты почувствовал то же, что чувствовала я.

Она схватила его за лодыжки и потащила к окну. Гриня визжал, пытаясь зацепиться за что-нибудь, но его ногти только скребли по полу, оставляя кровавые полосы.

— Стой! Хватит! — кричал он. — Я не выдержу!

— А я выдержала, — холодно ответила Диана. — Каждую секунду.

Она подняла его над головой, словно он весил не больше

ребёнка. Мышцы её рук даже не напряглись.

— Пожалуйста… убей меня быстро, — прохрипел он, глядя на неё безумными глазами.

— Нет, — Диана покачала головой. — Это было бы слишком милосердно.

Она подошла к окну и распахнула его. Снизу донеслось знакомое рычание — зомби всё ещё бродили по двору.

— Твои друзья ждут, — она поднесла Гриню к окну. — И они голодны.

— Нет! — он попытался вцепиться в оконную раму, но его пальцы соскользнули.

— Знаешь, что самое отвратительное? — Диана наклонилась к его уху. — Для тебя всё закончится относительно быстро. А мне придется с этим жить.

Она швырнула его вниз с такой силой, что его тело пробило асфальт во дворе, оставив в нём трещины звездой. Зомби мгновенно набросились на неподвижное тело, но Диана уже не смотрела.

Она закрыла окно и вернулась в квартиру.

Бессмысленно растягивая губы в ухмылке, Диана стояла у плиты, готовя себе последние остатки макарон. Обрывки мыслей мелькали в её голове, как кадры старого фильма — конкурсы красоты, которые она выигрывала в детстве; кастинги, через которые приходилось проходить; продюсеры, которые клали руки на её колени, обещая сделать звездой; безумные гастрольные туры, когда она валилась с ног от уста-

лости.

Всё это казалось произошедшим в другой жизни, с другим человеком.

Она зачерпнула пригоршню разваренных макарон прямо руками и засунула в рот, не заботясь о том, что они обжигают нёбо. После двух дней почти без еды голод был сильнее боли.

По телу всё ещё разливалось странное ощущение — неуязвимость, пульсирующая в каждой клетке. Она попробовала ещё раз проверить свою новую силу — ударила кулаком по кухонному столу. Тяжёлая деревянная столешница треснула пополам, словно была сделана из картона.

Диана улыбнулась. Она чувствовала, что это только начало. Что с каждым днём её сила будет расти.

Она подошла к разбитому зеркалу в ванной и посмотрела на своё отражение. Лицо изменилось — и дело было не только в синяках и ссадинах. Кожа приобрела едва заметный металлический блеск, словно её окутывало невидимое силовое поле. Под кожей, особенно на висках и шее, проступали тёмные вены — каналы энергии, дающей ей нечеловеческую силу и защиту.

— Вот ты какая, новая Диана, — прошептала она, касаясь своего отражения.

За окном начинало светать. Наступал новый день в этом изменившемся мире. Мире, где правили уже не деньги и связи, а сила и способность выживать.

Диана подошла к окну и посмотрела на двор, где всё ещё

бродили зомби. Среди них валялись и останки Грини — разбросанные куски его тела, которые твари уже начали пожирать.

— Я выживу, — сказала она, глядя на восходящее солнце. — И больше никто не посмеет меня тронуть.

Металлический блеск в её глазах стал ярче, а на губах заиграла хищная улыбка. В этом новом мире ей предстояло стать хищником, а не жертвой.

И она была к этому готова.

Глава 10. Расплата за трусость

Мертвячка оскалилась, обнажая зубы в жуткой пародии на улыбку. В тот же момент за нашими спинами раздался испуганный крик:

— Что за… КСЮША?!

В дверном проёме возник Костя — растрёпанный, в одних трусах, видимо, проснулся от шума и решил выяснить, что происходит. Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел то, во что превратилась его девушка.

Заметив его, тварь мгновенно среагировала — голова резко повернулась в сторону живого запаха, помутневшие глаза вспыхнули голодом. С нечеловеческой скоростью она рванулась мимо меня прямо к Косте.

— НЕТ! — успел крикнуть я, но было поздно.

Костя застыл как вкопанный, парализованный ужасом от вида своей мёртвой подруги. Ксюша прыгнула на него всем телом, её зубы клацнули в миллиметре от горла, но парень инстинктивно выставил руку, защищаясь. Кожа с мокрым треском разорвалась под натиском острых, как бритва, зубов. Кровь хлынула фонтаном, заливая обоих.

Я действовал на чистых рефлексах. Рванув вперёд, со всей силы вогнал обломок катаны в основание черепа Ксюши. Лезвие вошло точно между позвонками, пробив спинной мозг. Тело дёрнулось в последней конвульсии и обмякло,

сползая с Кости на пол.

Сам парень рухнул следом, тяжело дыша и зажимая окровавленную руку. Кровь сочилась сквозь пальцы, капая на плитку. На его предплечье чётко виднелись полукруглые рваные раны — классический зомби-укус.

— Блядь, — выдохнул я, понимая, что случилось. — Когда она успела заразиться?

Я опустился на колени рядом с телом Ксюши, чтобы внимательно ее осмотреть. Она была в одной длинной футболке и трусиках — видимо, разделась перед сном. На шее, руках, спине — ничего. Но когда я приподнял край футболки, обнажив бёдра, то заметил три неглубоких параллельных пореза на внутренней части левого бедра. Тонкие, но с характерными рваными краями, а вокруг них кожа уже почернела.

— Вот, — я указал на раны. — Когти. Видимо, когда мы дрались в том дворе она упала, и один из мертвяков успел её полоснуть, прежде чем мы его добили.

— Но она же сказала, что всё в порядке, — прошептала Алина, не отрывая взгляда от тела.

— Сама не заметила в темноте и под дождём, — я покачал головой. — Или заметила, но решила промолчать. Испугалась, что мы её бросим. А может, просто не поняла, насколько это серьёзно. Измотанность, стресс, расстройство из-за Кости — в таком состоянии легко пропустить царапину на бедре.

— Нет-нет-нет, — бормотал Костя, качаясь из стороны в

сторону. — Это же Ксюша… она не могла… почему она…

Я молча поднялся, стряхивая кровь с обломка катаны. В дверном проёме появился декан с кинжалом наготове. Его взгляд скользнул от трупа Ксюши к окровавленному Косте, и мужик всё понял без объяснений.

— Укушен? — коротко спросил декан.

— В предплечье, — кивнул я. — Глубоко.

Костя поднял на меня умоляющий взгляд, в котором отчаяние мешалось с последней надеждой:

— Макар, пожалуйста… может, это не то… может, я не заражён… Может, это просто царапина? — Его голос дрожал, а слёзы смешивались с кровью на щеках.

— Костя, послушай меня внимательно, — я присел рядом с ним на корточки, стараясь говорить максимально спокойно. — У тебя есть час, может полтора. Потом начнётся лихорадка, судороги, и ты умрёшь. А через несколько минут встанешь снова.

— НЕТ! — он вдруг заорал так, что голос сорвался на истеричный визг. — Я НЕ УМРУ! Ты врёшь! Это всё неправда! Это кошмар! — Костя забился в истерике, размазывая кровь ладонями по кафельной плитке, оставляя красные разводы. — Ксюша! Ксюшенька, вставай! Ну вставай же! — Он потянулся к её безжизненному телу дрожащими руками. — Это розыгрыш, да? Скажи мне, что это всё розыгрыш!

Слёзы лились по его лицу ручьём, смешиваясь с кровью и потом. Он судорожно хватал ртом воздух между рыданиями.

Я молча кивнул декану и Алине, показывая жестом на дверь. Михалыч сразу понял ситуацию и направился в коридор, но перед уходом остановился и молча протянул мне свой кинжал, избегая смотреть на истерящего парня.

— Я остаюсь, — тихо, но твёрдо сказала Алина, прислонившись спиной к холодной стене. — Хочу привыкнуть к смерти. К тому, как это происходит на самом деле.

— НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ! — продолжал вопить Костя, яростно царапая пол ногтями до крови. — МАМА! МАМОЧКА! СПАСИ МЕНЯ! — Его крики эхом отражались от кафельных стен, превращаясь в жалобный вой загнанного зверя.

Я взял кинжал, ощущая привычную тяжесть рукояти в ладони. Затем одним быстрым движением вонзил лезвие между рёбер, нащупав сердце с точностью хирурга. Сталь прошла сквозь плоть с влажным звуком, и Костя резко выгнулся, его крик оборвался на полуслове. Глаза расширились от удивления, рот приоткрылся, выпуская последний хрип. Через секунду взгляд помутнел, и тело обмякло.

— Теперь ждём, — сказал я Алине, откидываясь на пятки и не выпуская кинжал из рук.

— Зачем? — она смотрела на труп с нескрываемым ужасом. — Почему не сразу в голову?

— Сейчас поймёшь.

Алина вжалась в стену, не в силах оторвать взгляд от мёртвого тела. Её дыхание участилось, пальцы нервно теребили

край футболки. В ванной повисла гнетущая тишина.

Внезапно грудь Кости дёрнулась — резко и неестественно. Потом ещё раз. Глаза распахнулись, но в них уже не было ничего человеческого — только мутная пелена и голодный блеск. Челюсти разомкнулись, выпуская утробное рычание, и тело начало медленно подниматься.

Алина ахнула, инстинктивно отшатнувшись.

Я не стал дожидаться, пока тварь полностью поднимется. Как только голова начала поворачиваться в мою сторону, резко вогнал кинжал снизу под подбородок. Лезвие прошло сквозь мягкие ткани и вонзилось в мозг, и то, что когда-то было Костей, замерло на полпути к подъёму и рухнуло окончательно, больше не представляя угрозы.

— Зачем ты это сделал? — Алина едва сдерживала дрожь в голосе. — Дважды убил его?

— Свежее мясо — это топливо для отожравшихся мертвяков, — объяснил я, методично вытирая кинжал о футболку Кости. — Они чуют запах крови за километры и сбегаются на пиршество. А уже обращённых не трогают — им подавай только живую плоть.

Мы с деканом осторожно перетащили тела на застеклённый балкон в дальней комнате. Кровь капала с трупов на линолеум, оставляя липкие красные следы по всему пути. Наши руки тоже были в крови, и приходилось периодически останавливаться, чтобы вытереть их о найденные в шкафу старые полотенца. Трупы накинули черными мусорными па-

кетами, найденными на кухне.

Сначала я хотел скинуть их во двор, но потом передумал. Не только из-за шума, который мог привлечь внимание. Ксюша спасла нам жизни в магазине, показав путь к Косте. А он, пусть и струсивший, всё же дал нам крышу над головой на эту ночь. Пусть останутся здесь, в тепле и покое. Эта квартира станет их последним пристанищем — куда лучше, чем валяться на асфальте.

Два часа спустя мы сидели на кухне, измотанные и молчаливые. Михалыч методично чистил оружие, его лицо оставалось бесстрастным, только слишком резкие, порывистые движения тряпкой выдавали внутреннее напряжение. Вика сидела в углу, обхватив колени руками, её глаза были пустыми и невидящими.

— Нам нужно разделиться, — наконец произнёс я, нарушая тяжёлую тишину. — Дальше вместе идти нельзя. Слишком опасно.

Все медленно подняли головы, глядя на меня.

— Я иду на Академическую,. Мне нужно найти сестру. Но путь туда — через половину города, заполненного мертвяками и военными, которые стреляют во всё живое — это самоубийство для группы.

Михалыч кивнул, болезненно поморщившись от движения раненой руки.

— Согласен. Лучше разделиться, — он взглянул на свою

перебинтованную конечность. — С таким ранением я всё равно буду обузой в серьёзном бою. У Кости есть машина, на ней можно добраться до Красного Села.

— Именно, — я встретился с ним взглядом. — Вам лучше поехать туда. Михалыч, твоя рука нуждается в нормальной медицинской помощи. А Вика… — Я посмотрел на блондинку, которая всё ещё дрожала после увиденного. — Вика не переживёт то, что творится в центре города. Ей нужно попасть в безопасное место как можно скорее.

Алина, сидевшая возле окна, вдруг подняла голову:

— А я пойду с тобой, — её голос звучал неожиданно твёрдо.

Все повернулись к ней. Я удивлённо приподнял бровь:

— Зачем? Это очень опасно.

— У меня есть несколько причин, — она сжала руки в кулаки. — Во-первых, мой двоюродный брат живёт по пути к Академической. Если есть шанс, что он ещё жив, то я просто обязана попробовать его найти. А во-вторых, — она помолчала, подбирая слова, — мне нужен опыт. Настоящий опыт убийства этих тварей. Пока их не стало совсем много, пока я ещё могу научиться. А в безопасной зоне такой возможности у меня не будет.

Я изучающе посмотрел на неё:

— Ты уверена? Путь туда — чистое самоубийство.

— Да, — она кивнула, решительно встречая мой взгляд. — Я решила. Если мир стал таким, то мне нужно научиться

в нём выживать, а не прятаться за чужими спинами.

В комнате повисла тишина. Михалыч внимательно посмотрел на Алину, затем кивнул с пониманием:

— Разумно. В новом мире каждый должен уметь постоять за себя.

— Так и решим, — подытожил я. — Михалыч и Вика едут в Красное Село на машине Кости. Я и Алина идём пешком на Академическую. Выдвигаемся через час, как только рассветёт.

На рассвете мы стояли возле синего Ситроена. Вика уже сидела на пассажирском сиденье, нервно перебирая пальцами застежку сумки. Михалыч проверял машину — уровень бензина, давление в шинах. Его движения были точными и методичными, несмотря на раненую руку.

— Бак не полный, — наконец произнес он. — Но до Красного Села хватит, если не придется сильно объезжать.

Я показал ему маршрут на экране телефона.

— Держитесь второстепенных дорог. Избегайте центральных проспектов и военных блокпостов. Если встретите патруль — не пытайтесь проехать, лучше объезжайте.

Он кивнул, глядя на экран телефона, где я только что отметил маршрут:

— Понял. — Михалыч поднял взгляд и слегка усмехнулся. — Макар, на самом деле ты самый здравомыслящий из всех психов, которых я встречал.

Хрена себе. Даже не знаю, как к этому относиться. То ли он только что признал, что я псих, то ли похвалил за трезвый рассудок. В любом случае, комплимент сомнительный.

Мы молча пожали руки, крепко, по-мужски. Алина стояла чуть в стороне, нервно теребя рукоять ножа. Михалыч подошёл к ней, на мгновение поднял руку, словно хотел коснуться её щеки, но остановился на полпути:

— Ты уверена?

Она молча кивнула, избегая его взгляда.

— Тогда… удачи, — он сделал шаг назад. — И очень надеюсь, что мы ещё увидимся.

— И тебе удачи, — её голос звучал почти шёпотом.

Михалыч развернулся и решительно пошёл к машине. Через минуту двигатель тихо заурчал, и Ситроен медленно тронулся с места. Последнее, что я увидел — бледное лицо Вики, обернувшейся через плечо, и сосредоточенный профиль декана за рулём.

— Куда теперь? — спросила Алина.

— На северо-восток, — я кивнул в сторону района у Академической. — Но сначала нужно переправиться через Неву.

Мы выдвинулись в путь, петляя между дворами. Уже на следующей улице наткнулись на троих мертвяков, пожиравших труп дворника в оранжевой жилетке. Один из зомби поднял голову, заметив нас, и поднялся на ноги, оставляя кровавый след на асфальте.

— Держись за мной, — скомандовал я, вытаскивая ката-

ну.

Мертвяк двинулся в нашу сторону, волоча за собой сломанную ногу. Я подпустил его на два метра и одним коротким движением перерубил шею. Голова отделилась от тела почти полностью, повиснув на тонкой полоске кожи, а само тело ещё секунду стояло вертикально, пока не рухнуло к моим ногам.

Я быстро вытащил кинжал и подошёл к остальным двум. Они даже не повернулись, так как были слишком увлечены своей трапезой. Один точный удар в затылок первому, затем в висок второму. Лезвие легко вошло в мягкие черепа, пробивая путь к мозгу. Оба мертвяка затихли с характерным бульканьем.

— Идём дальше, — я вытер лезвия. — Нечего тут задерживаться.

Мы продолжили путь, выбирая самые тихие переулки. Дважды пришлось прятаться от военных патрулей, которые прочёсывали дворы. Я затащил Алину в подвальное окно заброшенного дома, когда над нами пролетел вертолёт, поливая соседнюю улицу огнём из пулемёта.

В одном из дворов встретили группу выживших — семья с двумя детьми забаррикадировалась в подвале жилого дома. Мужчина в окровавленной рубашке высунулся из окна с обрезом:

— Проваливайте! Здесь всё занято!

Я кивнул и увёл Алину в обход. Спорить с отчаявшимися

людьми было себе дороже.

Мы двигались по Фурштатской, держась параллельно Литейному, но на безопасном расстоянии. С главного проспекта доносились звуки борьбы — нечеловеческое рычание, треск разбиваемых витрин и частые выстрелы.

— Литейный сейчас как пир для мертвяков, — пояснил я, когда Алина вопросительно посмотрела в сторону шума. — Главные улицы превратились в охотничьи угодья. Концентрация свежего мяса слишком высокая, вот туда и стянулись все твари в округе.

Мы свернули в узкий проулок и наткнулись на жуткую сцену — перевёрнутая машина скорой помощи лежала на боку, наполовину заехав в витрину антикварного магазина. Вокруг разбросаны медицинские сумки, шприцы и упаковки от лекарств. По рассыпанным ампулам растекались тёмные лужи, похожие на кровь.

У двери магазина валялись три трупа в медицинской форме, все с характерными рваными ранами на шее и животе. Один из них был практически выпотрошен — кишки вывалились наружу блестящей грудой, привлекая целую стаю ворон, которые деловито копошились в останках.

— Привыкай к этой картине, — я кивнул на тела. — Скорая приехала на вызов и попала в засаду мертвяков.

Алина передёрнула плечами, рассматривая изуродованные трупы. Мы уже собирались обойти место бойни, когда я уловил едва слышный звук из перевёрнутой машины.

— Осторожно, — я резко потянул Алину за рукав, кивая на открытую дверцу скорой. — Внутри кто-то есть.

Из тёмного нутра машины доносилось влажное хрипение и звук скребущих по металлу ногтей. Я жестом показал обойти подальше, но в этот момент дверца скорой с металлическим скрежетом распахнулась, и оттуда вылезло нечто, отдалённо напоминающее человека.

Больничная роба, некогда белая, теперь была покрыта засохшей кровью и чем-то жёлто-зелёным, похожим на гной. Конечности двигались неестественно, словно кукла в руках пьяного кукловода. Но самым жутким было лицо… точнее, его отсутствие. Половину головы просто снесло, оставив рваную дыру, из которой торчали осколки костей и серо-розовая масса мозга.

— Блядь, — выдохнул я, отступая на шаг, когда к горлу подкатил приступ тошноты. Даже после пяти лет апокалипсиса невозможно привыкнуть к такому зрелищу.

Тварь заметила нас и зашевелилась быстрее, издавая булькающие звуки обрубком гортани. Она разинула то, что осталось от рта, обнажая почерневшие зубы, и рванулась вперёд с неожиданной скоростью.

Я перехватил катану обеими руками и, вложив в удар весь вес тела, обрушил лезвие сбоку на шею твари. Сталь с противным хрустом перерубила позвоночник, почти полностью отделив голову от тела. Зомби беззвучно завалился на бок, а из перерезанных артерий хлынула тёмная, почти чёрная

кровь.

В глубине здания антикварного магазина послышался звон разбитого стекла и утробное рычание. Судя по звуку, там было ещё как минимум трое-четверо мертвяков.

— Уходим, — быстро скомандовал я. — Здесь настоящее гнездо. Сейчас сбегутся на звук со всего района.

Алина не нуждалась в дополнительных уговорах. Мы спешно двинулись дальше, слыша, как за спиной с треском выламывается входная дверь магазина и на улицу выползают новые голодные твари, привлечённые громким звуком.

Ещё полчаса пробирались через разрушающийся город. Видели, как мародёры грабили ювелирный магазин, разбивая витрины прикладами автоматов. Минутой позже те же мародёры превратились в корм для стаи мертвяков, выскочивших из соседнего двора.

Когда мы добрались до набережной, я понял, что всё будет сложнее, чем предполагалось.

— Суки, — процедил я, глядя на поднятые пролёты мостов. — Они разделили город.

— Это… плохо? — Алина смотрела на разведенные мосты с недоумением.

— Это пиздец, — ответил я. — Они пытаются локализовать заражение, отрезая районы друг от друга. На той стороне сейчас точно такой же кровавый ад, но переправиться теперь можно только вплавь.

Я огляделся в поисках решения. Вдоль набережной тяну-

лись причалы — преимущественно туристические, с прогулочными катерами и яхтами. Большинство уже исчезло, видимо, хозяева попытались сбежать по воде.

— Нам нужна лодка, — я потянул Алину в сторону небольшого причала, где виднелся потрёпанный белый катер с выцветшей надписью «Афродита».

По пути пришлось перелезть через низкую ограду и пробраться между опрокинутыми стойками с сувенирами и рекламными щитами. На асфальте валялись брошенные в панике путеводители, сломанные зонтики и даже чей-то фотоаппарат, разбитый в суматохе. Повсюду виднелись следы поспешного бегства — кровь, опрокинутые скамейки, разбросанные личные вещи.

У самого причала мы увидели пятна свежей крови на досках и следы борьбы — перевёрнутые стулья, брошенный рюкзак, разбитую бутылку. Судя по всему, тут совсем недавно кого-то настигли мертвяки.

— Осторожно, — я поднял руку, заметив движение на борту катера.

В рубке мелькнула сгорбленная фигура в тёмно-синей куртке с логотипом прогулочных туров. Характерные дёрганые движения не оставляли сомнений — бывший капитан или экскурсовод превратился в мертвяка. Он бессмысленно бился о стекло рубки, оставляя кровавые разводы на прозрачной поверхности, и таращился в пространство мёртвыми глазами.

Я убрал катану обратно в ножны и вместо неё достал кинжал с широким лезвием. В тесном пространстве катера длинное оружие будет только мешать.

— Похоже, кэп решил не покидать свой корабль даже после смерти, — кивнул я в сторону рубки и жестом показал Алине держаться позади. — Запоминай: в таких условиях лучше короткий клинок. Больше маневренности, меньше шансов зацепиться.

Алина молча кивнула, крепче сжимая свой нож. Во взгляде читалась напряжённая сосредоточенность — она явно училась на ходу, запоминая каждый мой совет и действие.

Приблизившись к трапу, старался не шуметь. Мостик слегка поскрипывал под ногами. Зомби внутри катера, похоже, нас не слышал и продолжал монотонно биться о стенку рубки, словно пытаясь выбраться наружу. Его лицо было практически неузнаваемо из-за размозженного лба и вырванного куска щеки, через которую виднелись пожелтевшие зубы и голые дёсны.

Я тихо приблизился сзади, занося кинжал для удара, но в этот момент доска под ногой предательски скрипнула. Зомби развернулся с неожиданной скоростью. Его мертвые глаза уставились прямо на меня, из разорванного рта вырвалось хриплое рычание.

Я едва успел отпрыгнуть, когда он бросился вперёд. В тесноте рубки не было места для маневра, и я встретил его атаку прямым ударом кинжала в глазницу. Лезвие вошло глу-

боко, достигая мозга, но тело мертвяка по инерции продолжало движение, врезаясь в меня.

Мы упали на палубу, я оказался придавлен тяжелой тушей, которая продолжала дёргаться, несмотря на пробитый мозг. Гнилостный запах ударил в ноздри, вызывая рвотный рефлекс. Я перехватил рукоять кинжала поудобнее и с силой провернул его в черепе твари. Наконец судороги прекратились, и я смог отпихнуть тело в сторону, тяжело дыша.

— Ты цел? — Алина протянула мне руку, помогая подняться.

— Да, — я отряхнулся, пытаясь избавиться от прилипших к одежде ошметков. — Посторожи у входа, а я проверю рубку. Нужно выяснить, работает ли эта штука.

Алина молча кивнула и заняла позицию у двери, держа нож наготове. Я протиснулся в тесную рубку и быстро осмотрел панель управления. За несколько лет апокалипсиса мне приходилось управлять разными транспортными средствами — от снегоходов до грузовиков. Катера не были исключением.

Я проверил замок зажигания — пусто. Порылся под панелью, ища запасной ключ — таких тайников обычно полно на туристических суднах. Ничего. Попытался соединить провода напрямую, но аккумулятор, похоже, сел.

— Чёрт, эта штука мертва, — выругался я, выбираясь из рубки. — Ключа нет, да и с аккумулятором проблемы. Даже если найдём ключ, завести не получится.

— И что теперь? — Алина нервно оглядывалась по сторонам.

— Придётся искать что-то ещё, — я спрыгнул с катера обратно на причал.

В конце пирса обнаружилась потрепанная надувная лодка с логотипом «Речные прогулки» — видимо, использовалась в качестве спасательного средства для экскурсионных катеров. Внутри валялись спасательные жилеты и несколько пустых бутылок из-под воды.

— Не «Афродита», конечно, но на тот берег доплывём, — я перевернул лодку, проверяя, нет ли пробоин.

Убедившись, что лодка цела, я спустил её на воду, придерживая за верёвку у причала, и закрепил вёсла в уключинах.

— Садись в нос, — я указал Алине на переднюю часть. — Я сам буду грести. Ты следи за обстановкой и предупреждай, если заметишь что-то подозрительное.

— Понятно, — она осторожно спустилась по деревянным ступеням причала и перешагнула в лодку, стараясь не раскачивать её. Устроившись на носу, она держала нож наготове, внимательно осматривая реку и берега.

Я забрался следом, устроился на центральной банке и оттолкнулся от причала. Течение сразу подхватило лодку, унося нас к середине реки. Утренняя Нева казалась безмятежной в лучах восходящего солнца, но я чувствовал мощь потока под хрупким днищем.

— Не обманывайся видимым спокойствием, — предупре-

дил я Алину, ритмично погружая вёсла в тёмную воду. — Если окажешься за бортом, держись за лодку. Здесь даже опытный пловец не выгребет против течения.

Я направил нос к противоположному берегу, берегя силы и дыхание. Годы выживания научили меня одной простой истине — в длинной гонке побеждает не тот, кто быстрее сорвался со старта, а тот, кто рассчитал ресурсы на всю дистанцию.

Алина кивнула, но вдруг её взгляд заострился на чем-то позади меня. Я обернулся и увидел частный прогулочный катер, дрейфующий посреди реки. Судно накренилось на один борт, рубка была разбита, будто там что-то взорвалось. На палубе мелькали фигуры — не меньше трёх или четырёх мертвяков, бесцельно бродивших по поверхности.

— Можешь обойти их подальше? — напряжённо спросила Алина, не отрывая взгляда от катера.

— Постараюсь, — я поднажал на вёсла, направляя нашу лодку дальше от дрейфующего судна.

Один из зомби на катере заметил движение и повернул голову в нашу сторону. Это была женщина в рваном вечернем платье, стоявшая у борта. Она вцепилась в поручни и издала протяжный вой, привлекая внимание остальных.

— Блядь, они нас заметили, — процедил я, гребя ещё усерднее.

— Они же не умеют плавать? — в голосе Алины звучала нервозность.

— Вообще нет, тонут как камни. Но некоторые могут прыгнуть достаточно далеко…

Я не договорил, потому что именно в этот момент зомби в вечернем платье перевалилась через борт и рухнула в воду. Всплеск, несколько пузырей на поверхности, и тело скрылось в тёмной глубине.

Я продолжил грести, держась подальше от дрейфующего катера. Течение становилось сильнее, и мне приходилось вкладывать все силы, чтобы удерживать направление.

Через десять минут изнурительной гребли мы приблизились к противоположному берегу. Я планировал высадиться сразу, но увидел, что набережная у Площади Ленина кишит мертвяками. Не меньше сотни тварей бродило вдоль гранитного парапета.

— Туда нельзя, — я налёг на вёсла, направляя лодку вдоль берега, вниз по течению. — Нужно найти тихое место.

Течение помогало нам, быстро унося от опасной точки. Мы проплыли ещё метров пятьсот, пока не увидели небольшой заброшенный причал. Потрескавшиеся гранитные ступени, ведущие прямо к воде, ржавые швартовые кольца, пустая будка охранника с выбитыми стёклами. Но главное — ни единого зомби на виду.

— Здесь, — я направил лодку к гранитным ступеням.

Мы осторожно пришвартовались и выбрались на берег.

— Куда дальше? — Алина тихо оглядывалась по сторона.

— Обойдем Кресты и попробуем пройти по Кондратьев-

скому, — я кивнул в сторону массивных тёмно-красных стен бывшей тюрьмы, видневшихся неподалёку.

Странно, но вид этих стен вызвал во мне неожиданный проблеск воспоминаний из прошлой жизни. Я вдруг отчётливо вспомнил, что там, в тех стенах, продержалась довольно крупная группа выживших. Бывшие охранники музея, несколько сотрудников ФСИНа и случайные гражданские, оказавшиеся рядом в момент начала заражения. Они использовали массивные стены и железные двери камер, чтобы держать мертвяков на расстоянии.

— Что такое? — Алина заметила, как я задумался, глядя на здание.

— В прошлой жизни там была крупная группа выживших, — я кивнул на красные стены. — Месяца три-четыре держались, а потом их атаковала большая орда зомби во главе с зомби-псиониками. А ведь предупреждали их валить из города, но нет, решили, что тюремные стены смогут их спасти.

Мы осторожно пробирались вдоль обветшалых исторических зданий, прижимаясь к стенам. Вскоре вышли к более современному кварталу — ряд бизнес-центров со стеклянными фасадами, несколько банков, модный ресторан на первом этаже жилого комплекса. Большинство витрин уже были разбиты, на тротуарах валялись осколки стекла, перевёрнутые столики кафе, брошенные сумки и портфели.

Внезапно из-за угла современного офисного здания донеслись звуки, которые я слишком хорошо знал — женский

плач, перерываемый мужским смехом и рычанием зомби. Я жестом остановил Алину и прижал палец к губам.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите!!! — донёсся отчаянный женский голос. — Не оставляйте нас! У меня дочь!

— Никто тебе не поможет, красавица, — ответил мужчина, чей голос был полон садистского удовольствия. — А малышку мы заберём с собой. Пригодится для развлечений.

Раздался звук разбивающегося стекла, детский плач и мерзкий хохот. Минимум четверо мужиков, судя по голосам. А ещё утробное рычание — они привели с собой зомби или просто бросили семью на съедение мертвякам.

— Тащите пацанку в машину, — скомандовал тот же голос. — А этих пускай твари доедают.

В прошлой жизни я не раз сталкивался с такими ублюдками. Мародёры и обычные твари, которые пользовались хаосом апокалипсиса, чтобы творить то, на что никогда не решились бы в мирное время. Обычно они сбивались в стаи, охотились на слабых и беззащитных. К счастью, они всегда плохо заканчивали. Их либо сжирали зомби, либо убивали более организованные группы выживших.

Но эта семья умрёт здесь и сейчас, а девочку заберут на медленные пытки, если ничего не предпринять.

Алина посмотрела на меня вопросительно. В её глазах читался немой вопрос: что делать?

Логика орала: обходи стороной и топай к Академке. Ввязываться в драку с неизвестным количеством стволов — чи-

стое самоубийство. Особенно когда сестра где-то ждёт помощи.

Но женский крик разрывал воздух снова и снова, становясь всё отчаяннее. А детский плач резал по нервам, как пила по металлу.

К тому же там ребёнок. За пять лет ада я насмотрелся на то, что мародёры творят с детьми. Смерть от зубов зомби покажется милосердием по сравнению с тем, что ждет эту девочку.

— Блядь, — выдохнул я, доставая пистолет и проверяя магазин. Осталось всего три патрона. — Макар, ну и дурак же ты…

Похоже, сейчас кому-то придётся сдохнуть. И очень надеюсь, что это буду не я.

Глава 11. Вспомнить старые навыки

— Оставайся здесь, — сказал я, пристально глядя ей в глаза. — Что бы ни случилось, не высовывайся, пока я не позову. Если всё пойдёт плохо, просто уходи. Где лодка ты знаешь.

— Но… — она начала возражать, но я прервал её.

— Никаких «но». Там минимум четыре урода, скорее всего вооружённых, плюс зомби. Я не собираюсь ещё и за твою жизнь переживать, когда буду их мочить.

Алина кивнула, хотя по её лицу было видно, что она не в восторге от моего решения, но всё же понимает логику таких действий.

Я мысленно оценил свои ресурсы для боя: три патрона в магазине — совсем негусто, однако для начала вполне сойдёт, а кинжал можно метнуть лишь единожды, так что момент для броска придётся выбирать идеально. Каждое действие должно быть выверенным и точным — в нашей ситуации права на ошибку просто не существовало.

Осторожно выглянув из-за угла, оценил обстановку. Ситуация была хуже некуда: на улице стоял чёрный внедорожник с распахнутыми дверями — судя по всему, чья-то дорогая тачка, отжатая мародёрами. Двое здоровенных мордо-

воротов уже сидели внутри, громко ржали и что-то орали оставшимся.

Третий скот тащил за волосы девчонку-подростка лет тринадцати — типичную пацанку с короткой стрижкой, но симпатичной мордашкой, уже заплаканной от ужаса. Она отчаянно вырывалась и молотила по нему руками, но здоровенный ублюдок продолжал тянуть её к машине, как куклу.

За рулём сидел четвёртый — явно главарь, судя по тому, как остальные реагировали на его жесты. Его рожа меня сразу взбесила — холёная, с аккуратной бородкой и надменным выражением, как у мелкого чиновника, дорвавшегося до власти.

А на обочине, метрах в десяти от машины, лежал мужик — явно отец семейства, весь в крови, но ещё живой, судя по слабым движениям. Рядом с ним на коленях стояла женщина, прижимая к себе маленькую девочку лет четырёх. Она тряслась и рыдала, умоляя не трогать старшую дочь.

Самое паршивое — от соседнего здания к ним ковыляли зомби. Медленно, но целеустремлённо. Ещё пара минут, и семью разорвут на куски, если мародёры не прикончат их раньше.

— Ну давай же, малышка, не дури, — хохотнул мудак, тащивший девчонку к машине. — У нас для тебя столько развлечений придумано!

— Быстрее, Колян! — крикнул главарь из машины. — Твари уже близко!

Тот самый Колян развернулся, чтобы забросить девчонку на заднее сиденье. И в этот момент я сделал свой ход. Резким движением вышел из-за угла и, перехватив кинжал за лезвие, метнул его со всей силы.

Нож просвистел в воздухе, преодолевая пятнадцать метров за доли секунды, и вошёл точно между лопаток мародёра. Удар был настолько силён, что лезвие вошло по самую рукоять. Мужик захрипел, выпуская из рук девчонку, и начал заваливаться на бок.

Подросток, освободившись от хватки, рванула в сторону и спряталась за мусорным баком. Умная. Далеко не все в панике соображают, куда бежать.

Всё случилось за доли секунды, и остальные мародёры на мгновение просто застыли, тупо глядя на падающего товарища с ножом в спине. Тишина длилась не более секунды, после чего главарь взорвался яростным криком:

— ВАЛИ ЭТОГО УРОДА!

В следующий момент в мою сторону полетел свинец. Первая пуля просвистела мимо уха, вторая выбила крошку из кирпичной стены в сантиметре от моей головы. Я отпрыгнул назад, в укрытие, прижимаясь к холодным кирпичам.

Выстрелы продолжались, но стрелки явно были хреновые. Пули летели куда угодно, только не в цель. Я быстро высунулся из-за угла и выпустил оставшиеся три пули в сторону машины. Одна разбила боковое зеркало, вторая прошила дверь, а третья, кажется, попала в кого-то внутри — послы-

шался болезненный вопль.

— ОНИ ЗДЕСЬ! — заорал я во всё горло, разыгрывая спектакль. — Берите их в кольцо!

Мой план сработал мгновенно. Из машины донеслись панические крики: «Блядь, их, походу, много!», «Валим отсюда!», «Быстрее, нахуй!». Мародёры решили, что нарвались на целый отряд вооружённых противников, и бросились в бегство.

В ответ на команду главаря раздался дикий визг тормозов и рёв двигателя. Машина сорвалась с места, оставляя на асфальте чёрные следы от покрышек. Эти суки драпали!

Я отбросил пустой пистолет — патроны закончились, а таскать бесполезное железо смысла не имело.

Рискнув высунуться из-за угла, увидел, как внедорожник уносится прочь. Мародёры бросили своего подельника истекать кровью, а девчонка всё ещё сидела за мусорным баком, прижавшись к нему спиной.

В тот же момент я заметил другую проблему: от соседних зданий, привлечённые шумом выстрелов, со всех сторон ковыляли зомби. Их было много, слишком много.

— Блядь, — выдохнул я и бросился к девчонке.

Её трясло, зубы стучали, но она не была ранена, просто напугана до усрачки. Я схватил её за руку:

— Бежим! Сейчас же!

Ей не нужно было повторять дважды. Она рванула со мной к её матери и сестрёнке, которые всё ещё были у ра-

неного отца. Мужик пытался подняться, но кровь сочилась из раны. Судя по тому, как он кашлял — пуля могла задеть лёгкое.

— Алина! — крикнул я в сторону нашего укрытия. — Сюда!

Она мгновенно выскочила из-за угла и побежала к нам. Подоспела как раз вовремя — первые зомби были уже метрах в двадцати.

— Помоги ему встать, — кивнул я на раненого.

Сам я рванул к мародёру, который ещё хрипел и дёргался на асфальте. Он поднял на меня мутный взгляд, в котором мелькнула мольба о пощаде. Его рот открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы, пытаясь что-то сказать.

Я выдернул кинжал из его спины и одним движением перерезал ему горло.

— Отправляйся в ад, ублюдок, — процедил я. Кровь хлынула на асфальт, а его глаза закатились.

Тем временем зомби уже приближались, а двое самых шустрых так и вовсе почти добрались до нас.

Я встретил первого прямым ударом катаны в глазницу. Лезвие вошло глубоко, пробив глазное яблоко и достигнув мозга. Второго зарубил на обратном замахе, почти отделив голову от тела. Зомби рухнули как подкошенные.

В этот момент я услышал хрип за спиной. Обернувшись, увидел, что мародёр с перерезанным горлом уже начал под-

ниматься, его глаза затянуло мутной плёнкой. Превращение произошло куда быстрее, чем я ожидал.

— Вот же упрямая тварь, — пробормотал я и одним движением катаны перерубил ему шею.

Оглянувшись, увидел, что Алина и женщина пытаются поднять раненого мужика. Девчонка-подросток держала свою маленькую сестрёнку, которая тихо поскуливала от страха.

— Поторопитесь! — крикнул я, прикончив ещё одного зомби. — Их слишком много!

— Не могу… встать, — прохрипел раненый мужчина, его лицо побледнело от потери крови.

— Сможешь, — отрезал я, подбегая и закидывая его руку себе на плечо. — Либо идёшь, либо становишься кормом для этих тварей. Выбирай.

В его глазах мелькнула искра решимости, и он, стиснув зубы, сделал шаг. Потом ещё один. Алина поддерживала его с другой стороны, а женщина схватила обеих дочерей за руки.

— Куда? — выдохнул я, сгибаясь под тяжестью мужика. — Где ближайшее укрытие?

— Лодка? — предложила Алина, но я покачал головой.

— Не дотащим. Да и не влезем все.

— Бизнес-центр, — внезапно сказала женщина, указывая на противоположную сторону улицы. — Там группа выживших. Мы были с ними, но решили прорваться за город.

Я проследил за её пальцем и увидел длинное трёхэтажное здание с панорамными окнами и парковкой у входа. Оно выглядело относительно целым, если не считать нескольких разбитых окон на первом этаже.

— Сколько их там? — спросил я, замахиваясь на очередного зомби, подобравшегося слишком близко. Лезвие катаны ударило в основание шеи, но не прошло насквозь — притупленный металл застрял в позвонках. Пришлось резко дёрнуть оружие на себя и добить тварь вторым ударом, на этот раз целясь в висок.

«Ещё немного, и я лишусь второго оружия», — мелькнула тревожная мысль. Катана заметно затупилась после десятков ударов по черепам и костям. Хорошая сталь, но не бесконечная. Нужно беречь лезвие и бить точнее, иначе скоро останусь с голыми руками против орды голодных тварей.

— Человек двадцать, может больше, — ответила женщина. — У них есть оружие и припасы.

— Тогда туда, — решил я. — Быстрее!

Мы двинулись через небольшой сквер, отделявший нас от бизнес-центра. Ноша была тяжёлой — здоровенный мужик весил все девяносто килограммов, а то и больше. Да ещё и приходилось постоянно останавливаться, чтобы срубить очередного зомби.

— Не отставайте! — крикнул я женщине с девочкой.

Тащить раненого мужика было как волочить мешок с песком. Моё плечо уже онемело от нагрузки, а ноги начинали

подкашиваться. Девяносто килограммов живого веса плюс потеря крови, из-за которой он становился всё более вялым и неподвижным — это была серьёзная проблема.

— Держись, — прохрипел я, поправляя хватку и стараясь не споткнуться о разбросанные по дорожке осколки стекла.

Зомби подступали всё ближе. Я видел боковым зрением, как они медленно, но неотвратимо сжимают кольцо вокруг нас. Впереди ковыляли трое, справа ещё двое, а слева… чёрт, слева их было больше всего. Целая стайка мертвяков, привлечённых шумом выстрелов.

Внезапно я услышал женский вскрик позади. Обернувшись, увидел, как зомби в рваной офисной рубашке вцепился в волосы женщины. Его костлявые пальцы намертво сжали её тёмные локоны, а он сам тянул её голову назад, обнажая белую шею. Из его разложившегося рта текла густая слюна, смешанная с кровью.

— МАМА! — завизжала маленькая девочка, но подросток быстро подхватила сестру и потащила в сторону.

Умная девчонка. Не кинулась спасать, а защитила младшую. В этом мире такой инстинкт дороже любых сантиментов.

Я резко развернулся, перехватив катану двумя руками, и одним мощным диагональным ударом отсёк зомби кисть по запястье. Металл прошёл сквозь кость с противным хрустом, брызнув кровью на лицо женщины. Мертвяк отшатнулся, размахивая культёй, из которой хлестала тёмная жи-

жа.

Но отрубленная кисть всё ещё сжимала волосы женщины, как железные тиски. Мёртвые пальцы впились в локоны с нечеловеческой силой.

— УБЕРИТЕ ЭТО! — завопила она, дёргая головой и пытаясь освободиться от жуткой хватки.

— Потом разберёшься! — крикнул я, добивая однорукого зомби. — Бежим!

Женщина, всё ещё с мёртвой кистью в волосах, кинулась вперёд, подгоняя дочерей. Её лицо исказилось от отвращения и ужаса, но она не останавливалась.

В этот момент стеклянные двери бизнес-центра распахнулись, и оттуда выбежали четверо мужчин. Первый — крепкий парень лет тридцати пяти в камуфляжной куртке и с короткой стрижкой — молча вскинул пистолет и начал методично стрелять в ближайших зомби. Два выстрела — два трупа. Хорошая меткость.

Второй и третий — здоровенные мужики в рабочей одежде — размахивали монтировкой и строительной кувалдой. Они действовали слаженно, прикрывая отход. Кувалда с размаху въехала в череп зомби, размозжив его в кашу. Монтировка пробила висок другому мертвяку, и тот рухнул без единого звука.

Четвёртый, худощавый мужчина в очках, подбежал прямо к нам и молча взвалил на себя часть веса раненого.

— Живее! — крикнул один из здоровенных мужиков, раз-

махивавший кувалдой. — Их тут дохера! Сейчас всю округу на нас стянут!

Мы рванули к входу. Алина поддерживала раненого с одной стороны, очкарик — с другой, а я прикрывал отход катаной. Женщина с детьми бежала впереди, всё ещё пытаясь выдрать мёртвую кисть из волос.

— Внутрь! Быстро! — командовал второй мужик с монтировкой, указывая на двери. Стрелок отступал к входу спиной вперёд и продолжал молча стрелять. Его движения были чёткими, профессиональными — бывший военный или спецназовец, без вариантов.

Мы влетели в просторный холл бизнес-центра и тут же начали баррикадировать вход. Мужики быстро пододвигали к стеклянным дверям массивные офисные столы, стулья, даже диван из зоны ожидания. Работали слаженно, без лишних слов — видно, что не первый раз.

Зомби уже колотились в стеклянные двери снаружи, оставляя кровавые разводы на прозрачной поверхности. Но наша баррикада выдерживала. Пока что.

— Тащите его на второй этаж, — сказал очкарик, кивая на раненого. — Там у нас перевязочная.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Здесь было обустроено что-то вроде госпиталя — несколько раскладушек, стол, заваленный лекарствами: пузырьки с таблетками, тюбики мазей, ампулы, бинты, вата, шприцы — явно тащили всё подряд, что попалось под руку. Я окинул

взглядом хаотично разбросанное оборудование и кивнул в сторону окна, за которым виднелось здание с вывеской «Медицинский центр „Здоровье“».

— Из частной клиники забрали? — спросил я у мужика.

— Точно, — он кивнул. — Когда всё началось, наши ребята первым делом туда сбегали. Врачей уже не было, но оборудование осталось. Притащили всё, что смогли унести.

Мы уложили раненого на одну из кроватей. Он был в сознании, но очень бледный. Кровь продолжала сочиться из раны, несмотря на то, что мы прижимали её рукой всю дорогу.

Я быстро осмотрел повреждение, разрезав ножом рубашку мужчины. Времени на деликатность не было, и сейчас было важно не повредить кожу пациента. Входное отверстие было небольшим — видимо, пистолетная пуля среднего калибра. Выходного отверстия не было, значит, пуля застряла внутри. По характеру кровотечения и дыханию раненого я понял, что лёгкое задело, но не сильно.

— Его можно спасти, — сказал я, поднимая взгляд на окруживших меня людей. — Но нужна операция. Пулю надо извлекать.

— Ты врач? — спросил очкарик с недоверием.

— Нет, но опыт имеется, — я закатал рукава. — Мне нужно всё, что у вас есть. Скальпель или острый нож, пинцет, зажимы или хотя бы прищепки, спирт для дезинфекции, нитки, иголка, побольше чистых тряпок, хорошее освещение. И

ещё, у вас медицинские перчатки?

— Иван, тащи аптечку! — крикнул мужик с монтировкой. — Светлана, неси всё, что найдёшь на кухне! Перчаток медицинских нет, но есть резиновые хозяйственные.

— Лучше чем ничего, — кивнул я. — Тащите.

Через пять минут у меня было всё необходимое. Не идеальный хирургический набор, но для полевых условий вполне сойдёт. Резиновые перчатки были не стерильные, но хотя бы защитят от прямого контакта с кровью — любой порез во время операции голыми руками может закончиться заражением.

— Чёрт, — пробормотал я, обильно поливая руки и инструменты спиртом. — В идеале нужно местное обезболивание, хотя бы лидокаин. Но раз его нет…

Я посмотрел на раненого, который слабо улыбнулся:

— Делай что можешь. Я вытерплю…

— Держите его крепко, — предупредил я, делая разрез вдоль раны. — Сейчас будет очень больно.

Мужчина застонал, его тело выгнулось дугой, но сознание не терял. Я углубил разрез, осторожно раздвигая ткани, пока не увидел металлический блеск пули. Она засела между рёбрами, не задев жизненно важных органов.

Я аккуратно извлёк пулю пинцетом — деформированный кусок свинца размером с горошину. Кровотечение усилилось, но было не критичным — основные сосуды остались целы, повредились только мелкие ветви. Далее промыл рану

спиртом, удаляя осколки грязи и ткани, затем туго прижал марлевые тампоны к кровоточащим местам.

— Подержите так минут пять, — сказал я одному из мужчин. — Пока кровь не свернётся.

После того как кровотечение остановилось, я наложил швы на мягкие ткани, стараясь точно совмещать края раны. Но дело было ещё не закончено.

— Паршиво, — выдохнул я, осматривая пациента. — Дыхание становится поверхностным. У него развивается пневмоторакс.

— Что это значит? — спросил очкарик.

— Воздух попадает в плевральную полость — между лёгким и грудной стенкой. Лёгкое сжимается, дышать становится всё труднее. Нужно установить дренаж.

Я лихорадочно осмотрел имеющиеся инструменты. Никаких специальных трубок для дренирования не было.

— Ищите любую полую трубку — от капельницы, шланг, что угодно!

Через минуту мне принесли трубку от системы для внутривенных вливаний и еще одну пару жёлтых резиновых перчаток. Я отрезал палец от перчатки, надел его на конец трубки как клапан, а другой конец опустил в банку с водой.

— Держи банку ниже уровня груди, — сказал я Ивану, готовясь к проколу. — Сейчас я сделаю отверстие между рёбрами и вставлю дренаж. Воздух и кровь будут выходить через трубку, но обратно затягиваться не смогут благодаря клапа-

ну.

Прокол дался нелегко — без нужного инструмента пришлось работать скальпелем. Раненый снова застонал, но держался стойко. Как только я вставил трубку, из неё сразу пошёл воздух с примесью крови.

— Вот и всё, — сказал я, закрепляя дренаж пластырем. — Теперь он сможет нормально дышать.

Через полчаса операция была закончена. Я наложил повязку и отошёл от стола, чувствуя, как подкашиваются ноги от усталости. Работа получилась грубоватой — швы неровные, рана зашита не так аккуратно, как хотелось бы. Слишком давно не было подобной практики. В прошлой жизни я привык полагаться на способности Лекаря — энергетические импульсы сращивали ткани сами, без необходимости в скальпелях и иголках.

Хотя поначалу, когда я был совсем зелёным в области целительства, приходилось работать именно так — руками. Способности отказывались работать «по моему хотению», требовали чёткого понимания того, что именно лечишь. Всегда оставался шанс затянуть внешние раны с помощью псионической энергии, но нечаянно упустить разрыв селезёнки или внутреннее кровотечение. Не раз сталкивался с подобными случаями. К сожалению.

— Будет жить, — сказал я, опускаясь спиной по стене на пол. — Главное — следить за дренажом и не дать инфекции развиться. Если трубка забьётся или банка перевернётся —

зовите немедленно.

Женщина, жена раненого, кинулась к мужу, слёзы катились по её щекам.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо вам…

Я лишь кивнул, слишком уставший для разговоров. Адреналин схлынул, и я почувствовал, как ноет каждая мышца в теле. Драка с мародёрами, побег от зомби, операция — всё это выжало из меня последние силы.

Через несколько минут ко мне подошёл тот самый молчаливый стрелок.

— Алексей, — представился он, протягивая руку. — Спасибо за помощь. Без тебя мы бы его потеряли.

Я пожал ему руку, и в голове промелькнуло смутное воспоминание. Голос… я точно его где-то слышал.

— Слушай, ты хорошо показал себя в бою. Нам нужны такие люди. Может, пройдём в соседний кабинет? Хочу обсудить кое-что наедине.

Я пожал плечами — почему бы и нет. Возможно, он хотел предложить мне остаться с их группой или рассказать что-то важное о ситуации в городе. Что-то такое, о чём лучше не говорить при всех, чтобы лишний раз не пугать людей.

— Идём, — согласился я, поднимаясь с пола.

Алексей провел меня в небольшой офисный кабинет в конце коридора. Пустое помещение с письменным столом, парой стульев и окном, выходящим во внутренний двор. Я зашёл первым, оглядывая обстановку, когда услышал, как за

спиной тихо щёлкнул затвор.

Холодный металл упёрся мне в затылок.

— Ну здравствуй, Макар… — голос за спиной звучал совсем по-другому — холодно и жёстко. — Не думал, что встретимся в этой жизни.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.